

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АЛЕКСЕЕВА Мария Евгеньевна

**ФАКТОРЫ АСИММЕТРИЧНОГО ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ ИВРИТ**

Научная специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (иврит)

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических
наук

Научный руководитель:
Доктор филологических наук
Олег Иванович Редькин

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	23
1.1. Субъект и объект в контексте современных функциональных теорий 23	
1.1.1. Семантические роли	25
1.1.2. Прагматические роли	29
1.2. Основные принципы дифференцированного объектного маркирования	30
1.2.1. Теория оптимальности	35
1.2.2. Теория транзитивности	38
1.2.3. Другие подходы	42
1.3. Типы дифференцированного объектного маркирования	44
1.3.1. Асимметричное маркирование	45
1.3.2. Симметричное маркирование	47
1.4. Факторы дифференцированного объектного маркирования в лингвистической типологии	50
1.4.1. Индивидуализация, определенность и референциальный статус. 52	
1.4.2. Идентифицируемость, доступность и данность	64
1.4.3. Тема и топиальность	68
1.4.4. Одушевленность	71
Выводы по Главе 1	73
ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР АСИММЕТРИЧНОГО ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИВРИТЕ	75
2.1. Общие принципы асимметричного объектного маркирования в современном иврите на материале грамматических описаний	78
2.2. Описание корпуса и методологии	88
2.3. Объектное маркирование и шкала определенности	92
2.3.1. Определенные именные группы	93
2.3.2. Неопределенные именные группы	118

2.3.3. Имена собственные.....	126
2.3.4. Местоимения	128
Выводы к Главе 2	140
ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В АСИММЕТРИЧНОМ ОБЪЕКТНОМ МАРКИРОВАНИИ.....	143
3.1. Референциальный статус ИГ в современном иврите	146
3.1.1. Конструкция сопряженного состояния.....	156
3.1.2. Именные группы с квантификатором <i>kol</i>	158
3.1.3. Конструкция партитива.....	164
3.1.4. Указательные местоимения	172
3.2. Одушевленность.....	179
3.2.1. Вопросительные местоимения	181
3.2.2. Относительные местоимения	183
3.3. Идентифицируемость и данность референта.....	190
3.4. Доступность и топиальность референта.....	201
Выводы по Главе 3	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перечень таблиц.....	244
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список условных сокращений.....	246

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия многие исследования в области синтаксиса ставят своей целью не столько изучение строгого набора грамматических правил, в соответствии с которыми носитель языка должен строить свои высказывания, сколько стремление понять, какие когнитивные процессы побуждают носителя осуществить выбор той или иной словоформы, воспользоваться тем или иным способом кодирования определенных семантико-синтаксических отношений.

В рамках указанной тенденции в последние десятилетия широко обсуждаются различные теории дифференцированного маркирования актантов, в основе которых лежат подтверждаемые многочисленными наблюдениями за разноструктурными языками *стратегии кодирования*: (номинативно) аккумулятивная, эргативная, активная и т.п. (см., например, работы Б.Комри¹, Р.Диксона², Дж.Николс³, Г.Лазарда⁴, Б.Примус⁵, А.Е.Кибрика⁶, Я.Г.Тестельца⁷, П.М.Аркадьева⁸, А.Л.Мальчукова и П.де

---

¹ Comrie B. Ergativity // Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language / Lehmann W.P. (ed.). Austin: University of Texas Press, 1978. Pp. 329-394; Comrie B. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 264 p.

² Dixon R.M.W. Ergativity // Language. 1979. Vol. 55(1). Pp. 59-138.

³ Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. 358 p.

⁴ Lazard G. L'Actance. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 265 p.; Lazard G. Le marquage différentiel de l'objet // Language typology and language universals: An international handbook / M.Haspelmath, E.König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Vol. 2. Berlin, 2001. Pp. 873–885.

⁵ Primus B. Cases and Thematic Roles: Ergative, Accusative and Active. Berlin, New York: Max Niemeyer Verlag, 1999. 285 p.

⁶ Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во. МГУ, 1992. 336 с.; Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. 719 с.

⁷ Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения: диссертация ... доктора филологических наук в форме науч. доклада: 10.02.20. М., 2003. 78 с.

⁸ Аркадьев П. М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // Вопросы языкознания. № 5. 2008. С. 34-62; Аркадьев П. М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // Вопросы языкознания. №4. 2005. С. 101-120.

Сварта⁹, Е.А.Лютиковой¹⁰, М.Хаспельмата¹¹). Неизменный интерес исследователей к этой теме порождает, с одной стороны, целый ряд исследований на материале различных языков мира (например, германских¹², индоиранских и индоарийских¹³, финно-угорских¹⁴, тюркских¹⁵, нигеро-конголезских¹⁶, нахско-дагестанских¹⁷ и в т.ч. в семитских¹⁸), а с другой, приводит к детализации системы кодирования актантов.

⁹ Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // *The Oxford Handbook of Case* / A. Malchukov, A. Spencer (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339–355.

¹⁰ Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. Том XIII. №3. С. 11-40.

¹¹ Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // *Linguistics*. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.

¹² Rappaport Hovav M., Levin B. The English dative alternation: The case for verb sensitivity // *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. Pp. 129-167; Ruigendijk E., Friedmann N. On the relation between structural case, determiners, and verbs in agrammatism: A study of Hebrew and Dutch // *Aphasiology*. 2008. Vol. 22(9). Pp. 948–969.

¹³ На материале индоиранских языков: Bashir E. Beyond split ergativity: subject marking in Wakhi // *Proceedings of the 22nd Regional Meeting (CLS 22)*. Chicago: Chicago Linguistic Society. 1986. Pp. 14-35; Аркадьев П.М. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995)* / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 74-92; на материале индоарийских языков: De Hoop N., Narasimhan B. Differential case-marking in Hindi // *Competition and variation in natural languages: The case for case* / M. Amberber, N. de Hoop (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 321-345.

¹⁴ Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // *Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой*. М.: 2002. С. 106-124; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур. 2012. С. 59-142; Сердобольская Н.В. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бесермянском корпусе // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019. №2. С. 205-215.

¹⁵ Heusinger K, Kornfilt J. The Case of the Direct Object in Turkiš: Semantics, Syntax and Morphology. *Turkish Languages*, 9. 2005. Pp. 3-44; Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2017. Vol. 2(1). Pp. 1-40.

¹⁶ Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 183-211; Коношенко М. Дифференцированное маркирование актантов в юго-западных и южных языках манде // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. №3. С. 393-413.

¹⁷ Кибрик А.Е. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: Свидетельства арчинского языка // *Вопросы языкознания*. 2000. № 5. С. 32-67.

Сегодня наряду с дифференцированным маркированием субъекта¹⁹ и зафиксированной в различных языках вариативности маркирования посессора²⁰, принято выделять дифференцированное маркирование объекта²¹, которое, по данным типологических исследований, встречается почти во всех языках, реализующих аккузативную стратегию кодирования актантов²². Данному феномену посвящена обширная литература, включающая, в том числе, целый ряд исследований по синтаксису, семантике, морфологии, сравнительному языкознанию и дискурсивному анализу на материале различных языков мира²³. Помимо изучения эмпирического материала разноструктурных языков, авторами предпринимаются попытки создать единую теорию, объясняющую вариативность объектного маркирования. На данный момент существуют несколько подходов к объяснению принципов

---

¹⁸ Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 47(3). 1984. Pp. 468-500; Danon G. Caseless nominals and the projection of DP // *Natural Language & Linguistic Theory*. Vol. 24(4). 2006. Pp. 977–1008; Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College–Jewish Institute of Religion. 2012. 287 p.; Hacoheh A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021. Vol. 6(1). Pp. 1-34.

¹⁹ Подробнее см., например, *Differential Subject Marking. Studies in Natural Language and Linguistic Theory* / de Hoop H., de Swart P. (eds). Springer, Dordrecht. 2009. 312 p.; Amberber M. Differential Subject Marking in Amharic // *Perspectives on Cognitive Science, Competition and Variation in Natural Languages* / M. Amberber, H. De Hoop (eds.). 2005. Pp. 295-317.

²⁰ Дифференцированное маркирование посессора на настоящий момент не принято выделять как отдельный феномен. Подробнее см., например, Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа. №3. С. 17.

²¹ В этой работе мы будем пользоваться терминами «дифференцированное маркирование объекта» и «дифференцированное объектное маркирование» как синонимичными.

²² Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. 2007. Vol. 83(1). P. 102.

²³ Приведем, например, работы Bossong G. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.; Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3). 2003. Pp. 435–483; Dalrymple, M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 247 p.; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142; Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking // *Linguistics*. 2014. Vol. 52(2). Pp. 281–313; Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // *STUF - Language Typology and Universals*. Vol. 72. 2019. No. 3. Pp. 313-334 и т.д.

дифференцированного объектного маркирования (ДОМ). Большая часть из них апеллирует при этом к принципам *экономии* (язык стремится использовать минимальное количество языкового материала, достаточное для осуществления коммуникации) и *различительности* (в ситуации с несколькими участниками кодирование каждого из них должно обеспечить возможность их различать). Наиболее известной является так называемая «теория оптимальности», основные принципы которой раскрываются в работе Дж.Эйссен²⁴. В качестве факторов вариативности теория Дж.Эйссен предлагает параметры «определенность» (приводя в пример современный иврит) и «одушевленность». Другие подходы предлагают рассматривать ДОМ в терминах транзитивности («теория транзитивности», основанная на принципах, предложенных П.Хоппером и С.Томпсон²⁵, которая анализирует ДОМ как вариативность кодирования О-участника ситуации в транзитивной клаузе) или иконичности²⁶. Дискуссия между сторонниками различных подходов активно ведется и в настоящее время, в том числе, на базе все расширяющегося спектра языковых данных, полученных на материале различных языков.

В типологии дифференцированного объектного маркирования фиксируют также противопоставление «симметричного» и «асимметричного» типов маркирования²⁷. При симметричном маркировании вариативность кодирования объекта проявляется в употреблении различных ненулевых падежных показателей тогда как при асимметричном маркировании вариантами оформления объекта является нулевой показатель и показатель аккузатива. В современном иврите встречаются как симметричный, так и асимметричный типы объектного маркирования,

²⁴ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

²⁵ Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. Pp. 251–299.

²⁶ Аркадьев П. М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем. С. 34-62.

²⁷ Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 347.

однако первый реализуется с очень ограниченной группой глаголов и в некоторых работах даже не включается в феномен ДОМ²⁸. Таким образом, **объектом исследования** в данной работе служит феномен дифференцированного объектного маркирования, тогда как **предметом исследования** являются особенности асимметричного объектного маркирования, как наиболее распространенного и регулярно встречающегося в современном иврите способа кодирования объекта в транзитивных клаузах.

Таким образом, **актуальность темы исследования** обоснована активной вовлеченностью феномена дифференцированного объектного маркирования в разработку единой непротиворечивой теории, объясняющей вариативность кодирования актантов, над которой в данный момент активно работают как российские, так и зарубежные исследователи, а уточнение особенностей оформления аккузативных конструкций, в частности, факторов, лицензирующих ДОМ в современном иврите, подход к которым на данный момент, по нашему мнению, является недостаточно всесторонним, внесет существенный вклад в развитие данной теории.

Степень научной разработанности темы. Прежде всего, данное исследование опирается на широкую теоретическую базу в области падежного маркирования вообще и дифференцированного маркирования актантов, в частности, представленную, среди прочих, фундаментальными работами Ч.Филмора²⁹, М.Сильверстейна³⁰, Б.Комри³¹, И.Ш.Козинского³², Дж.Николс³³, Г.Лазарда³⁴, Б.Примус³⁵, А.Е.Кибрика³⁶, Я.Г.Тестельца³⁷,

---

²⁸ Plaut D., Nacohen A. The acquisition of Hebrew Differential Object Marking: Between production and comprehension // *Journal of Child Language Acquisition and Development*. 2022. Vol: 10(4). Pp. 627-652.

²⁹ Филмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // *Новое в зарубежной лингвистике*. М. 1981. Вып. 10. С.496-531.

³⁰ Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / Dixon, R. M. W. (ed.). Canberra: Australian National University, 1976. Pp. 112-171.

³¹ Comrie B. Ergativity. Pp. 329-394.

³² Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дисс.... канд. филол. наук. М., 1979. 225 с.

³³ Nichols J. Linguistic diversity in space and time. 358 p.

П.М.Аркадьева³⁸, А.Л.Мальчукова и П.де Сварта³⁹, Е.А.Лютиковой⁴⁰, М.Хаспельмата⁴¹. Огромную важность для работы имеют также работы, посвященные собственно ДОМ. Среди основополагающих работ необходимо назвать исследования Г.Боссонга⁴², П.Хоппера и С.Томпсон⁴³, Дж.Эйссен⁴⁴, Дж.Хана⁴⁵, М.Даримпл и И.Николаевой⁴⁶, А.Л.Мальчукова и П. де Сварта⁴⁷, а также работы М.Б.Коношенко⁴⁸, Н.В.Сердобольской и С.Ю.Толдовой⁴⁹, предлагающие интересную методологию, позволяющую реализовать многофакторный подход к ДОМ на примере конкретного языкового материала. Проблема семантических ролей, в частности Агентса и Пациенса, имеющая большое значение для изучения ДОМ, рассматривается в работах Р.Диксона⁵⁰, Б.Комри⁵¹ в т.ч. в соавторстве с Э.Кинаном⁵², У.Фоли и Р.Ван

---

³⁴ Lazard G. *L'Actance*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 265 p.; Lazard G. *Le marquage différentiel de l'objet // Language typology and language universals: An international handbook / Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible (eds.), vol. 2. Berlin, 2001. Pp. 873–885.*

³⁵ Primus V. *Cases and Thematic Roles ...* 285 p.

³⁶ Кибрик А.Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания ...* 336 с.; Кибрик А.Е. *Константы и переменные языка.* 719 с.

³⁷ Тестелец Я.Г. *Грамматические иерархии и типология предложения.* 78 с.

³⁸ Аркадьев П.М. *Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем.* С. 34-62; Аркадьев П.М. *Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // Вопросы языкознания. №4. 2005. С. 101-120.*

³⁹ Malchukov A., de Swart P. *Differential case marking and actancy variation.* P. 339–355.

⁴⁰ Лютикова Е. А. *Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа.* С. 11-40.

⁴¹ Haspelmath M. *Role-reference associations and the explanation of argument coding splits.* Pp. 123-174.

⁴² Bossong G. *Empirische Universalienforschung.* 185 p.

⁴³ Hopper P., Thompson S. *Transitivity in grammar and discourse.* Pp. 251–299.

⁴⁴ Aissen J. *Differential object marking: Iconicity vs. economy.* Pp. 435–483.

⁴⁵ Khan G. *Object markers and agreement pronouns in Semitic languages.* Pp. 468-500.

⁴⁶ Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure.* 247 p.

⁴⁷ Malchukov A., de Swart P. *Differential case marking and actancy variation.* P. 339–355.

⁴⁸ Коношенко М.Б. *Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Труды института лингвистических исследований. СПб: Наука, 2009. Т. V. № 2. С. 42-75.*

⁴⁹ Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. *Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке.* С. 106-124; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. *Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках.* С. 59-142.

⁵⁰ Dixon R.M.W. *Ergativity.* Pp. 59-138.

⁵¹ Comrie B. *Language universals and linguistic typology ...* 275 p.

Валина⁵³, Р.Ван Валина и Р.ЛаПолла⁵⁴, Дж.Бреснана и Дж.Канерва⁵⁵ и Д.Даути⁵⁶.

Большое количество научных работ посвящено непосредственно факторам, регулирующим дифференцированное маркирование прямого объекта. Параметру «определенность», который в рамках подхода Дж.Эйссен рассматривается как один из двух главных факторов-лицензоров ДОМ, в т.ч. как регулирующий вариативность в языке иврит, уделяется особое внимание. Общей теоретической базой осмысления понятий «определённость» и «детерминация» стали работы И.А.Мельчука⁵⁷ и Дж.Хокинса⁵⁸, а также исследования различных видов актуализаторов, которые в зарубежной лингвистике чаще всего обозначаются термином «детерминатив»⁵⁹.

Описанию референциального статуса и других прагматически значимых характеристик референтов в дискурсе, посвящены работы отечественных лингвистов Н.Д.Арутюновой⁶⁰, Е.В.Падучевой⁶¹,

---

⁵² Keenan E. L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8(1). Pp. 63-99.

⁵³ Foley W. A., Van Valin R. D. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 432 p.

⁵⁴ Van Valin R., LaPolla R. J. *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 741 p.

⁵⁵ Bresnan J., Kanerva J. Locative inversion in Chichewa: A case study of factorization of grammar // *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20(1). Pp. 1-50.

⁵⁶ Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67(3). Pp. 547-619.

⁵⁷ Мельчук И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук ; общ. ред. Е. Н. Саввина, Н. В. Перцова ; пер. с фр. В. А. Плунгян. – Москва - Вена: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Морфологические значения. 544 с.

⁵⁸ Hawkins J.A. *Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978. 316 p.

⁵⁹ Яковенко О.В. Когнитивно-семантические свойства детерминативов в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 Пятигорск, 2005. 201 с.; Gianollo C., Heusinger K., Napoli M. *Reference and Quantification in Nominal Phrases: The Current Landscape and the Way Ahead // Determiners and Quantifiers*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2022. Pp. 1-28 и др.

⁶⁰ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы/ АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.

⁶¹ Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука. 1985. 293 с.; Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы // *Русская корпусная грамматика*, 2017. [Электронный ресурс] URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Референциальный_статус_именной_группы/ (дата обращения 30.05.2023).

А.Д.Шмелева⁶², предлагающие развернутую типологию референтных и нереферентных именных групп. Основные положения когнитивно-ориентированного подхода к процессу порождения речи, объясняющего референциальный выбор говорящего, на которых основано данное исследование, изложен в работах У.Чейфа⁶³, А.А.Кибрика⁶⁴, Э.Принса⁶⁵, Дж.Гандел, Н.Хедберг и Р.Закарски⁶⁶, а также в работах Т.Гивона⁶⁷, анализирующих связь референтности и топикальности, в т.ч. на материале иврита, и предлагающие статистически обоснованную методологию анализа степени топикальности референта.

Теоретическому осмыслению «одушевленности» как явления реальности и лингвистического феномена посвящен широкий спектр научных работ последних лет. Помимо классической работы Л.Ельмслева 1972 года⁶⁸ привлекаются, в частности, исследования П.де Сварта в соавторстве с Х.де Хуп⁶⁹ и с Т.Тромпенаарс, Т.А.Калуге и Р.Сараби⁷⁰, а также работы С.Байанати и И.Тойвонена⁷¹ и А.Л.Мальчукова⁷².

⁶² Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК. 2002. 496 с.

⁶³ Chafe W. L. Language and Consciousness // *Language*. Vol. 50. №. 1. 1974. Pp. 111–133; Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // *Subject and topic* / Li C. N (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 25-55; Chafe W. Cognitive constraints on information flow // *Coherence and grounding in discourse* / Tomlin, R. (ed.) Amsterdam: Benjamins, 1987. Pp. 21–52.

⁶⁴ Кибрик А. А Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. доктора филол. наук. М.: Институт языкознания РАН. 2003. 90 с.

⁶⁵ Prince E. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical pragmatics* / Peter Cole (ed.). New York: Academic Press, 1981. Pp. 223-255.

⁶⁶ Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse // *Language*. 1993. Vol. 69(2). Pp. 274-307.

⁶⁷ Givón T. Definiteness and referentiality // *Universals of human language* / Greenberg J.H., Ferguson C.A., Moravcsik E.A. (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1978. Vol. 4. Pp. 291-330; Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction // *Topic continuity in discourse: A quantitative crosslanguage study (Typological Studies in Language, vol. 3)* / ed. by T. Givón. Amsterdam: Benjamins, 1983. Pp. 1-41.

⁶⁸ Ельмслев Л. О категориях личности–неличности и одушевленности–неодушевленности // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972. С. 114 – 152.

⁶⁹ De Swart P., De Hoop H. Shifting animacy // *Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 44(1-2). Pp. 1-23.

⁷⁰ Trompenaars Th., Kaluge T.A., Sarabi R., de Swart P. Cognitive animacy and its relation to linguistic animacy: evidence from Japanese and Persian // *Language Sciences*. 2021. Vol. 86. [Электронный ресурс] URL:

Что касается непосредственно исследований, посвященных синтаксису языка иврит, то, несмотря на глубокую заинтересованность исследователей в феномене ДОМ, на данный момент работ, посвященных исследованию асимметричного объектного маркирования в иврите, очень немного. Вслед за Дж.Эйссен, упомянувшей иврит (со ссылкой на работу Т.Гивона 1978 г.⁷³) как пример языка, где единственным фактором, лицензирующим вариативность объектного маркирования, является «определенность»⁷⁴, другие авторы в рамках этого подхода ссылаются на иврит в качестве доказательства существования систем, регулируемым одним из двух параметров: одушевленностью или определенностью. На наш взгляд, использование данного тезиса в теоретических исследованиях, требует, с одной стороны, уточнения понимания параметра «определенность» применительно к языковому материалу современного иврита, и, с другой, проверки соответствия указанного принципа современным языковым (речевым) данным.

Однако исследования, посвященные вопросам синтаксиса современного иврита, которые могли бы внести ясность в этот вопрос, проводятся, в основном, в рамках формального подхода к синтаксису, в том числе, ориентируясь на теорию абстрактного Падежа, сформировавшуюся в рамках порождающей грамматики Н.Хомского⁷⁵. В рамках этой парадигмы исследователи логически выводят из общего положения порождающей грамматики о превалировании синтаксических структур над несинтаксическими факторами тезис о существовании теоретического

---

https://pure.mpg.de/rest/items/item_3347556_1/component/file_3347557/content (дата обращения: 10.07.2023).

⁷¹ Bayanati S., Toivonen I. Humans, Animals, Things and Animacy // *Open Linguistics*. 2019. Vol. 5(1). Pp. 156-170.

⁷² Malchukov A.L. Animacy shifts and resolution of semantic conflicts: A typological commentary on Shifting animacy by de Swart & de Hoop // *Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 44(1-2). Pp. 47-55.

⁷³ Givón T. Definiteness and Referentiality. Pp. 291–330.

⁷⁴ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

⁷⁵ Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.; Chomsky N. *The Minimalist Program*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 420 p.

конструкта, абстрактного Падежа, который в различных языках выражается различными языковыми средствами: аффиксами морфологического падежа или служебными словами. В рамках исследования современного иврита такой подход является преобладающим и в различное время применялся исследователями Э.Риттер⁷⁶, Ш.Винтнер⁷⁷, Г.Данон⁷⁸, Т.Силони⁷⁹, О.Премингером⁸⁰ и др. В частности, в единственном диссертационном исследовании, затрагивающем феномен ДОМ в современном иврите, автор, Г.Данон, объясняет дистрибуцию показателя аккузатива в современном иврите синтаксическими ограничениями, имеющими отношение к структурным различиям между определенными и неопределенными объектами, и предполагает, что показатель аккузатива «присваивает структурный Падеж независимо от глагола»⁸¹. Такой подход, основанный на принципиальной автономности синтаксиса, не позволяет рассмотреть дискурсивно-прагматические характеристики тех языковых выражений, которые кодируют объект (референциальный статус, одушевленность, топикальность), или характеристики предиката (значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение), т.е. те параметры, которые, согласно различным подходам к ДОМ, регулируют вариативность объектного маркирования⁸².

---

⁷⁶ Ritter E. Two functional categories in noun phrases: Evidence from Modern Hebrew // *Syntax and semantics*, vol. 25: Perspectives on phrase structure: Heads and Licensing / Rothstein, S. (ed.). San Diego: Academic Press, 1991. P. 37-62.

⁷⁷ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 36(2). Pp. 319-363.

⁷⁸ Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew. PhD thesis, Tel-Aviv University. 2002. 243 p. [Электронный ресурс] URL: <http://faculty.biu.ac.il/~danong1/papers/Danon2002-dissertation.pdf> (дата обращения: 29.09.2009).

⁷⁹ Siloni T. Noun phrases and nominalizations: the syntax of DPs. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. 220 p.

⁸⁰ Preminger O. Functional structure in the noun phrase: revisiting Hebrew nominals // *Glossa: a journal of general linguistics*, 5(1): 68. 2020. Pp. 1–8.

⁸¹ Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew.

⁸² Подробнее о факторах-лицензорах ДОМ в различных подходах см. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. Pp. 345-347.

Исследования факторов ДОМ в рамках функционального подхода на материале иврита, насколько известно автору, проводились только для древнееврейского языка. Наиболее фундаментальной работой в этой области стало диссертационное исследование П.Бекинса 2012 года⁸³, которое убедительно доказывало значение дискурсивно-прагматических факторов (называемых автором в совокупности «информационным статусом») в вопросе оформления объекта в древнееврейском языке.

Для получения информации о сложившемся на данный момент в литературе представлении относительно принципов морфосинтаксического кодирования прямого и косвенного объектов автором также были привлечены различные исследования по синтаксису семитских языков, а также научные исследования, грамматические описания и справочники современного иврита. Наиболее значительными работами в области семитского языкознания стали труды Дж.Хана⁸⁴ и А.Д.Рубина⁸⁵, а в области современного иврита — помимо уже упомянутых выше работ Э.Риттер, Ш.Винтнер, Г.Данон, Т.Силони и О.Премингера — фундаментальный труд по грамматике современного иврита Л.Глинерта⁸⁶, работы Р.Халеви по синтаксису иврита, включая исследование асимметричного типа объектного маркирования⁸⁷, работа У.Орнана по именной морфологии⁸⁸, труды

---

⁸³ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. 287 p.

⁸⁴ Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. Pp. 468-500.

⁸⁵ Rubin A.D. Studies in Semitic grammaticalization. Winona Lake: Eisenbrauns, 2005. 177 p..

⁸⁶ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.

⁸⁷ Halevy R. Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew: Cross-language comparison with English, German and Spanish // On Interpreting Construction Schemas / N.Delbecque, B.Cornillie (eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2008. Pp. 61-102; Halevy R. Modern Hebrew syntax // Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics / G. Khan (ed.). Vol. 3. Brill: Leiden, 2013. Pp. 707-722.

⁸⁸ אורנן יו. ביטויי עצם בספרות העברית החדשה. עבודת דוקטורט, האוניברסיטה העברית ירושלים 1964 Орнан У. Именные группы в современной литературе на иврите. Докторская диссертация. Еврейский университет в Иерусалиме, 1964.

У.Шлонски⁸⁹. Необходимо также особо отметить недавнее экспериментальное исследование А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут⁹⁰, которое стало первым исследованием, помимо работ, принадлежащих автору данной диссертации, утверждающим, что объектное маркирование некоторых типов референциальных выражений (А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут рассматривают конструкции партитива) в современном иврите является опциональным и не регулируется исключительно параметром определенности.

Таким образом, данное исследование основано, на широком спектре российских и зарубежных исследований, посвященных проблемам функционального синтаксиса и стратегиям кодирования аккузативных конструкций, референтности, одушевленности и другим дискурсивно-прагматическим параметрам, потенциально регулирующим ДОМ в современном иврите, на существующих исследованиях по синтаксису, современного иврита, а также на эмпирическом материале, полученном с помощью автоматизированных систем извлечения данных (корпусов).

Источниковой базой для исследования послужили данные двух сформированных автором корпусов современного языка иврит, Hebrew Objects General Corpus (HOG корпус), объемом около 52 тысяч слов, и Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 тысяч слов, созданных на базе корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21)⁹¹, размещенного на платформе SketchEngine (<https://www.sketchengine.eu/>).

Целью диссертационного исследования является выявление факторов, регулирующих асимметричное объектное маркирование в транзитивной клаузе в современном языке иврит.

⁸⁹ Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: A study of Quantifier Float in Hebrew // *Lingua*. № 84. 1991. Pp. 159–180; Shlonsky U. *Clause Structure and Word Order in Hebrew and Arabic*. Oxford: Oxford University Press. 1997. 304 p.

⁹⁰ Hacoen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity. Pp. 1-34.

⁹¹ heTenTen21 corpus [Электронный ресурс] URL: <https://www.sketchengine.eu/hetenten-hebrew-corpus/> (дата обращения: 15.09.2022).

Для достижения поставленной выше цели были сформулированы следующие **задачи исследования**:

1. определить содержание понятия асимметричное объектное маркирование;
2. инвентаризировать основные принципы дифференцированного объектного маркирования, представленные в научной литературе, в том числе выявить факторы, которые могут регулировать объектное маркирование асимметричного и симметричного типов;
3. обосновать применение термина «асимметричное объектное маркирование» к способу оформления О-участника ситуации в транзитивной клаузе в современном иврите;
4. описать способы выражения категории «определенность» в современном иврите, в т.ч. с использованием различного типа детерминативов, и классифицировать типы референциальных выражений, которые в современном иврите могут кодировать О-участника в транзитивной клаузе по параметру определенность/неопределенность;
5. представить основные принципы асимметричного объектного маркирования в современном иврите, сформировавшиеся в научной и справочной литературе;
6. установить, является ли наличие формальных показателей детерминации, сопровождающих референциальное выражение, кодирующее О-участника в транзитивной клаузе, единственным и абсолютным условием оформления референциальных выражений различного типа показателем аккузатива, а их отсутствие — абсолютным ограничением на маркирование с помощью показателя;
7. выявить наличие или отсутствие корреляции вариативности объектного маркирования асимметричного типа в современном иврите с другими факторами-лицензорами, рассматриваемыми в литературе по ДОМ, в частности, с дискурсивно-прагматическими факторами, такими

как одушевлённость, референциальный статус, активность референта в дискурсе, топикальность, и при наличии корреляции сформировать иерархию всех выявленных факторов-лицензоров.

Поскольку **теоретическая база исследования** включает теоретические принципы и подходы, разработанные в рамках функционализма, то **методологическая база исследования** была выбрана в соответствии с основными характеристиками функционализма, включающими *эмпиризм, использование количественных методов и мультидисциплинарность*⁹². Таким образом, в исследовании используются **методы** сравнительного и объяснительного описания, контекстного анализа и текстового квантитативного анализа, в том числе, в рамках корпусно-статистического метода широко применяется статистические методы анализа данных. Использование корпусных инструментов и автоматизированных методов анализа данных позволяет более эффективно выявлять релевантные для анализа факторы и с большей статистической достоверностью оценивать силу их влияния на выбор языкового выражения⁹³. Несомненным преимуществом корпусно-статистического метода в данном исследовании является то, что оно, как и любое исследование, выполненное на материале корпуса, «опирается на зафиксированные образцы речи, а не на придуманные примеры, на отрезки текстов, связанные определёнными семантическими отношениями, а не на изолированные предложения»⁹⁴.

Научная новизна исследования. Эта работа является первой в научной литературе попыткой рассмотреть явление асимметричного

---

⁹² Кибрик А. А., Плулунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. 4-е изд / А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 276-339; Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 433 p.

⁹³ Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // Вопросы языкознания. 2016, № 6. С. 120-121.

⁹⁴ Воейкова М.Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. №1. С. 7-21.

объектного маркирования в современном иврите в терминах функционализма и в рамках когнитивно-дискурсивного подхода с использованием инструментов и методик корпусного анализа. В результате такого подхода стало возможным сформировать объективное суждение о факторах, лицензирующих асимметричное маркирование в современном иврите на материале узуса, а не грамматических описаний или языковой интроспекции отдельных исследователей. Указанный подход к изучению асимметричного объектного маркирования в современном иврите и корпусные методы исследования, не применявшиеся ранее с такой целью на указанном материале, обосновывают научную новизну исследования.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования обоснована использованием комплексного подхода к изучаемому явлению, учитывающего дискурсивно-прагматические факторы, результаты применения которого могут, с одной стороны, уточнить сложившиеся представления о явлении ДОМ в иврите, а с другой, внести вклад в разработку единой непротиворечивой теории, объясняющей вариативность кодирования актантов, над которой в данный момент активно работают как российские, так и зарубежные исследователи.

Практическая значимость исследования. Результаты данного диссертационного исследования могут применяться для уточнения данных справочных изданий в разделах, посвященных оформлению аккузативных конструкций, при разработке методических материалов и в практике преподавания современного языка иврит, а также могут быть использованы при программировании различных автоматизированных информационных систем, включающих ивритоязычный текст (систем машинного перевода, автоматических поисковых систем, морфологических и синтаксических анализаторов, систем дистанционного обучения и др.) для повышения точности представленной информации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотренное в широкой типологической перспективе кодирование прямого объекта, т.е. О-участника ситуации в транзитивной клаузе, в современном иврите характеризуется вариативностью типа АСС vs Ø (маркер аккузатива или нулевой показатель) и соотносится с явлением, которое в научной литературе, посвященной вопросам вариативности маркирования актантов, имеет название асимметричный тип дифференцированного объектного маркирования (ДОМ).

2. Основным фактором для абсолютного большинства референциальных выражений, выступающих в роли прямого объекта в современном иврите, выступает статус определенности/неопределенности данного выражения, определяющийся наличием/отсутствием таким показателей детерминации как определенный артикль, притяжательный суффикс, имя собственное — у главного и/или зависимого имени в зависимости от структуры референциального выражения. Определенный статус, как правило, требует обязательного объектного маркирования, тогда как неопределенный налагает запрет на употребление маркера аккузатива. Некоторые типы референциальных выражений, как формально относимые к «определенным», так и к «неопределенным», демонстрируют опциональность объектного маркирования (в частности, вопросительные местоимения, конструкции партитива, указательные местоимения, дескрипции с относительными местоимениями в качестве вершины и т.д.).

3. В лицензировании объектного маркирования референциальных выражений, кодирующих О-участника в транзитивной клаузе в современном иврите, в том числе, демонстрирующих опциональное объектное маркирование, принимают участие дискурсивно-прагматические факторы, ранжирование значимости которых зависит от типа референциального выражения. К таким значимым дискурсивно-

прагматическим факторам в современном иврите относятся: референциальный статус выражения, одушевленность референта, активность референта в дискурсе, топиальность.

Структура исследования. Структура данного диссертационного исследования обоснована целью и задачами работы и состоит из введения, трех глав, заключения и списка привлеченных источников и литературы.

Глава 1 содержит основные теоретические и методологические принципы изучения асимметричного объектного маркирования в современной лингвистике. Обсуждаются семантические и прагматические роли, характерные для субъекта и объекта, генезис понятия «дифференцированное объектное маркирование» в контексте различных синтаксических теорий, теории и подходы к изучению ДОМ в современной лингвистике. Особое внимание уделяется типологии факторов-лицензоров ДОМ.

В **Главе 2** изучаются основные принципы ДОМ в современном иврите на материале грамматических описаний, дается описание двух исследовательских корпусов, послуживших источниками настоящего диссертационного исследования и проводится контекстный и тексто-квантитативный анализ асимметричного объектного маркирования четырех категорий референциальных выражений (определенные именные группы, неопределенные именные групп, имена собственные и местоимения) с точки зрения влияния фактора «определенность».

Глава 3 посвящена выделению дискурсивно-прагматических факторов, лицензирующих асимметричное объектное маркирование в современном языке иврит. С помощью инструментов и методик корпусно-статистического метода, референциальные выражения, продемонстрировавшие опциональное маркирование или отклонения от общепринятых принципов асимметричного объектного маркирования, проверяются на влияние таких дискурсивно-прагматических факторов как референциальный статус, одушевленность

референта, активность референта в дискурсе (в т.ч. степень его идентифицируемости в дискурсе) и топиальность.

Апробация результатов. В ходе подготовки диссертационного исследования была осуществлена апробация результатов в виде публикаций в ведущих российских научных изданиях и выступлений на российских и международных конференциях.

Публикации:

1. Алексеева М.Е. О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. №1. С. 107-113.
2. Алексеева М.Е. Основные принципы объектного маркирования в современном иврите: определенность и дифференцированное маркирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 3. С. 107-113.
3. Алексеева М.Е. Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите // Litera. 2023. № 5. С. 27-36.
4. Алексеева М.Е. Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений) // Litera. 2023. № 6. С. 210-220.

Выступления на конференциях:

1. Алексеева М.Е. Одушевленность как фактор падежного маркирования в посессивных предложениях современного языка иврит // XXVII международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке», Санкт-Петербург, 24–26 апреля 2013 г.
2. Алексеева М.Е. Объектное маркирование заимствованной лексики в современном языке иврит // XXVIII международная научная конференция по

источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015 г.

3. Алексеева М.Е. Особенности употребления аккузативных конструкций в современном разговорном иврите // XXIX международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка: наследие и современность», Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г.

4. Алексеева М.Е. Методы цифровых гуманитарных наук в гебраистике: проблемы и перспективы // XLVII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.

5. Алексеева М.Е. Вариативность глагольного управления в современном иврите (на примере глаголов движения) // XXX международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, Санкт-Петербург, 09–21 июня 2019 г.

6. Алексеева М.Е. Экспериментальная проверка вариативности объектного маркирования в ивритоязычных корпусах // XXXI международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени», Санкт-Петербург, 23–25 июня 2021 г.

7. Алексеева М.Е. Методы корпусной лингвистики в преподавании современного языка иврит: теоретические и прикладные аспекты // «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения», Москва, 21–22 июня 2022 г.

8. Алексеева М.Е. Вариативность ассиметричного объектного маркирования в иврите: сравнительный аспект // XXXII международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ», Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2023 г.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Проблеме дифференцированного объектного маркирования в разных языках мира посвящена обширная литература, включающая, в том числе, разные аспекты исследований по синтаксису, семантике, морфологии, сравнительному языкознанию и дискурсивному анализу.

Опираясь на теоретические положения функциональной лингвистики и научные исследования на материале разноструктурных языков в рамках функционального подхода, данная глава рассматривает основные теоретические и методологические принципы изучения асимметричного объектного маркирования, сформировавшиеся в лингвистических исследованиях последних десятилетий. Обсуждаются понятия «субъект» и «объект», генезис понятия «дифференцированное объектное маркирование» в контексте различных синтаксических теорий и подходов к изучению ДОМ в современной лингвистике, а также типология факторов-лицензоров ДОМ, характерных для каждого из них.

1.1. Субъект и объект в контексте современных функциональных теорий

Термины «субъект» и «объект», употребляющиеся в работах по дифференцированному маркированию актантов (differential argument marking) заимствованы из традиционной грамматики. Дать точное определение этим понятиям представляется достаточно трудной задачей. Частично чтобы избежать необходимости формулировать определения для понятий, обладающих большим теоретическим бэкграундом и многочисленными (подчас противоречивыми) коннотациями, функционально-типологические исследования приняли другие обозначения. Два актанта типичного переходного глагола обозначаются как А (Агенс) и О (Объект) (или Р (Пациенс)), в то время как непереходный глагол подразумевает только одного участника ситуации, помеченного буквой S

(субъект)⁹⁵. В рамках функционального подхода, субъект и объект отражают грамматические отношения, или грамматические роли, которые ассоциированы с определенными морфосинтаксическими, семантическими и прагматическими характеристиками. Однако чаще всего субъект и объект воспринимаются как прототипические категории, которые определяются рядом характерных для них черт, скорее чем набором неотъемлемо присущих им свойств.

На сходстве одних языков в отношении падежного оформления ядерных ролей S, A, O и на различии с другими основана широко принятая на данный момент классификация языков. В (номинативно-)аккузативных языках объединяются и одинаково кодируются номинативом A и S, в то время как O противопоставлен им и кодируется аккузативом. В (абсолютно-)эргативных языках объединяются O и S, которые кодируются как абсолютные, а A кодирован эргативным падежом. Существует также нейтральная система, в которой S, A и O кодируются одинаково, или контрастивная (трехсторонняя) система, в которой S, A и O кодируются каждый по-своему. Наконец, активно-стативные языки представляют пример расщепленного маркирования, когда S вариативно кодируется аналогично A и O⁹⁶.

---

⁹⁵ Dixon R.M.W. Ergativity. Pp. 59-138.

⁹⁶ Данная классификация не всеми исследователям признается обоснованной. Более подробно дискуссию об описанных стратегиях кодирования ядерных ролей и основанной на ней классификации см., например, в работах Comrie B. Ergativity. Pp. 329-394 Pp. 329-394; Comrie B. Language universals and linguistic typology ... 275 p.; Dixon R.M.W. Ergativity. Pp. 59-138; Nichols J. Linguistic diversity in space and time. 358 p.; Lazard G. L'Actance. 265 p.; Lazard G. Le marquage différentiel de l'objet. Pp. 873-885; Primus V. Cases and Thematic Roles ... 285 p.; Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во. МГУ, 1992. 336 с.; Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. 719 с.; Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. 78 с.; Аркадьев П. М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем. С. 34-62; Аркадьев П. М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем. С. 101-120; Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 339-355; Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа. С. 11-40; Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits. Pp. 123-174.

Согласно другой точке зрения, предложенной А.Е.Кибриком, синтаксические отношения, лежащие в основе изложенной выше классификации, являются лишь следствием реализации трех основополагающих аспектов организации структуры клаузы: семантических ролей, особенностей прагматической структуры высказывания и дейктических характеристик⁹⁷. Не ставя задачи вынести окончательное суждение о справедливости одного из указанных подходов, в данной работе мы рассмотрим как различные способы кодирования субъекта и объекта, включая падежное оформление, предикативное согласование и порядок слов, так и различные аспекты семантической и прагматической структуры высказывания, обсуждающиеся в современной функционально-типологической литературе.

1.1.1. Семантические роли

В функциональном подходе к синтаксису важное место отводится понятию «семантическая роль»⁹⁸. Семантические роли описывают отношения между предикатом и его актантами. В научной литературе существуют три подхода к классификации семантических ролей: полевой, двухуровневый и языковой⁹⁹, первые, два из которых являются широко распространенными.

Полевой и двухуровневый подходы исходят из универсальности описываемых семантических ролей. К некоторым наиболее распространенным семантическим ролям, встречающимся в литературе¹⁰⁰,

⁹⁷ Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. Vol. 1(3). 1997. Pp. 279-346.

⁹⁸ Введено Ч.Филлмором в Fillmore C.J. The case for case // *Universals in linguistic theory* / E. Bach, R. T. Harms (eds.). Vol. 1-88. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. Pp. 1-25.

⁹⁹ Кукатова О.А. Типология семантических ролей актанта предикатов в современной лингвистической науке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. №1 (447). С. 91-94.

¹⁰⁰ Анализ критериев дробности семантических ролей см. в Крылов С. А. Семантическая роль как элемент метаязыков общей и специальной типологии // *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе* / Храковский В. С. , Мальчуков А. Л, Дмитренко С. Ю. Москва, 2004. С. 49-53. Более подробно проблема семантических ролей рассмотрена

относятся: Агенс (осуществляющий действие или каузатор действия, обозначенного предикатом; контролирует ситуацию), Пациенс (подвергающийся действию или испытывающий физическое воздействие Агенса), Экспериенцер (чувствующий, мыслящий и ощущающий участник событий), Бенефициант (извлекающий пользу/выгоду из действия или события, обозначенного предикатом), Инструмент (средство, с помощью которого действие или событие, обозначенное предикатом, осуществляется), Место (Локатив) (обозначение места, где производится действие или событие) и т.д. Все перечисленные роли в рамках полевого подхода считаются ядерной частью семантического поля, противопоставленной периферийным ролям.

При этом грамматические функции субъекта и объекта семантически не ограничены, т.е. они не связаны с какой-либо конкретной семантической ролью¹⁰¹. Например, в английском языке широкий диапазон семантических ролей может заполнять синтаксические позиции субъекта и объекта¹⁰².

(1) a. Fred broke the window.	S: Агенс	O: Пациенс
b. The bomb destroyed the car.	S: Инструмент	O: Пациенс
c. Mary received a parking ticket.	S: Реципиент	O: Тема
d. The farm animals sensed the earthquake.	S: Экспериенцер	O: Стимул
e. The barking woke the neighbors.	S: Стимул	O: Экспериенцер

Для описания соотношения между семантическими ролями и грамматическими функциями обычно используются иерархии. Тематическая

в работах Foley W. A., Van Valin R. D. *Functional Syntax and Universal Grammar*. 432 p.; Dowty D. *Thematic proto-roles and argument selection*. Pp. 547-619; Апресян Ю. Д. *Избранные труды*. Т. I. *Лексическая семантика*. 2-е изд. М., 1995. 472 с.; Падучева Е. В. *Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации* // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. *Информационные процессы и системы*. 1997. № 2. С. 23–28; Van Valin R., LaPolla R. J. *Syntax: Structure, meaning, and function*. 741 p.; Апресян Ю.Д. *Типы соответствия семантических и синтаксических актанта* // *Проблемы типологии и общей лингвистики*. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора А. А. Холодовича. Материалы. СПб. 2006. С. 15-27 и др.

¹⁰¹ Dalrymple M. *Lexical functional grammar (Syntax and Semantics. Vol 34.)*. New York: Academic Press. 2001. 461 p.

¹⁰² Примеры из Van Valin R. *An introduction to syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 139-140 заимствованы или адаптированы автором.

иерархия (2) была предложена Дж.Бреснаном и Дж.Канерва в 1989 г.¹⁰³, а иерархия грамматических функций (3) — в 1977 г. Э.Кинаном и Б.Комри¹⁰⁴.

(2) Тематическая иерархия

Agent > Benefactive > Recipient/Experiencer > Instrument > Patient > Locative

(3) Иерархия грамматических функций

Subject > Object > Oblique > Adjunct

Сочетание этих иерархий предсказывают, что актанта, занимающий наивысшее место в тематической иерархии, будет обычно реализовываться в наивысшей доступной грамматической функции в рамках данного предложения.

Сторонники двухуровневого подхода стремятся обобщить вышеперечисленные роли, представив их как двухуровневую систему, впервые предложенную У.Фоли и Р.Ван Валином и включающую базисный и производный уровни¹⁰⁵. На базисном уровне существуют обобщенные роли Актора и Претерпевающего, которые в дальнейших исследованиях получили названия прото-ролей¹⁰⁶, или макророль¹⁰⁷. Д.Даути, в частности, предположил, что актанта могут быть классифицированы на основе характеристик прото-Агенса и прото-Пациенса (Таблица 1). Из двух актанта в предложении тот, у которого выше рейтинг по параметрам «агентивности», согласно Д.Даути¹⁰⁸, скорее всего, будет кодироваться как субъект, тогда как актанта с наивысшей степенью «пациентивности» с большей вероятностью будет кодироваться как объект.

Таблица 1. Характеристики прото-ролей, согласно Д.Даути

Прото-Агенси	Прото-Пациенси
--------------	----------------

¹⁰³ Bresnan J., Kanerva J. Locative inversion in Chichewa. Pp. 1-50.

¹⁰⁴ Keenan E. L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. Pp. 63-99.

¹⁰⁵ Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. 432 p.

¹⁰⁶ Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. Pp. 547-619.

¹⁰⁷ Van Valin R., LaPolla R. J. Syntax: Structure, meaning, and function. 741 p.

¹⁰⁸ Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. Pp. 547-619.

Активно (волитивно) участвует в событии или состоянии	Претерпевает изменение состояния
Сознателен (и/или способен воспринимать)	Является инкрементальной темой
Иницирует событие или вызывает изменение состояния другого участника	Подвергается каузации
Двигается	Неподвижен относительно другого участника
(Существует независимо от события)	(Не существует независимо от события или вообще)

Р.Ван Валин и Р.ЛаПолла¹⁰⁹ выдвинули предположение рассмотреть семантические отношения между предикатом и его актантами в соответствии со следующими принципами. Во-первых, конкретные глаголы ассоциируются с конкретными характерными для них семантическими ролями (например, *убивать*: убивающий и убиваемый). Во-вторых, перечисленные выше семантические роли обобщают эти специфические для каждого глагола роли (например, *убивать*: Агенс и Пациенс). И в-третьих, обобщает эти семантические роли макророль Актор и Претерпевающий (например, *убивать*: Актор и Претерпевающий). Поскольку определенные семантические роли, например, Инструмент имеют черты как Актора, так и Претерпевающего, впоследствии Р.Ван Валин предложил две отдельные иерархии семантических ролей для каждой макророль в отдельности¹¹⁰.

В типичном предложении с акциональным предикатом макророль Актор реализуется как субъект, в то время как роль Претерпевающий реализована объектом. Также как и в проторольном подходе Д.Даути,

¹⁰⁹ Van Valin R., LaPolla R. J. Syntax: Structure, meaning, and function. Pp. 141-160.

¹¹⁰ Van Valin R. An introduction to syntax. P. 32.

концепция макроролей предполагают, что прототипический Актор является Агенсом, в то время как прототипический Претерпевающий — Пациентом.

1.1.2. Прагматические роли

Несмотря на всю важность семантических ролей в функциональных исследованиях вариативности падежного маркирования, даже в классических работах подчеркивается необходимость изучения «сочетания семантических ролей актантов и актуального членения»¹¹¹. Основными понятиями актуального членения предложения, т.е. вычленения прагматически релевантных элементов в дискурсе, являются «тема» и «рема».

Хотя грамматическая категория субъекта не имеет однозначного соответствия с одной конкретной семантической ролью, теоретические и типологические исследования доказывают, что существует очевидная корреляция между субъектом и прагматической ролью темы¹¹². Отмечается, что и грамматическая категория объекта также имеет дискурсивно-прагматические ассоциации. Многие исследования, в частности, ссылаются на высокую или низкую «топикальность» того или иного актанта. Под «топикальностью» понимается «закрепленная на уровне грамматики (средствами порядка слов и/или иных маркеров) устойчивая связь между синтаксической позицией и коммуникативным статусом темы»¹¹³. Например, У.Крофт заметил, что, хотя «высокая топикальность» типична для субъектов, объекты также характеризуются «средней топикальностью»¹¹⁴. А Т.Гивон

¹¹¹ Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. С. 190.

¹¹² Подробнее см., например, Li C.N., Thompson S. Subject and topic: A new typology of language // Subject and topic / ed. C.N. Li. New York: Academic Press. 1976. Pp. 457-489; Givón T. Syntax: an introduction. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins. 2001. 500 p.

¹¹³ Циммерлинг А.В. Топикальность и неканонические подлежащие в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Сборник материалов международного научного симпозиума / Сост. Е.К. Мельникова, ред. Ж.К. Гапонова, отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 349.

¹¹⁴ Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 155.

утверждал, что прямой объект грамматикализует прагматическую функцию второстепенной темы¹¹⁵.

Связь между топикальностью и грамматической ролью наиболее очевидна в трехчастной конструкции, как показано в примерах ниже¹¹⁶:

(4a) The vandals stripped [the branches]OBJ off the tree.

(4b) The vandals stripped [the tree]OBJ of its branches.

В этих случаях периферийный участник в примере (4a), *the tree*, выдвинут на роль прямого объекта в примере (4b). Оформление *the tree* ('дерево') как Пациенса переносит фокус внимания на дерево в целом, как на объект воздействия, но в потоке дискурса выбор одного из вариантов часто также связан с относительным когнитивным статусом двух не-субъектных участников ситуации.

1.2. Основные принципы дифференцированного объектного маркирования.

Дифференцированное маркирование объекта (англ. differential object marking, DOM) является частным случаем более широкого явления *дифференцированного маркирования актантов*¹¹⁷ (англ. differential argument marking, DAM). Термином «дифференцированное маркирование актантов» обозначают широкий круг явлений в разноструктурных языках, связанных с вариативностью морфосинтаксического оформления актанта «в зависимости от наличия или значения специального семантического или грамматического фактора — лицензора дифференцированного маркирования, не сводимого к залоговым или актантно-деривационным преобразованиям»¹¹⁸.

Первым явлением, которое положило начало исследованию дифференцированного маркирования актантов, стало дифференцированное объектное маркирование. Выделение этого феномена было обусловлено

¹¹⁵ Givón T. Syntax: an introduction. P. 196.

¹¹⁶ Примеры и их интерпретация приведены в работе Blake V. J. Case. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 134.

¹¹⁷ В некоторых работах также «дифференцированное маркирование аргументов».

¹¹⁸ Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис. С. 114.

наличием в языках мира многочисленных примеров вариативного морфосинтаксического оформления прямого объекта, подробно описанных как в типологических исследованиях на базе конкретных языков, так и в теоретической литературе. Термин «дифференцированное объектное маркирование» (ДОМ, также употребляются «дифференцированное маркирование объекта», «дифференцированное маркирование прямого дополнения» или «вариативное оформление прямого дополнения»¹¹⁹) был введен Г.Боссонгом в 1985 г.¹²⁰, и уже тогда вариативность объектного маркирования была зафиксирована более чем в 300 языках мира. По данным современных типологических исследователей, это явление встречается «почти во всех аккузативных языках»¹²¹. Одним из немногих хрестоматийных примеров недифференцированного маркирования объекта в языке с аккузативным маркированием является язык Yauyos Quechua (группа кечуанских языков, Южная Америка)¹²². Основной целью многочисленных работ на материале различных языков, появившихся за последние 38 лет, было выявить, какие именно *факторы* или их сочетание лицензируют вариативное объектное маркирование. Среди называемых исследователями факторов присутствуют как собственно характеристики объекта, например, определенность (иногда объединяемый с параметром «референциальный статус»), одушевленность, топиальность, так и характеристики предиката или клаузы: значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение¹²³. Многие исследования типологического характера,

¹¹⁹ Например, в работе Сердобольская Н.В. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бесермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. №2. С. 205-215.

¹²⁰ Bossong G. Empirische Universalienforschung. 185 p.

¹²¹ Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study. Language, Vol. 83. No. 1, 2007. P. 102.

¹²² Shimelman A. A grammar of Yauyos Quechua. Berlin: Language Science Press. 2017. Pp. 89-90.

¹²³ Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис. С. 114; Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. Pp. 345-347; Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. Differential argument marking: Patterns of variation: An introduction // The Diachronic

также, как и описания отдельных языков, посвящены способам выражения дифференцированного объектного маркирования (симметричность / асимметричность маркирования, зависимое / вершинное маркирование) и их корреляции с факторами-лицензорами.

Переосмысление теоретических аспектов вариативности объектного маркирования навело исследователей на мысль о том, что сходные стратегии дифференцированного маркирования действуют и для других актантов. В частности, не меньший интерес у исследователей в последнее время вызывают вариативность маркирования субъекта (англ. differential subject marking, DSM) и посессора (differential possessor marking, DPM).

Наличие вариативного морфосинтаксического оформления субъекта в *эргативных* языках было описано в литературе достаточно давно (в частности, в классических работах М.Сильверстейна, Б.Комри и Р.Диксона¹²⁴, однако как единый феномен дифференцированное субъектного маркирование стало изучаться значительно позже¹²⁵. Среди факторов-лицензоров дифференцированного субъектного маркирования называют «как формальные характеристики именных групп в позиции подлежащего (локутор/не-локутор, местоимение/существительное), так и семантические (волитивность, контроль) и грамматические (ТАМ-категории) характеристики предиката»¹²⁶.

В работах 2009-2019 гг. появились понятия «дифференцированное маркирование локатива» (differential locative marking)¹²⁷ и более широкое

Typology of Differential Argument Marking [Studies in Diversity Linguistics] / I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Berlin: Language Science Press, 2018. Pp. 1-40.

¹²⁴ См., например, Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. Pp. 112-171; Comrie B. Ergativity. Pp. 329-394; Dixon R.M.W. Ergativity. Pp. 59-138.

¹²⁵ См., например, Differential Subject Marking. Studies in Natural Language and Linguistic Theory / de Hoop H., de Swart P. (eds). Springer, Dordrecht. 2009. 312 p.

¹²⁶ Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис. С. 115.

¹²⁷ Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 345.

«дифференцированное маркирование места» (differential place marking)¹²⁸. Последнее, по мнению М.Хаспельмата, также как и дифференцированное маркирование объекта, обладает предсказуемой регулярностью употребления и обосновано эффективностью кодирования¹²⁹. В типологических работах, посвященных дифференцированному маркированию актантов, дифференцированное маркирование места пока не входит в общепризнанную классификацию, но, вполне возможно, будет включено туда после более тщательного рассмотрения вопроса.

Объединение всех указанных явлений (по крайней мере, дифференцированного маркирования субъекта, дифференцированного маркирования объекта и дифференцированного маркирования посессора на данный момент) в один феномен под общим названием «дифференцированное маркирование актантов», таким образом, вполне логично. Оно обусловлено, во-первых, преимущественно единообразным по своей природе морфосинтаксическим кодированием именных групп, выступающих в роли субъекта, объекта или посессора¹³⁰, и во-вторых, наличием регулярно встречающихся случаев отклонения от предписываемого способа кодирования под влиянием определенного ряда факторов-лицензоров. Эти факторы лежат сразу в нескольких плоскостях: семантической (семантические роли и связанные с ними характеристики, такие как волатильность, контроль и т.д.), прагматической (тема-рематическое членение, референциальность), дейктической (локутор/не-локутор, участник/не-участник речевого акта). Тот факт, что одни и те же

---

¹²⁸ Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // STUF - Language Typology and Universals. Vol. 72. No. 3. 2019. Pp. 313-334.

¹²⁹ Ibid.

¹³⁰ Сравним, например, явление объектного и субъектного генетива в контекстах с отрицанием в русском языке, где генетивом кодируется не только прямое дополнение («Он видит книги» / «Он не видит книг»), но и подлежащее («Сомнения возникли» / «Сомнений не возникло»). Подробнее см. Падучева Е.В. Генетив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–43; Падучева Е.В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101-116.

факторы в различных по структуре языках оказывают систематическое воздействие и вызывают одни и те же отклонения (актант «либо получает особый падеж, либо «теряет» падежный показатель, либо перестает контролировать предикативное или посессивное согласование»¹³¹), позволяет говорить о наличии единых механизмов, регулирующих дифференцированное маркирование актантов.

На данный момент для объяснения явлений дифференцированного маркирования актантов в разноструктурных языках большинство исследователей апеллируют к принципам *экономии* (язык стремится использовать минимальное количество языкового материала, достаточное для осуществления коммуникации) и *различительности* (в ситуации с несколькими участниками кодирования каждого из них должно обеспечить возможность их различать)¹³², хотя существуют и аргументы против¹³³.

Что касается явления ДОМ, то с момента появления термина в 1985 г. оно изучается с различных точек зрения, в рамках различных подходов. Исследования проводились как в рамках формальных теорий (наиболее влиятельное направление – генеративная грамматика Н.Хомского¹³⁴), так и с функционально-типологической позиции: в рамках теории LFG (англ. Lexical

¹³¹ Ронько, Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Ронько Роман Витальевич. М., 2018. С. 12; Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис. С. 115.

¹³² Comrie B. Ergativity. Pp. 329-394; Comrie B. Language universals and linguistic typology ... 264 p.; Dixon R.M.W. Ergativity. Pp. 59-138; Nichols J. Linguistic diversity in space and time. 358 p.; Lazard G. L'Actance. 265 p.; Lazard G. Le marquage différentiel de l'objet. Pp. 873–885; Primus V. Cases and Thematic Roles ... 285 p.; Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания ... 336 с.; Кибрик А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и “аномальная” упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. №4. С. 27-57; Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. 719 с.

¹³³ См., например, работы Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения. 78 с.; Аркадьев П.М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем. С. 101-120; Аркадьев П.М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем. С. 34-62.

¹³⁴ Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.; Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 420 p.

Functional Grammar)¹³⁵ и в рамках теории оптимальности¹³⁶. Причем в зависимости подхода или теории, в рамках которого выполняется исследование, данное явление может обозначаться как «дифференцированное маркирование объекта» (или «дифференцированное объектное маркирование», как было указано выше), как «расщепленное аккузативное маркирование / кодирование», как «расщепленное кодирование роли Пациенса» и т.д.

В последнее время набирает популярность многофакторный подход к ДОМ, в соответствии с которым целью исследования является ранжирование факторов, регулирующих выбор прямого дополнения в конкретном языке или на конкретном языковом материале¹³⁷. Данное исследование выполнено в рамках функционализма и применяет принципы многофакторного подхода для изучения явления дифференцированного асимметричного объектного маркирования в современном языке иврит.

1.2.1. Теория оптимальности

Как было указано выше, существует несколько подходов, объясняющих вариативность маркирования аргументов, в частности, объекта.

Наибольшее число научных работ, изучающих вариативность объектного маркирования, объединяет так называемая «теория оптимальности», ключевые положения которой представлены в работе Дж.Эйссен¹³⁸. Дж.Эйссен опиралась на функциональное объяснение вариативности объектного маркирования, высказанное Б.Комри, которое

¹³⁵ Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and information structure. 247 p.

¹³⁶ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

¹³⁷ Коношенко М.Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке. С. 42-75; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке. С. 106-124; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142; Ронько Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах ... 136 с.

¹³⁸ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

состояло в том, что типично субъекты являются определенными и одушевленными, а объекты — неопределенными и неодушевленными, следовательно этих характеристик будет достаточно, чтобы их различить, а в случаях, когда данный принцип нарушается, объект требуется маркировать особым показателем¹³⁹. Продолжая следовать данному принципу «различительности», теория оптимальности предлагает рассматривать дифференцированное маркирование объекта с позиции языковой *экономии*, в соответствии с которым количество языкового материала, используемого для кодирования прямого объекта в языке, должно быть минимальным, но достаточным для осуществления коммуникации. При выборе говорящим большего количества языкового материала, с точки зрения этой теории, такой выбор должен быть обоснован дополнительным значением, которое говорящему требуется передать, в том числе с целью различить субъект и объект высказывания.

В указанной работе Дж.Эйссен постулируется основополагающее значение двух факторов-лицензоров ДОМ: определенности и одушевленности. Это представление не противоречит ранее выдвинутым теориям, поскольку оба названных фактора отвечают за индивидуализацию объекта («individuation of the object» в работе П.Хоппера и С.Томпсон¹⁴⁰ — подробнее см. п. 1.2.2).

Определенность и одушевленность в рамках теории оптимальности представляются в виде следующих иерархических шкал с немногими вариациями¹⁴¹:

(5) Шкала определенности:

¹³⁹ Comrie B. Language universals and linguistic typology ... 264 p.

¹⁴⁰ Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. P. 253.

¹⁴¹ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483; Heusinger K, Kornfilt J. The Case of the Direct Object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology. Turkish Languages, 9. 2005. Pp. 3-44; Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages. Pp. 1-40.

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя > Референтное
неопределенное имя > Нереферентное имя

(6) Шкала одушевленности:

Человек > Одушевленный объект (не-человек) > Неодушевленный
объект

При этом считается, что чем левее располагается то или иное имя в иерархии определенности или одушевленности, тем больше у него вероятность получить аккузативное маркирование¹⁴². Ниже, в п. 1.4, подробнее рассматриваются понятия «определенный» и «одушевленный» и их интерпретация в различных подходах к ДОМ.

Следуя логике исследования Дж.Эйссен, тремя основными формами вариативного кодирования прямого объекта являются следующие:

- 1) падежное оформление (аккузативом) необязательно, но маркироваться могут только одушевленные объекты (например, в сингальском языке);
- 2) обязательное маркирование одних объектов (в частности, одушевленных) соседствует с опциональным маркированием других и запретом на маркирование третьих (например, в румынском языке);
- 3) маркирование прямого объекта обязательно только в случае, если объект выражен именем в определенном состоянии (например, в иврите¹⁴³).

В сущности, теория оптимальности видит в вариативности объектного маркирования способ устранения неоднозначности¹⁴⁴ между различными актантами, главным образом, между субъектом и объектом, и, опираясь на два параметра, определенность и одушевленность, а также на принцип языковой экономии, постулирует наблюдаемую закономерность, которую

¹⁴² Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

¹⁴³ В работе приводится пояснение, что в иврите маркируются только местоимения, имена собственные и определенные именные группы. Такая трактовка маркирования прямого объекта в иврите приводится Дж.Эйссен в соответствии с работой Т.Гивона 1978 г. и может рассматриваться как упрощенный взгляд на вопрос, не принимающий во внимание некоторых менее частотных вариантов объектного маркирования.

¹⁴⁴ Англ. discriminatory / disambiguating / distinguishing. Отсюда «принцип различительности», встречающийся в переводе на русский язык.

кратко можно сформулировать следующим образом: поскольку в типичной транзитивной ситуации высокую позицию по шкалам одушевленности/определенности занимает Агенс (субъект), а Пациенс (объект) имеет низкую одушевленность/определенность, то одушевленный и определенный Пациенс или неодушевленный и неопределенный Агенс с целью устранения неоднозначности маркируются особым образом.

1.2.2. Теория транзитивности

Помимо теории оптимальности существует также подход, анализирующий феномен ДОМ в терминах *транзитивности*. В формальной грамматике, транзитивность (переходность) рассматривается как свойство глагола, связанное с количеством вовлеченных участников и грамматическими ролями, в которых они реализованы. В современной лингвистике традиционное понимание переходности¹⁴⁵ как бинарной грамматической характеристики глагола постепенно вытесняется понятием семантическая транзитивность в трактовке широко известной работы П.Хоппера и С.Томпсон «Транзитивность в грамматике и дискурсе», где транзитивность рассматривается как градуальный семантический признак, а не формально-синтаксическая категория¹⁴⁶. Теория транзитивности, предложенная П.Хоппером и С.Томпсон, фокусируется на прототипическом транзитивном событии, которое описывается в транзитивной клаузе. В рамках такого подхода, транзитивность является характеристикой клаузы, а не глагола, причем степень транзитивности клаузы варьируется с учетом 10 параметров, повышающих или понижающих ее транзитивность (см. Таблицу

¹⁴⁵ В данном исследовании мы будем использовать термин «транзитивность» для разграничения бинарной грамматической характеристики (собственно «переходности») и градуального семантического признака (в соответствии с теорией П.Хоппера и С.Томпсон), как было предложено А.А.Кибриком в Кибрик А.А. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // Глагольная деривация / В.А. Плуноян и С.Г. Татевосов (ред.). М.: JaSK. 2008. С. 127-148.

¹⁴⁶ Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. Pp. 251–299.

2)¹⁴⁷. Предложенные в 1980 г. П.Хоппером и С.Томпсон параметры, в целом, сохраняются и в последующих исследованиях.

Таблица 2. Параметры транзитивности в теории транзитивности

Параметр	Высокая транзитивность	Низкая транзитивность
Участники	2 или больше (Агенса или Объект)	1
Кинезис	действие	не-действие
Вид	совершенный/ перфектив	несовершенный/ имперфектив
Пунктивность	пунктивный	непунктивный
Целенаправленность	целенаправленность действия	нецеленаправленность действия
Утверждение	утверждение	отрицание
Наклонение	реалис	ирреалис
Агентивность	высокая	низкая
Степень охвата объекта	объект полностью охвачен	объект не затронут непосредственно
Индивидуализация объекта	объект индивидуализирован	объект не индивидуализирован

Последний параметр в работе П.Хоппера и С.Томпсон сопровождается важным пояснением о том, какие именно объекты являются индивидуализированными, а какие — нет. В частности, объекты, выраженные именем собственным и именем в единственном числе, одушевленные (особенно люди), определенные и референтные объекты считаются индивидуализированными, а референты, выраженные именем нарицательным и именем во множественном числе, неодушевленные,

¹⁴⁷ Ibid. P. 252.

неопределенные и абстрактные/нереферентные объекты — не индивидуализированными¹⁴⁸.

Очевидно, что параметр «индивидуализация объекта» в теории транзитивности четко коррелирует с факторами одушевленность и определенность, которые, как было указано в п. 1.2.1., чаще всего лицензируют маркирование прямого объекта в теории оптимальности. Однако, рассматривая феномен ДОМ (или шире – ДАМ) на материале различных языков мира в рамках многофакторной теории, включающей параметры транзитивности, исследователи находят подтверждение влиянию других факторов, которые требуют *индексации* семантического Пациенса, помимо определенности и одушевленности¹⁴⁹. Причем многие предложенные в теории транзитивности параметры семантически независимы друг от друга (например, высокая степень агентивности не коррелирует с высокой степенью охвата объекта¹⁵⁰, и наоборот)¹⁵¹.

Влияние на способ кодирования прямого объекта нескольких параметров транзитивности, в т.ч. «индивидуализации», было продемонстрировано в т.ч. на материале семитских языков, в частности, библейского арамейского, древнееврейского¹⁵² и амхарского. Еще в 1984 г. Дж.Хан доказал, что вариативность маркирования прямого объекта в этих языках обусловлена двумя параметрами: статусом именной группы, выступающей в роли объекта, и статусом клаузы в рамках дискурса¹⁵³.

---

¹⁴⁸ Ibid. P. 253.

¹⁴⁹ См. например, Кибрик А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и “аномальная” упаковка грамматической семантики. С. 27-57; Halevy R. Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew ... Pp. 61-102; Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. Pp. 339–355 и т.д.

¹⁵⁰ Beavers J. On affectedness // Natural Language and Linguistic Theory. 2011. No. 29. Pp. 335-370.

¹⁵¹ Kittilä S. Remarks on the basic transitive sentence // Language Sciences. 24(2). 2002. P. 112.

¹⁵² Впоследствии была опубликована фундаментальная работа П.Бекинса на материале древнееврейского языка: Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. 287 p.

¹⁵³ Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. P. 469.

Статус именной группы Дж.Хан предложил рассматривать исходя из выделенных им параметров индивидуализации (Таблица 3)¹⁵⁴.

Таблица 3. Иерархия индивидуализации по Дж.Хану

Индивидуализированный референт	Неиндивидуализированный референт
Определенный	> Неопределенный
Отсутствие возвратного элемента	> Наличие возвратного элемента
Специфичный	> Обобщенный
Конкретный	> Абстрактный
Снабженный квалификатором	> Не снабженный квалификатором
Выраженный именем собственным	> Выраженный именем нарицательным
1-ое > 2-ое > 3-е лица > человек	> Неодушевленный
Приоритетный в тексте	> Случайный

В последующих исследованиях в рамках теории транзитивности отмечалось, что не все предложенные параметры релевантны в отдельно взятых языках. Однако в целом, чем больше для конкретного контекста фиксируется параметров с высокой транзитивностью, тем больше вероятность, что клауза будет кодирована с помощью типичной для языка переходной конструкции (например, номинативно-аккузативной или эргативно-абсолютной) и что семантический Пациент будет индексирован. Или, обобщая, что существует видимая корреляция между наличием показателей объектного маркирования и такими параметрами транзитивности как индивидуализация, видо-временные и акциональные характеристики глагола и степень охвата объекта.

В нашей работе мы будем опираться как на положения теории транзитивности П.Хоппера и С.Томпсон, так и на теорию оптимальности Дж.Эйссен, поскольку они в некотором смысле дополняют друг друга, как

---

¹⁵⁴ Ibid. P. 470.

будет указано ниже, хотя рассматриваемые нами факторы-лицензоры асимметричного объектного маркирования в языке иврит будут включать также дискурсивно-прагматические характеристики, которые были глубже проработаны в более поздних исследованиях (п. 1.2.3).

1.2.3. Другие подходы

В более поздних исследованиях положения, выдвинутые в рамках двух различных теорий, оптимальности и транзитивности, не воспринимаются как взаимоисключающие. Например, А.Несс указывает на то, что оба подхода рассматривают одну проблему, но с разных точек зрения¹⁵⁵: теория оптимальности призвана выяснить, как выглядит прототипический объект по отношению к прототипическому Агенсу, а теория транзитивности измеряет степень транзитивности прототипического переходного предложения по отношению к прототипическому непереходному предложению. Однако обе гипотезы рассматривают индивидуализацию объекта как главный фактор, лицензирующий наличие показателя объектного маркирования.

Важность индивидуализации подчеркивает и третья гипотеза, названная нами «референтно-ролевой», а именно гипотеза М.Хаспельмата. В работе 2021 г. М.Хаспельмат предлагает альтернативное объяснение дифференцированного актантного маркирования (в частности, маркирования объекта), который автор называет принципом «референсно-ролевой ассоциации» (role-reference association)¹⁵⁶. Его объяснение построено на прямом диалоге с теорией оптимальности и несколькими другими теоретическими подходами, выдвинутыми в рамках исследований дифференцирования маркирования актантов. Суть данного принципа, универсального, по мнению М.Хаспельмата для всех языков, состоит в следующем: аргументы с ролью более высокого статуса обычно имеют более высокий референциальный статус (и наоборот), а случаи отклонения от этого

¹⁵⁵ Næss Å. Prototypical Transitivity. Amsterdam: John Benjamins. 2007. 240 p.

¹⁵⁶ Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits. Pp. 123-174.

принципа обычно кодируются более длинными грамматическими формами¹⁵⁷. Под «ролями более высокого статуса» автор понимает Агентс в монотранзитивных конструкциях (противопоставленный Пациенсу) и Реципиант в битранзитивных конструкциях (противопоставленный Теме)¹⁵⁸.

В качестве фактора-лицензора дифференцированного маркирования объекта (которое автор называет «расщепленное падежное оформление Пациенса» (split P flagging)) М.Хаспельмат, концентрируется на референциальном статусе (referential prominence) и, вслед за другими авторами, рассматривает «неотъемлимые» и дискурсивные характеристики объекта («шкала неотъемлемого референциального статуса» (7а) и «шкала дискурсивного референциального статуса» (7б)).¹⁵⁹

(7а) Шкала неотъемлемого референциального статуса

person scale: locuphoric (first/second) > aliophoric (third person)

(full) nominality scale: person form (independent or index) > full nominal

animacy scale: human (> animal) > inanimate

(7б) Шкала дискурсивного референциального статуса

definiteness scale: definite (> specific indefinite) > indefinite nonspecific

givenness scale: discourse-given > discourse-new

focus scale: background > focus

Причем чем левее располагается аргумент на каждой из этих шкал, тем более высоким референциальным статусом он обладает¹⁶⁰.

По сравнению с теорией оптимальности и теорией транзитивности, описанными в п. 1.2.1-1.2.2., подход М.Хаспельмата, во-первых, уделяет большее внимание референциальности как фактору-лицензору ДОМ, в которую, как аспект, включается собственно параметр определенности, и во-

¹⁵⁷ Ibid. P. 164.

¹⁵⁸ Ibid. P. 127.

¹⁵⁹ Ibid. Pp. 127-128.

¹⁶⁰ Ibid.

вторых, дополняет шкалу референциального статуса прагматическими характеристиками актантов, что находится в русле современных тенденций комплексного изучения факторов-лицензоров ДОМ и будет применено в этой работе.

Таким образом, тенденция к выделению нескольких уровней, требующихся для изучения ДОМ, чаще всего, семантического, прагматического и дейктического, по-видимому, является вполне распространенной в научной литературе. В частности, российский лингвист П.М. Аркадьев, который опровергает принципы экономии и различительности, лежащие в основе общепринятых подходов к ДАМ и предполагает, что мотивацией для данного феномена выступает принцип иконичности¹⁶¹, также признает семантические, прагматические и дейктические характеристики объекта факторами, лицензирующими различные стратегии падежного маркирования¹⁶².

1.3. Типы дифференцированного объектного маркирования

В типологии ДОМ принципиальной чертой является противопоставление «симметричного» и «ассимметричного» типов маркирования¹⁶³. При симметричном маркировании вариативность кодирования объекта проявляется в употреблении различных ненулевых падежных показателей, тогда как при ассимметричном маркировании вариантами оформления объекта является нулевой показатель и показатель аккумулятива (Ø vs ACC). Ниже будут рассмотрены особенности каждого типа дифференцированного объектного маркирования и факторы-лицензоры каждого из типов, описанные в научной литературе.

¹⁶¹ В соответствии с которым «участники ситуации с одинаковыми или похожими семантическими ролями» должны кодироваться по-разному, если они «обладают различающимися семантико-прагматическими свойствами» (Аркадьев П.М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем. С. 59).

¹⁶² Аркадьев П.М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем. С. 59.

¹⁶³ Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 347.

1.3.1. Асимметричное маркирование

Термин «асимметричное дифференцированное объектное маркирование» описывает феномен, в котором второй аргумент двухвалентного глагола реализуется в роли прямого объекта, но морфосинтаксическое кодирование этого актанта варьируется между нулевым показателем ($\emptyset$) и показателем аккузатива (ACC). В рамках функционально-типологического подхода на данный момент наличие маркера аккузатива зачастую обосновывается с помощью фактора «индивидуализации объекта», который как в рамках теории оптимальности, так и теории транзитивности, может быть рассмотрен как сочетание одушевленности и/или определенности (п. 1.2.), при этом параметр определенность не всегда будет подразумевать наличие формальных показателей детерминации. Например, в испанском языке можно встретить следующие примеры асимметричного объектного маркирования¹⁶⁴:

(8a) Necesité **a una mujer** para el experimento
 нуждаться.PST.1SG ACC INDEF женщина для эксперимента
 «Мне нужна была **[определенная] женщина** для эксперимента».

(8б) Necesito **una mujer** que sepa inglés
 нуждаться.PRS.1SG INDEF женщина которая знает английский
 «Мне нужна **женщина**, которая знает английский».

В примере (8a) несмотря на неопределенный статус именной группы *una mujer* в контексте данный объект является неопределенным референтным¹⁶⁵, который требует обязательного маркирования. Тогда как в примере (8б) объект *una mujer* оформляется нулевым показателем аккузатива, поскольку в

¹⁶⁴ Примеры основаны на Vanrell M. del M.B., Romeu J. A minimal cartography of Differential Object Marking in Spanish // IBERIA: An International Journal of Theoretical Linguistics. 2014. No 6. Pp. 75–104. [Электронный ресурс] URL: <https://revistascientificas.us.es/index.php/iberia/article/view/3007> (дата обращения: 02.07.2023).

¹⁶⁵ Ср. с русским предложением «Мы вчера видели человека, который уверял нас, что сегодня будет гроза».

этом контексте «женщина» является неопределенным и нереферентным объектом, который, по правилам испанского, не маркируется.

Именно из-за таких случаев индивидуализацию часто связывают с коммуникативной значимостью референта (*discourse prominence*, см. ранее в 1.2.3.)¹⁶⁶, и, по мнению С.Киттиля, эффект асимметричного маркирования лежит в значительной степени в области прагматики¹⁶⁷. Таким образом, асимметричный тип дифференцированного маркирования объекта¹⁶⁸, по видимому, должен быть также связан с прототипической характеристикой прямого объекта, указанной в параметрах транзитивности, топикальностью, которая будет рассматриваться ниже в п. 1.4.

Рассмотрим, каким образом описанные в 1.2. подходы к ДОМ влияют на наше понимание факторов, лицензирующих асимметричный тип объектного маркирования, и его мотивацию в целом.

Как было сказано в п. 1.2., объяснить мотивацию асимметричной модели ДОМ можно в рамках трех различных подходов, выдвигающих три различных основания для маркирования: 1) устранение неоднозначности¹⁶⁹, 2) индексирование Пациенса и 3) отклонение от референтно-ролевой ассоциации.

Первое объяснение, устранение неоднозначности между актантами, предложенное в рамках теории оптимальности, предполагает, что маркирование объекта, в первую очередь, призвано различать грамматические роли субъекта и прямого объекта, и поэтому с наибольшей вероятностью маркируются те объекты, которые имеют общие черты с прототипическими субъектами, т.е. имеющие высокую степень

¹⁶⁶ Ср. позицию С.Киттиля о важности коммуникативной значимости референта со шкалой дискурсивного референциального статуса М.Хаспельмата, приведенной в п. 1.2.3.

¹⁶⁷ Kittilä S. Case and the typology of transitivity // *The Oxford handbook of case*, eds. A. Malchukov and A. Spencer. Oxford: Oxford University Press. 2009. Pp. 357-358.

¹⁶⁸ В нашей работе также «асимметричный тип дифференцированного объектного маркирования» или «асимметричное объектное маркирование».

¹⁶⁹ Или «избегания неоднозначности» (англ. *ambiguity avoidance*), в терминологии М.Хаспельмата (см. выше).

определенности и одушевленности. Степень определенности и одушевленности данный подход определяет с помощью двух шкал, определенности и одушевленности, соответственно.

Вторая гипотеза о мотивации асимметричного маркирования, выдвинутая в работе П.Хоппера и С.Томпсон в рамках теории транзитивности, утверждает, что роль таких факторов как определенность и одушевленность в теории оптимальности сильно преувеличена, а основанием для маркирования объекта чаще является индексирование объекта как семантического Пациенса¹⁷⁰. Индивидуализация объекта в этой теории важна в той же степени, что и индивидуализация субъекта, поскольку, по мнению П.Хоппера и С.Томпсон, прототипической переходной клаузой, т.е. обладающей самой высокой транзитивностью, будет та, где и субъект, и объект обладают высокой степенью индивидуализации. Также как и в теории оптимальности, в теории транзитивности индивидуализация определяется с помощью кластера параметров и является градуальной характеристикой, влияющей, в том числе, на транзитивность клаузы.

В более поздних исследованиях эти два объяснения, выдвинутые в рамках двух различных теорий, не воспринимаются как взаимоисключающие. Более того, для нашего исследования важно, что все вышеперечисленные теории рассматривают индивидуализацию объекта как главный фактор, лицензирующий именно асимметричный тип объектного маркирования, о котором чаще всего идет речь. Подробнее факторы, лицензирующие ДОМ, и в особенности, коррелирующие с асимметричным типом объектного маркирования, будут рассмотрены в п. 1.4.

1.3.2. Симметричное маркирование

В то время как в асимметричном типе дифференцированного объектного маркирования объект кодируется либо нулевым показателем, либо показателем аккумулятива, в симметричном типе объект кодируется с

---

¹⁷⁰ Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. Pp. 251–299.

помощью двух различных показателей, как правило, аккузативного и неаккузативного. Вариативность симметричного типа маркирования, по-видимому, в первую очередь мотивирована функцией индексации Пациенса, а не функцией устранения неоднозначности, поскольку все варианты кодирования требуют наличия падежного показателя¹⁷¹. В то же время поскольку Пациенс в прототипической транзитивной клаузе ассоциируется с аккузативом, то кодирование объекта с помощью не-аккузативного показателя само по себе маркировано, а значит, сигнализирует о семантическом отклонении от транзитивного прототипа. У глаголов, традиционно ассоциирующихся с ролями Агенса-Пациенса, такая дихотомия обычно связана с видом глагола, степенью охвата и индивидуализации объекта¹⁷².

Стандартный пример языка с симметричным типом дифференцированного объектного маркирования — финский язык, в котором есть регулярное чередование аккузатива и партитива, как в примерах ниже¹⁷³:

(9a) *Ammu-i-n*   *karhu-t*
стрелять.PST.1SG   медведи.ACC
'Я застрелил [этих] медведей.'

(9б) *Ammu-i-n*   *karhuj-a*
стрелять.PST.1SG   медведи.PART
'Я застрелил медведей. / Я стрелял в медведей. / Я стрелял в [этих] медведей.'

Использование аккузатива в (9a) указывает на высокую степень охвата и индивидуализации Пациенса, а также, как считает П.Кипарски,

¹⁷¹ De Hoop H., Malchukov A. Case-marking strategies // *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. Pp. 565–587.

¹⁷² Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 339–355.

¹⁷³ Данные примеры взяты из работы Kiparsky P. Partitive case and aspect // *The projection of arguments* /M. Butt, W. Geuder (eds.). Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1998. Pp. 265-307. Однако отметим, что они, по мнению П.Кипарски, иллюстрируют только один из вариантов объектного маркирования, которые реализуются в зависимости от нескольких синтаксических и семантических факторов.

предполагает наличие параметра «результативность действия», который в сочетании с объектом в аккумулятиве делает более вероятной интерпретацию предиката как перфектив¹⁷⁴. Тогда как использование партитива в (9б) позволяет интерпретировать предложение по-разному, учитывая аспектуальную характеристику предиката, частично охваченный или неохваченный действием Пациенс и низкую степень индивидуализации.

Явление симметричного дифференцированного объектного варьирования было зафиксировано и описано также в древнееврейском языке. М.Малесса¹⁷⁵, У.Гарр¹⁷⁶ и П.Бекинс¹⁷⁷ приводят примеры альтернации между оформлением Пациенса аккумулятивом и локативом/партитивом. В частности (пример П.Бекинса):

(10а) *wayyak* *'et-pəlištîm*
и-ударять.PST.3MSG АСС.филистимляне
'Он поразил **филистимлян.**' (2 Цар. 23:12)

(10б) *wayyak* *bəppəlištîm* *'ad kî-yāgə 'āh* *yādô*
и-ударять.PST.3MSG в-филистимляне пока устать.PERF.3FSG рука-его
'Он разил [**среди**] **филистимлян** пока не устала рука его.' (2 Цар. 23:10)

Оформление Пациенса аккумулятивом в примере (10а) соответствует совершенному виду, поскольку, как комментирует П.Бекинс, событие изображается как полностью завершенное, т.е. филистимляне были побеждены. Использование предлога *bə-* («в» в глоссировании), однако, способствует интерпретации ситуации как незавершенной¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Kiparsky P. Partitive case and aspect. Pp. 265-307.

¹⁷⁵ Malessa M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. Assen: Van Gorcum. 2006. 248 p.

¹⁷⁶ Garr W.R. Affectedness, aspect, and Biblical Hebrew 'et // Zeitschrift für Althebraistik. Vol.4/2. 1991. Pp. 119-134.

¹⁷⁷ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. P. 70.

¹⁷⁸ Ibid.

Встраиваться в указанную структуру могут и другие двухвалентные глаголы, которые не могут принять прототипические Агенс и Пациенс. В этом случае, как утверждают функционально-типологические исследования, в конструкциях с непереходными глаголами также может фиксироваться симметричный тип маркирования, однако ковариация будет наблюдаться с более широким набором семантических факторов¹⁷⁹.

В современном иврите присутствует как симметричное, так и асимметричное маркирование прямого объекта. Причем в конструкциях с некоторыми переходными глаголами может фиксироваться как асимметричный, так и симметричный варианты маркирования, однако последний (симметричный тип) в современном иврите крайне мало изучен. Израильский лингвист Н.Штерн в работе 1979 г. называет такую вариативность, хаарктерную для некоторых глаголов «стилистическим вариантом»,¹⁸⁰ хотя и поясняет далее, что семантическая дифференциация все же прослеживается. Недавнее исследование Р.Халеви, впрочем, подтверждает наблюдение Н.Штерна о семантическом обосновании симметричной альтернатиции на основании широкого набора семантических факторов¹⁸¹. Симметричный тип объектного маркирования в современном иврите не будет рассматриваться в данной работе.

1.4. Факторы дифференцированного объектного маркирования в лингвистической типологии

В п. 1.2.-1.3. были перечислены факторы, которые авторы различных теорий и подходов считают лицензирующими вариативность объектного маркирования. Среди них назывались определенность (или шире —

¹⁷⁹ См. подробнее в работах Kiparsky P. Partitive case and aspect. Pp. 265-307, Tsunoda T. Remarks on transitivity // Journal of Linguistics. 1985. Vol. 21. Pp. 385-396; Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 339-355.

¹⁸⁰ שטרן נ. פועלי "את" בעברית הישראלית \\ בלשנות עברית חפ"שית. 17. 1979. עמ' 28-57
Штерн Н. 'et' глаголы в израильском иврите // Вычислительная лингвистика (на материале) иврита. 1979. №17. С. 28-57.

¹⁸¹ Halevy R. Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew ... Pp. 61-102.

референциальный статус), одушевлённость, аспектуальные и прочие характеристики предиката, коммуникативное членение, порядок слов, дискурсивная значимость и другие.

Очень часто вариативность объектного маркирования связывают с определенностью и/или одушевленностью¹⁸² (венгерский, испанский). Часто отмечается значение фактора коммуникативного членения высказывания (тюркские языки, персидский¹⁸³, хантыйский¹⁸⁴). В марийском языке, например, равноприемлемыми вариантами, с точки зрения правил синтаксиса, являются как маркирование прямого дополнения аккузативом, так и отсутствие показателя аккузатива. Однако некоторые случаи маркирования аккузатива, которые невозможно объяснить с позиции синтаксиса, легко объяснимы с учетом фактора коммуникативной структуры высказывания¹⁸⁵. Иногда факторы референциальный статус, коммуникативное членение и дискурсивная значимость объединяются в единый фактор значимости (*prominence*), что Н.В.Сердобольская и С.Ю.Толдова¹⁸⁶ называют «интегральным» подходом. То есть набор факторов-лицензоров и степень их влияния зачастую варьируется от случая к случаю и от языка к языку.

Поэтому в большинстве современных работ, изучающих дифференцированное объектное маркирование, авторы рассматривают не один, а несколько параметров, по которым происходит ко-варьирование. Такой многофакторный подход был реализован российскими исследователями, в частности, на материале финно-угорских и русского

---

¹⁸² Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. Pp. 251–299; Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

¹⁸³ Bossong G. Empirische Universalienforschung. 185 p.

¹⁸⁴ Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and information structure. 247 p.

¹⁸⁵ Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке. С. 106-124.

¹⁸⁶ Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142.

языков¹⁸⁷. В рамках наше диссертационного исследования асимметричного объектного маркирования в современном иврите мы сосредоточимся на таких факторах-лицензорах как индивидуализация (включая определенность и референциальный статус), одушевленность, идекнтифицируемость и доступность в дискурсе, а также топикальность референта.

1.4.1. Индивидуализация, определенность и референциальный статус.

Как было отмечено выше, приоритетным фактором, мотивирующим вариативность объектного маркирования, считается «индивидуализация объекта», под которой типично подразумеваются «определенность» и «одушевленность».

Однако, содержание категории «определенность» трактуется исследователями по-разному, в том числе, в зависимости от того, в рамках какой теоретической парадигмы ведется работа.

Вне зависимости от избранного исследователем подхода, однако, при изучении параметра определенности, отдельной темой становится роль так называемых *детерминативов*¹⁸⁸ (по другой терминологии, детерминаторов¹⁸⁹, см. англ. «determiner»), т.е. служебных слов, сопровождающих существительное и различными способами определяющих и уточняющих круг его референции, по указанной выше причине. Такие слова способствуют более четкому пониманию типа соотнесенности имени и действительности, что чрезвычайно важно для анализа ДОМ вообще и в иврите, в частности, поскольку этот феномен, по сути, - способ вербального

¹⁸⁷ Ронько Р. В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах .... 136 с., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке. С. 106-124., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142.

¹⁸⁸ На русском языке см., например, Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высш. школа, 1966. С. 44-64; Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. I, 2 изд. М., 1986. С. 87-89; Яковенко О.В. Когнитивно-семантические свойства детерминативов в английском языке. 201 с.

¹⁸⁹ См., например, Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. 796 с.

кодирования пациентивного участника ситуации, имеющей место в действительности.

С теоретической точки зрения, детерминативы трактуются неоднозначно, и в лингвистической литературе последних десятилетий представлено несколько различных подходов к их роли в составе именных групп (ИГ)¹⁹⁰. Поскольку детерминативы (в том числе определенный артикль, который иногда включают в эту категорию) являются важным элементом синтаксической структуры любой именной группы¹⁹¹ (ИГ, в которую они входят (и в рамках некоторых подходов даже является их вершиной – см. ниже «гипотеза группы детерминатива»), а также часто играют решающую роль в уточнении статуса определенности ИГ, который, в свою очередь, является главным фактором объектного маркирования в современном иврите, рассмотрим данные подходы более внимательно.

Теоретический синтаксис классифицирует элементы, обладающие референциальными или квантитативными функциями, в основном на основании их дистрибуции, т.е. по их позиции по отношению к вершине ИГ и в зависимости от степени сочетаемости с другими функциональными элементами. Во многих работах, написанных в рамках формальных теорий, детерминатив рассматривается как вершина «группы детерминатива» (Determiner phrase/DP), в которую ИГ входит в качестве зависимого слова¹⁹².

¹⁹⁰ Подробнее см. в Алексеева М.Е. О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. №1. С. 107-113.

¹⁹¹ В данной работе «именная группа» (ИГ, от англ. термина ‘noun phrase’, который более точно можно было бы перевести «субстантивная группа») будет пониматься как компонент иерархической структуры предложения, обладающий синтаксическими свойствами существительного, вершиной которого может быть как имя существительное, так и местоимение-существительное, в том числе: личное; возвратное; вопросительно-относительное; неопределенное; отрицательное; кванторное и некоторые другие (Подлеская В.И. Именная группа // Русская корпусная грамматика, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusgram.ru/new/chapter/label/Именная_группа/ (дата обращения 10.06.2023)).

¹⁹² Szabolcsi A. Functional categories in the noun phrase // *Approaches to Hungarian, 2* / István Kenesei (ed.). Szeged: JATE, 1987. Pp. 167–190; Abney S. The Noun Phrase in Its Sentential Aspect. MIT PhD dissertation. Cambridge, 1987. 363 p.; Stowell T. Determiners in NP and DP //

В соответствии с этой гипотезой («гипотезой группы детерминатива» – DP Hypothesis) и позднейшими версиями генеративной грамматики, детерминатив – функциональная вершина, противопоставленная в структурном смысле лексическим вершинам (N, V, A, P). Сама теория и построенные на ее основе выводы не раз подвергались сомнению. В частности, обсуждалась неуниверсальность проекции DP¹⁹³, постулировалось существование «нулевых», т.е. фонетически не выраженных, но существующих в рамках семантики и синтаксиса групп детерминативов,¹⁹⁴ была попытка ре-интерпретировать аббревиатуру DP «группу детерминатива» как «Definiteness phrase» «группу определенности»¹⁹⁵ и доказать принципиальную ошибочность теории группы детерминатива¹⁹⁶. Параллельно с этим ведутся дебаты о том, что следует включать в класс детерминативов. Различные авторы включают или, напротив, исключают из списков детерминативов артикли, некоторые разряды местоимений, существительные в притяжательном падеже, количественные и порядковые числительные¹⁹⁷. В частности, на основании характеристик дистрибуции, в том числе применительно к ивриту, было предложено разграничить классы детерминативов и квантификаторов¹⁹⁸, и в том числе, ввести понятие «группа

Views on phrase structure / K.Leffel, D.Bouchard (eds.) Berlin: Springer, 1991. Pp. 37–56 и другие.

¹⁹³ Bošković Ž. What will you have, DP or NP? // Proceedings of NELS, 37 / E.Elfer, M.Walkow (eds.). Amherst, MA: GLSA, 2008. Pp. 101–114; Chierchia G. Reference to kinds across languages // Natural Language Semantics, 6. 1998. Pp. 339–405.

¹⁹⁴ Longobardi G. How comparative is semantics? A unified parametric theory of bare nouns and proper names // Natural Language Semantics, 9. 2001. Pp. 335–369.

¹⁹⁵ Lyons Ch. Definiteness. Cambridge University Press, Cambridge, 1999. 380 p.

¹⁹⁶ Bruening B. Selectional asymmetries between CP and DP suggest that the DP Hypothesis is wrong // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics / Laurel MacKenzie (ed.). Vol. 15(1): 5. 2009. Pp. 26–35.

¹⁹⁷ Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. I. С. 87–89; Giusti G. The categorial status of determiners // The new comparative grammar. London: Longman, 1997. Pp. 95–123; Leu T. The Internal Syntax of Determiners. New York University PhD dissertation, September 2008. 224 p.; Szabolcsi A. The Noun Phrase // Syntax and Semantics 27: The Syntactic Structure of Hungarian / F. Kiefer, K. É. Kiss (eds.). San Diego: Academic Press, 1994. Pp. 179–274.

¹⁹⁸ Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: A study of Quantifier Float in Hebrew. Pp. 159–180; Stowell T. Determiners in NP and DP. Pp. 37–56.

квантификатора» (Quantifier phrase, QP) в качестве элемента более высокого иерархического уровня¹⁹⁹. При этом некоторые исследования²⁰⁰, посвященные детерминативам, подразумевают под детерминативами все вышеперечисленное.

Таким образом, термин «детерминатив» в современной научной литературе употребляется как в широком значении, охватывающем, например, квантификаторы как подкласс, и в более узком, исключая квантификаторы как отдельную категорию. В данной работе мы придерживаемся второй точки зрения.

Детерминативы рассматриваются не только в рамках синтаксических теорий, но и с точки зрения семантики, и в этом случае, исследователей интересует, в первую очередь, не паттерны дистрибуции элементов внутри именного словосочетания, а его интерпретация. В рамках семантики, дифференциация между детерминативами и квантификаторами, которая в последние десятилетия становится традиционной при синтаксическом анализе, становится гораздо менее очевидной, и двумя основными категориями становятся референциальные и квантитативные выражения²⁰¹. При этом, если в синтаксических теориях именные группы определенного и неопределенного статуса отличались незначительно, поскольку определенные и неопределенные артикли одинаково считались вершинами проекции DP²⁰², то семантический подход требует от исследователей

¹⁹⁹ Подробнее об актуальных исследованиях взаимосвязи референциальных и квантитативных именных словосочетаний см. *Determiners and Quantifiers: Functions, Variation, and Change* / C. Gianollo, K. von Stechow, M. Napoli (eds.). Leiden: Brill. 2021. 319 p.

²⁰⁰ Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and Svartvik J. *A comprehensive grammar of the English language*. London, 1985. 1779 p.

²⁰¹ Gianollo C., Stechow K., Napoli M. *Reference and Quantification in Nominal Phrases ...* Pp. 1-28.

²⁰² Попытки синтаксически разграничить определенные и неопределенные ИГ (в частности, кодируемые с помощью определенных и неопределённых артиклей) предпринимались также в рамках «гипотезы группы детерминатива». В качестве решения предлагалось, например, не рассматривать неопределенный артикль английского языка как детерминатив, что, очевидно, является не самым убедительным аргументом. Подробнее см., например, Abney S. *The Noun Phrase in Its Sentential Aspect*. P. 222; Kayne

понимания принципиальных различий в семантических функциях различных детерминативов, в том числе, определенного и неопределенного артикля.

Последние два десятилетия исследователи²⁰³ активно работают над разработкой единой теории, которая смогла бы последовательно и непротиворечиво объяснить принципы кросс-языковой вариативности на стыке между значением и формой, но на настоящий момент безуспешно²⁰⁴. Однако, принимая во внимание существование в разных языках контекстов, в которых артикль принимает на себя нетипичные функции, иногда сама возможность существования единой теории, объединившей бы семантические и синтаксические характеристики, вызывает сомнение.

В частности, несмотря на постулируемую иногда корреляцию между формальной определенностью и референтным статусом ИГ, неоднократно доказано, что не во всех случаях оформленная определенным артиклем ИГ получит статус референтной. Например, так называемые слабо определенные ИГ (*weak definites*) синтаксически признаются группой детерминатива (DP), но семантически не подразумевают уникальности и ведут себя скорее как неопределенные ИГ²⁰⁵. В некоторых языках употребление определенных артиклей единственного и множественного числа позволяет интерпретировать ИГ в обобщающем значении²⁰⁶.

Различаются семантические значения также и у неопределённых артиклей. Факторами, влияющими на интерпретацию неопределенного

R. The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. P. 124; Lyons Ch. Definiteness. Pp. 89-94.

²⁰³ См., например, Harder P. Determiners and Definiteness: Functional semantics and structural differentiation // *Essays in nominal determination: from morphology to discourse management* / Н.Н.Мuller, А.Кlinge (eds.). Amsterdam, 2008. Pp. 1-27; или подробнее о подобных исследованиях: *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference* / С.Hofherr, P. Zribi-Hertz, А. Zribi-Hertz (eds.). Leiden: Brill, 2014. 397 p.

²⁰⁴ Gianollo C., Heusinger K., Napoli M. Reference and Quantification in Nominal Phrases ... P. 1.

²⁰⁵ Подробнее см. Carlson G., Sussman R., Klein N., Tanenhaus M. Weak definite noun phrases // *Proceedings of NELS 36* / C.Davis, A.R. Deal, Y. Zabbal (eds.). Amherst, MA: GLSA. 2006. Pp. 179–196.

²⁰⁶ Подробнее см. Borik O., Espinal M. T. On definite kinds // *Recherches linguistiques de Vincennes* 41. 2012. Pp. 123–146.

артикла, могут выступать окружающая языковая среда и конкуренция с альтернативными неопределенными выражениями, представленными в каждом конкретном языке. В частности, в типологических исследованиях приводятся примеры интерпретации именных групп, оформленных неопределенным артиклем, как конкретно-референтных в одних случаях и неконкретных (экзистенциональных) в других²⁰⁷.

В рамках исследования *семитских языков* нередко поднимались вопросы как о функциях артиклей, так и об их природе и принадлежности к категории детерминативов. В частности, представления об определенном артикле, единственном артикле в языке иврит, существенно менялись на протяжении последних десятилетий. В классической работе израильского лингвиста У.Орнана 1965 г., артикль воспринимается как полноправное слово²⁰⁸. В соответствии с типологией Ж.Крамски 1972 г., в иврите, наряду с другими семитскими (например, арамейским) и несемитскими языками (урартским, хауса, сомали и т.д.) определенный артикль представлен клитикой²⁰⁹. Э.Риттер в работе 1988 г. также рассматривает артикль в иврите как клитику²¹⁰, но в последующих работах такой подход опровергается²¹¹, и в дальнейшем Х.Борер и Ш.Винтер предлагают рассматривать артикль в качестве аффикса, который присоединяется к именам на лексическом уровне, в результате чего образуются слова, а не словосочетания²¹². Более того,

²⁰⁷ Подробнее см. Fodor J., Sag I. Referential and quantificational indefinites // *Linguistics and Philosophy*. 1982. Vol. 5. Pp. 355–398; Heusinger K. Specificity and definiteness in sentence and discourse structure // *Journal of Semantics*. 2002. Vol. 19(3). Pp. 245–274; Schwarzschild R. Singleton indefinites // *Journal of Semantics*. 2002. Vol. 19. Pp. 289–314.

²⁰⁸ Ornan U. The Nominal Phrase in Modern Hebrew. Part 1. Introduction and article. Jerusalem, 1965. 42 p.

²⁰⁹ Kramski J. The article and the concept of definiteness in a language. The Hague, 1972. P. 158-159.

²¹⁰ Ritter E. A head-movement approach to construct-state noun phrases // *Linguistics*. 1988. Vol. 26. Pp. 909-929; Ritter E. Two functional categories in noun phrases: evidence from Modern Hebrew. Pp. 37-62.

²¹¹ Siloni T. Noun raising and the structure of noun phrases // *Papers from the Third Student Conference in Linguistics (MIT Working Papers in Linguistics 14)* / Bobaljik J.D., Bures T. (ed.). Cambridge, MA: MIT, 1991. Pp. 255-270.

²¹² Аргументы в пользу такого подхода см. в работах Borer H. The construct in review //

высказываются различные мнения и относительно того, какую роль играет артикль в составе ИГ и участвует ли он в синтаксических процессах. У.Шлонски и Т.Силони указывают на то, что артикль является активным участником синтаксических процессов²¹³, тогда как Ш.Винтнер придерживается противоположного мнения, доказывая, тем самым, что вершинами ИГ являются именно имена, а не функциональные (в частности, пустые) категории²¹⁴.

Объединяет данные исследования тот факт, что все они концентрируются, прежде всего, на формальных характеристиках изучаемых конструкций, на особенностях дистрибуции и сочетаемости элементов именных групп, по словам Ш.Винтнер, сознательно «подавляя» их семантические характеристики для отображения более очевидной структуры²¹⁵. Определенность, которая является одним из центральных вопросов данного исследования, в работах Ш.Винтнер и Х.Борер, интерпретируется как «абстрактная характеристика имен в иврите», которая не коррелирует однозначно «ни с наличием определенного артикля, ни с семантической определенностью»²¹⁶. На наш взгляд, такое определение является очень туманным и не решает задачу различения определенных и неопределенных ИГ, поэтому данное исследование будет принимать во внимание, с одной стороны, формальное наличие показателей детерминации

Studies in Afro-asiatic grammar / Lecarme J., Lowenstamm J, Shlonsky U. (eds.). The Hague: Holland Academic Graphics. 1996. Pp. 36-61; Wintner Sh. The affixal nature of the definite article in Hebrew // Computational linguistics in the Netherlands 1997. Selected papers from the Eighth CLIN Meeting, Number 25 in Language and Computers: Studies in Practical linguistics / Coppens, P.-A., van Halteren H., Teunissen L. (eds.). Amsterdam, 1998. Pp. 145-167; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363.

²¹³ Shlonsky U. Hebrew construct state nominals, Arabic verb-initial clauses and the head movement constraint. L'Université du Québec à Montréal, 1991. 181 p.; Siloni T. Noun phrases and nominalizations. Ph. D. thesis, Department de linguistique generale, University De Geneve, 1994. 235 p.

²¹⁴ Подробные аргументы в пользу такой точки зрения см. в работах Wintner Sh. The affixal nature of the definite article in Hebrew. Pp. 145-167; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363.

²¹⁵ Ibid. P. 344.

²¹⁶ Ibid. P. 323-324.

в составе ИГ, но, в том числе, учитывать также семантические характеристики ИГ и различные прагматические факторы, которые могут повлиять на оформление и интерпретацию ИГ в современном иврите.

Выбирая такой подход, мы опираемся не только на теоретические работы зарубежных исследователей в русле дискурсивно-ориентированного синтаксиса и ограниченное количество существующих на данный момент исследований по синтаксису современного иврита²¹⁷, но и на широкий спектр работ отечественных лингвистов, преимущественно изучавших вопросы категории определенности с позиции изучения дискурсивно-семантического анализа предложений и референциальных выражений, употребленных в них. Например, категорию «детерминатив», широко употребляющуюся, прежде всего, в формально-синтаксических подходах, российские исследователи интерпретируют с точки зрения теории актуализации и когнитивных процессов. В частности, Ю.А.Левицкий²¹⁸ вслед за Ш.Балли рассматривает детерминативы как важный элемент процесса актуализации понятия, т.е. отождествления его «с реальным представлением говорящего субъекта»²¹⁹, делая их, тем самым, неотъемлемой частью процесса перевода языка в речь. А позднее С.И.Потапенко описывает особенности функционирования детерминативов в речи, в зависимости от типа аудитории, опираясь на достижения когнитивной лингвистики и когнитивно-операциональный метод²²⁰.

Таким образом, в отличие от формальных теорий синтаксиса, в функциональной лингвистике, в рамках которой написана данная работа,

²¹⁷Исследования синтаксиса современного иврита традиционно опираются на теоретические и методологические принципы, выработанные в американских и западноевропейских работах и в подавляющем большинстве основаны на анализе формальных структур в рамках формального подхода к синтаксису.

²¹⁸ Левицкий Ю.А. Некоторые вопросы теории актуализации (функции слов-указателей): дисс... канд. филол. наук / Ю.А. Левицкий. М.: МГУ, 1970. 288 с.

²¹⁹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 87.

²²⁰ Потапенко С.И. Риторический аспект функционирования детерминантов английского языка: дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04. Киев, 1991.

категория определенности (детерминации) рассматривается как функционально-семантическая категория, средствами выражения которой являются различные грамемы грамматических категорий. Кроме артикля, общепринятого грамматического показателя этой категории, определенность и неопределенность могут выражать дейктические элементы (демонстративы), числительное «один», падежные показатели, просодические элементы (например, ударение)²²¹ и т.п. Однако даже при наличии грамматических показателей определенности (например, артиклей) в языке, семантические характеристики «определенной ИГ» разнятся. Рассмотрим, какие теоретические и методологические принципы ложатся в основу понимания категории «определенность» в этом случае, поскольку именно они будут использоваться в качестве базиса данного исследования.

И.А.Мельчук рассматривает *определенность* как категорию, «грамемы которой указывают на способ отождествления референта данной именной группы»²²². Дж.Хокинс доказывает, что, употребляя определенную ИГ, говорящий дает адресату понять, какой референт среди множеств объектов, прагматически выделенных на основании общих для говорящего и адресата знаний или же на основании условий речевого акта, он подразумевает²²³. Другими словами, именно грамемы категории определенности делают для участников речевого акта возможным/невозможным идентифицировать описываемый объект, что тесно связывает категорию определенности с референциальными характеристиками ИГ, но как было указано выше, не обязательно обозначает их тождественность.

---

²²¹ Гадилия К.Т. Категория определенности и неопределенности в контексте предикатно-аргументной структуры предложения в некоторых западноиранских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 84.

²²² Мельчук И. А. Курс общей морфологии. С. 139.

²²³ Hawkins J.A. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978. P. 17.

Такой подход в теоретических исследованиях, посвященных семантической зоне определенности, иногда называется «теория идентифицируемости» (identifiability)²²⁴.

В данной работе под термином «определенность» будет пониматься формальный признак, кодируемый маркерами определенности в составе ИГ. Также будут рассмотрены семантические и прагматические аспекты, в частности, в рамках параметра «референциальный статус»²²⁵.

Параметр *референциальный статус* будет рассматриваться как один из факторов, наряду с другими лицензирующий асимметричное объектное маркирование в современном языке иврит.

По определению Е.В.Падучевой, референция – это «соотнесение и соотнесённость языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями»²²⁶, или иначе говоря, с действительностью. Именно в работах Е.В.Падучевой впервые в русской семантической традиции были разграничены референция и значение языковых выражений. Е.В.Падучева отмечает, что «предопределённость референции смыслом и роль семантических и прагматических факторов в референции неодинакова у разных типов выражений»²²⁷. Например, имена собственные не имеют собственного значения (концепта) в языке и в основе их референции лежит не их собственный смысл, а внеязыковые знания собеседников. В частности, иногда для правильной интерпретации сообщения требуется понимание свойств обозначаемых объектов (напр., *Париж всегда Париж*). Индексальные же (или дейктические) слова и выражения (например, *я, ты, здесь, сейчас*), напротив, имеют собственное значение, и их референт в контексте конкретного речевого акта всегда опознается однозначно. Общие

²²⁴ Среди других подходов к этому вопросу можно назвать классическую теорию, или «теория уникальности» (uniqueness theory), восходящую к логическим построениям (см. например, Russell B. *Logic and Knowledge*. London: Allen and Unwin, 1956. 256 p.), теорию известности (familiarity theory) и теорию релевантности (relevance).

²²⁵ Более подробно вопрос будет рассмотрен ниже.

²²⁶ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С. 79.

²²⁷ Там же. С. 81.

имена сами по себе не имеют референции, и приобретают ее только в составе дескрипций²²⁸ (например, *столица Бразилии* построено с помощью реляционного имени, а *эта книга* — с помощью детерминатива (в других теоретических подходах близкий термин — актуализатор²²⁹)).

Говоря о референциальности, необходимо упомянуть о термине «корреферентность». Под ним подразумеваются отношения между различными языковыми выражениями, которые отсылают к одному референту. Корреферентные ИГ маркируются (индексируются) в тексте следующим образом:

(11) Что Вы думаете о Василии_i? Вроде, он_i неплохой человек.

В этом примере *Василий* и *он* корреферентны, то есть отсылают к одному референту. Но по своим характеристикам они существенно отличаются. Имя собственное *Василий* (называемое термином «антецедент») в контексте конкретного речевого акта несет гораздо большую информационную нагрузку, чем местоимение *он*. Эта различие отражается в противопоставлении *полных* ИГ (имена собственные или нарицательные (в составе дескрипций)) и *редуцированных* ИГ (местоимения и нулевые именные группы). Правильно интерпретировать последние возможно только в контексте, в большинстве случаев с использованием предыдущего фрагмента текста, поэтому данное явление получило название *анафора* (от греч. *anapherein* «относить назад»), а выражения, употребляющиеся в таком значении, называются анафорическими.

Отсюда различают три типа определенности²³⁰, в зависимости от того типа информации, на основе которой адресат идентифицирует объект²³¹:

²²⁸ Там же. С. 81-82.

²²⁹ Термин Ш.Балли. См. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 416 с.; Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С 85-86 и т.д.

²³⁰ Практически идентичная классификация представлена в работе Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 74. Однако вместо понятия «определенность» Шмелев использует «известность», чтобы указать на то, что «определенность» объекта

1) ситуативная (или дейктическая) определенность, определяемая условиями коммуникации, в частности, тем, что окружает участников речевого акта; такой вид определенности характерен, в частности, для имен собственных и личных местоимений,

2) анафорическая определенность, при которой описываемый объект уже упоминался в предшествующем тексте (претексте), в том числе, мог обсуждаться участниками коммуникации,

3) ассоциативная определенность, основанная как на анафорических, так и на семантических связях с другим выражением, употреблённым в претексте или отождествляемым участниками по ситуации; в данном случае референциальная привязка имени осуществляется через определенность других описываемых объектов²³².

Сразу обратим внимание, что разные типы определенности (также как и дихотомия «определенная/неопределенная ИГ» вообще) в разных языках могут быть выражены с помощью разных языковых средств. Например, определенный артикль не обязательно должен использоваться при оформлении ИГ, представляющих все три типа определенности: в частности, употребление артикля может ограничиваться только контекстной (анафорической) определенностью²³³. Точно также, как было сказано выше, наличие определенного артикля не обязательно подразумевает, что ИГ будет иметь референтный референциальный статус – в английском, французском и некоторых других языках употребление определенного артикля может

будет обусловлена «известностью» кодируемого объектом референта участникам коммуникативного акта.

²³¹ Мельчук И. А. Курс общей морфологии. 544 с.; Hawkins J.A. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, 1978. 316 p.; Муравьёва И.А. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики / В.А. Плуноян (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. С. 321-421.

²³² См. понятие «координатных значений» для идентифицирующей референции в Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл ... 383 с.

²³³ Кагирова В.А. Определенный артикль в современном восточноармянском языке: типология и диахрония: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20; СПб., 2013. С.10.

распространяться, в том числе, на нереферентные ИГ, например, если он употребляется в обобщающей функции (то есть с нереферентными универсальными и родовыми ИГ по классификации Е. В. Падучевой²³⁴).

1.4.2. Идентифицируемость, доступность и данность

Объяснение сложного механизма референции, описанного в 1.4.1., находится в рамках когнитивно-ориентированного подхода к процессу порождения речи²³⁵, согласно которому выбор того или иного референциального выражения, т.е. референциальный выбор²³⁶, зависит от когнитивной системы человека и, прежде всего, от такого механизма как рабочая или кратковременная память. Принцип действия этого алгоритма заключается в следующем: если референт в рабочей памяти говорящего (и, по предположению говорящего, также в рабочей памяти адресата²³⁷), «высоко активирован», то выбор делается в пользу редуцированного референциального средства. Если же уровень активации референта невысок, то говорящий скорее использует полную именную группу, хотя такой выбор все равно останется вероятностным²³⁸.

Когнитивные и квази-когнитивные модели анафоры разрабатывались несколькими авторами. В частности, широко известны работы У.Чейфа,

²³⁴ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С.94-99.

²³⁵ Вопрос порождения речи является предметом широкого обсуждения не только в лингвистике, но и в смежных дисциплинах, например, психологии и психолингвистике, философии, социологии и социальной антропологии и изучается, в т.ч., с помощью современных цифровых и компьютерных технологий. См., например, Есперсен О. Философия грамматики / Есперсен О.; пер. с англ. В.В. Пассека, С.П. Сафроновой. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 408 с.; Pinker S. Language, Cognition, and Human Nature. Selected Articles. Oxford: Oxford University Press, 2013. 392 p. и др.

²³⁶ По мнению А.А.Кибрика, грамматику вообще «можно рассматривать как систему, управляющую языковыми выборами» (Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики / Ред. В. А. Плуныян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. С. 163).

²³⁷ Описание этого принципа см., например, в Chafe W. L. Language and Consciousness. Pp. 129-132.

²³⁸ Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка). С. 163.

который различает три состояния активации информации в сознании (составляющих иерархию *доступности* (accessibility)): активное, полуактивное и инактивное²³⁹. Активным является то, что находится в фокусе внимания на данный момент, полуактивным (доступным, англ. *accessible*) – то, что находится «на периферии» сознания (например, перестало быть активным или связано с тем, что сейчас в фокусе внимания), а неактивной считается информация, которая не находится ни в фокусе, ни на периферии сознания²⁴⁰.

Взяв за основу шкалу доступности У.Чейфа, в основе которой лежит статус употребляемого в дискурсе референта в сознании адресата в каждый конкретный момент, Э.Принс предложила свою шкалу «*идентифицируемости*» референтов²⁴¹. Статус референта по этой шкале коррелирует с самой природой знаний адресата о референте.

(12) Шкала идентифицируемости Э.Принс:

1. Задействованные референты (*evoked*), т.е. упоминавшиеся в дискурсе, и знакомые слушателю (в том числе знакомые из ситуативного контекста, например, *the painting* – в значении «та картина, на которую мы сейчас смотрим», даже если данное референциальное выражение до этого в дискурсе отсутствовало),
2. «Вычисляемые» референты (*inferable*), т.е. не упоминавшиеся в дискурсе, которые, тем не менее, можно логически вычислить из контекста (например, при упоминании в дискурсе *a wedding* вполне обосновано далее появление референта *the bride*, поскольку наличие одной единственной уникальной невесты на свадьбе легко «вычисляется»),

---

²³⁹ Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. Pp. 25-55, Chafe, W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press. 1994. 392 p.

²⁴⁰ Chafe W. Cognitive constraints on information flow. Pp. 21–52.

²⁴¹ Prince E. Toward a taxonomy of given-new information. Pp. 223-255.

3. Неиспользованные референты (*unused*), т.е. не упоминавшийся в дискурсе, но о которых слушатель имеет представление (например, *the sun, Пушкин*),
4. Новые референты (*brand new*), не упоминавшиеся в дискурсе, не знакомые слушателю (*I bought a dress*).

Использование примеров английского языка в данном случае очень показательно, поскольку позволяет продемонстрировать корреляцию между степенью идентифицируемости референтов в дискурсе и их грамматическим оформлением, в данном случае употреблением определенного артикля с соответствующими референциальными выражениями. Из всех приведенных примеров только «новые» (как подчеркивает Принс, «абсолютно новые») референты оформляются неопределенным артиклем.

В работе Дж.Гандел, Н. Хедберг и Р.Закарски 1993 г. была предложена Иерархия данности (*Givennes Hierarchy*)²⁴², которая не только предлагает самый подробный на данный момент алгоритм анализа когнитивного статуса референтов в дискурсе, но и варианты корреляции между статусом референта в этой иерархии и его грамматическим оформлением. Именно эту иерархию мы будем использовать для определения дискурсивного статуса объекта в данной работе.

(13) Шкала данности:

в фокусе внимания > активированный > знакомый > однозначно опознаваемый > референтный > опознаваемый тип

Шкала данности (13) отражает степень присутствия референта в памяти коммуникантов. Статусы «в фокусе» (*in focus*²⁴³), «активированный» (*activated*), «знакомый» (*familiar*) присваиваются референтам, чей образ находится в памяти, причем первые два статуса соотносятся с его присутствием в краткосрочной памяти. Различие между статусами «в

²⁴² Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. P. 275.

²⁴³ Слово *focus* используется здесь в значении «в фокусе внимания» и никак не связано с англоязычным термином *focus* «рема».

фокусе» и «активированный»²⁴⁴ лежит в области доступности референта: референт «в фокусе» находится в фокусе внимания слушающего в текущий момент дискурса, тогда как активированный – вышел из фокуса внимания, но все еще является «доступным» в сознании слушающего²⁴⁵. Для каждого из ступеней иерархии характерен особый тип языкового выражения. Например, местоимение английского языка *it* обычно кодирует референт в фокусе, активированные референты кодируются указательными местоимениями (*this*, *that*) и именными группами с указательным местоимением *this* (*this book*). Знакомый референт кодируется именными группами с указательным местоимением *that* (*that book*), а для однозначно опознаваемого в дискурсе референта наиболее характерно оформление именной группой с определенным артиклем.

Под «референтным» в этом подходе подразумевается то, что М.Хаспельмат трактует как идентифицируемость референта для говорящего²⁴⁶, что отличает ее от определенности, которая, как правило, воспринимается как идентифицируемость референта для адресата²⁴⁷. В качестве примера можно привести употребление именной группы с указательным местоимением *this* в разговорном английском.

(14) *I'm absolutely exhausted. **This dog** (next door) kept me awake all night.*

²⁴⁴ Ср. с активным и полуактивным состояниями по иерархии У.Чейфа.

²⁴⁵ Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. Pp. 278-280.

²⁴⁶ Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 108.

²⁴⁷ В некоторых языках такой «неопределенно-референтный» стаус, называемый в англоязычных работах «специфичность» ('specificity'), выступает фактором объектного маркирования. Например, по мнению М.Энча, в турецком языке маркируются в т.ч. объекты, причисляемые к подмножеству уже известных говорящему объектов или потенциально идентифицируемые по некой восстанавливаемой связи с уже знакомыми объектами (Enç M. The semantics of specificity // Linguistic Inquiry. 1991. Vol. 22(1). Pp. 1—25). Похожим образом маркируются также объекты в удмуртском (бесермянском), марийском и эрзя-мордовском языках (Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142).

‘Я совершенно вымотан. **Эта собака** (у соседей) не давала мне спать всю ночь.’

Наименьшей степенью «данности» по данной иерархии обладают референты с со статусом «опознаваемый тип» (*type identifiable*), для обозначения которых говорящему достаточно воспользоваться неопределенной ИГ, а для интерпретации, которых в дискурсе адресату достаточно быть знакомым с классом объектов, которые обозначаются данным референтом. Например,

(15) *What are you going to buy her? A **book** is a good gift.*

‘Что ты собираешься ей подарить? **Книга** – хороший подарок.’

Важным пунктом, который отмечают Дж.Гандел, Н. Хедберг и Р.Закарски, является корреляция между данностью референта и топикальностью: референты «в фокусе», по предположению авторов, скорее всего, будут являться темами (топиками) в последующем дискурсе²⁴⁸. Топикальность, как было указано выше, является одним из факторов-лицензоров дифференцированного объектного маркирования, поэтому рассмотрим этот вопрос подробнее.

1.4.3. Тема и топикальность

Как было сказано в п. 1.1.2, тема (исходный пункт высказывания) и рема (информация, добавляемая к исходному пункту) являются бинарным противопоставлением, характеризующим коммуникативную организацию высказывания. В дискурсивной лингвистике тема чаще всего рассматривается как прагматическая роль в структуре высказывания, причем вслед за У.Чейфом²⁴⁹, переосмыслившим категории определенности, субъекта, топика в рамках работы со структурами человеческого сознания и

²⁴⁸ Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. P. 279.

²⁴⁹ Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. Pp. 25-55.

памяти, в дискурсивных исследованиях нивелируется роль предложения и выдвигается на первый план другие единицы членения дискурса: интонационная единица (для устного дискурса), соразмеряемую по объему с одной предикацией²⁵⁰, и пропозиция²⁵¹.

Во многих работах по факторам-лицензорам ДОМ, авторы обращаются к понятию «топикальность» объекта. Определения топикальности довольно серьезно различаются в зависимости от исследователей и парадигмы, в которой они проводят исследование, но основой для них служат тезисы, выдвинутые Т.Гивоном в работе 1983 г.

В частности, Т.Гивон ввел понятие *непрерывности темы* (topic continuity)²⁵², т.е. предсказуемости появления того или иного референта в дискурсе. Причем чем активнее референт, выступающий в качестве темы, тем более предсказуемо его появление, и, следовательно, тем меньше языкового материала требуется для его кодирования. И наоборот, если повествование прерывается, тем труднее воспринимать тему и тем больше «кодирующего» материала потребуется²⁵³. Соответственно, топикальность нужно рассматривать как градуальный признак, непосредственно коррелирующий с дискурсивными характеристиками референтов. Для измерения непрерывности темы в рамках дискурса Т.Гивон предложил три параметра, которые после успешно применялись во многих статистических исследованиях:

²⁵⁰ Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. С.27, подробнее см. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / ред. В.Д. Соловьев. М.: Институт психологии РАН, 2006. Вып. 1. С. 138-158.

²⁵¹ Подробнее о понятии «пропозиция» см., например, Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №4. С.159-164, Кибрик А.А. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // Глагольная деривация / В.А. Плунгян и С.Г. Татевосов (ред.). М.: JaSK. 2008. С. 127-148. В нашей работе для упрощения подсчетов мы воспользуемся суждением Т. А. ван Дейка и В. Кинч о том, что одному простому предложению соответствует одна пропозиция (Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка.1988. С.153–211).

²⁵² Иногда называемое также «доступность темы» (topic accessibility).

²⁵³ Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction. P. 18.

1. Референциальное расстояние,
2. Потенциальные помехи,
3. Сохранение в правом контексте²⁵⁴.

«Референциальное расстояние», согласно Т. Гивону, измеряет, как далеко текущее референциальное выражение отстоит от предыдущего упоминания этого же референта, путем подсчета количества клауз, их разделяющих²⁵⁵. Параметр «сохранение в правом контексте» измеряет важность этого референта в *последующем* дискурсе путем подсчета количества клауз «справа» от текущего референциального выражения, кодирующего референт. Самой непрерывной теме соответствовали бы референты в фокусе по описанной выше Иерархии данности. Параметр «потенциальные помехи» указывает на наличие других «семантически совместимых» референтов в непосредственной близости²⁵⁶. По сути, он не измеряет топикальность, а используется как средство контроля в ситуациях, когда, например, может иметь место неоднозначность референции²⁵⁷.

Таким образом, можно предположить, что референты с наибольшей степенью топикальности будут последовательно упоминаться в дискурсе, кодируемые различными референциальными выражениями, удаленными друг от друга на минимально возможное расстояние, что является важным принципом для квантитативного анализа в этой работе. Методология подсчета степени топикальности референта, изложенная в п. 1.4.3. выше,

---

²⁵⁴ Перевод термина предложен в работе Русских А. Кодирование посессивности с терминами родства в русском языке как референциальный выбор // Русская филология. 30. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2019. С. 230-239.

²⁵⁵ Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction. P. 13.

²⁵⁶ Ibid. Pp. 1-41.

²⁵⁷ Данный подход Т. Гивона лег в основу быстроразвивающейся области дискурсивной лингвистики, связанной с проблемой выбора референциального средства при упоминании конкретного референта в дискурсе. Помимо линейного расстояния до ближайшего antecedenta («референциальное расстояние» по Гивону) для предсказания референциального выбора также используются другие параметры, связанные с предшествующим дискурсом (например, семантико-синтаксический статус antecedenta и границы эпизодов), а также внутренние свойства референта (одушевленность, центральность для данного дискурса и т.д.). Подробнее см., например, Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. 90 с.

также как и Иерархия данности референта (п. 1.4.2) будут использованы нами для отождествления дискурсивно-прагматических факторов, потенциально влияющих на вариативность асимметричного объектного варьирования, в Главе 3.

1.4.4. Одушевленность.

Еще в классической работе Л.Ельмслева, посвященной категории одушевленности, отмечалось, что «субъективная классификация [...] редко покоится на физических свойствах объекта, чаще она основывается на роли, функции, полезности (воображаемой или реальной) данного объекта»²⁵⁸. Эта идея обосновывает многогранную природу категории одушевленности, и, следовательно, ее отражение в современной научной литературе.

В теоретической литературе по лингвистике представлено, по крайней мере, три уровня «одушевленности»: 1) биологическая одушевленность, т.е. степень, в которой сущность является живой или не-живой по определенным биологическим критериям; 2) когнитивная (иначе называемая семантической) одушевленность, т.е. концептуализация сущности на основе некоего представления об «одушевленной» модели поведения, и 3) лингвистическая (формальная) одушевленность, т.е. грамматическое отражение когнитивного процесса классификации одушевленности²⁵⁹.

Вопрос о соотношении этих трех уровней является широко обсуждаемым, но совершенно очевидно, что, тогда как биологическая одушевленность бинарна по своей природе, когнитивная одушевленность, а вслед за ней и лингвистическая не является бинарной, а представлена

²⁵⁸ Ельмслев Л. О категориях личности–неличности и одушевленности–неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 120.

²⁵⁹ Подробную дискуссию см., например, De Swart P., De Hoop H. Shifting animacy. Pp. 1-23; Bayanati S., Toivonen I. Humans, Animals, Things and Animacy // Open Linguistics. 2019. Vol. 5(1). Pp. 156-170; Malchukov A. Animacy shifts and resolution of semantic conflicts ... Pp. 47-55; Trompenaars Th., Kaluge T.A., Sarabi R., de Swart P. Cognitive animacy and its relation to linguistic animacy: evidence from Japanese and Persian // Language Sciences. 2021. Vol. 86. [Электронный ресурс] URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_3347556_1/component/file_3347557/content (дата обращения: 10.07.2023).

некоторой более сложной иерархией. Эта иерархия, как предполагается, основана на представлениях об агентивности и «эгоцентричной» по своей сути близости к говорящему/слушающему²⁶⁰.

Как было показано в п. 1.2., воспринимая говорящим степень одушевленности референта, действительно, влияет на грамматические процессы, в частности, на согласование и падежное оформление ИГ²⁶¹.

В п. 1.2.1 была представлена шкала одушевленности (6), предложенная в работе Дж.Эйссен и отражающая трехуровневое деление: человек, одушевленный объект (не-человек), неодушевленный объект. В некоторых случаях вариативность объектного маркирования отражает даже более простую бинарную модель с противопоставлением «человек/не-человек», как например, в печорском диалекте коми-зырянского языка²⁶²:

(16) *Me dərəm / dərəm-sə*   *vur-i*.

я рубашка / рубашка-АСС.3 шить-PRТ

‘Я сшила рубашку.’

Однако существуют примеры более сложной системы маркирования объектов по параметру «одушевленность». Например, в некоторых австралийских языках аккумулятивом маркируются только местоимения 1-ого и 2-ого лиц, но не маркируется 3-ье лицо²⁶³.

Такие типологические наблюдения, а также наличие в арсенале исследователей подробной иерархии одушевленности, предложенной

²⁶⁰ Более подробный анализ проблемы, см., например, в работах Bayanati S., Toivonen I. Humans, Animals, Things and Animacy // Open Linguistics. Vol. 5(1). 2019. P. 157; Dahl Ö., Fraurud K. Animacy in grammar and discourse // Reference and referent accessibility / T.Fretheim and J.K.Gundel (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1996. Pp. 47-64.

²⁶¹ Эта взаимосвязь зафиксирована и в русском языке. Например, окончания форм мн.ч. вин. п. всех существительных и форм ед.ч. вин.п. м.р. у одушевленных существительных совпадают с окончаниями род.п., а у неодушевленных — с окончаниями им.п. «Вижу брат-а/лошад-ей», но «Вижу стол».

²⁶² Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 4.

²⁶³ Comrie B. Language universals and linguistic typology ... 264 p.

М.Сильверстейном еще в 1976 г.,²⁶⁴ привели к расширению шкалы одушевленности.

(17) Расширенная шкала одушевленности²⁶⁵:

Говорящий/адресат>местоимение 3-го л.>имя собственное с референтом человеком>имя нарицательное с референтом человеком>другие одушевленные существительные> неодушевленное существительное

Под «говорящим/адресатом» в данном случае подразумевается употребление личных местоимений 1-ого и 2-ого лиц (локутор/не-локутор).

Однако, как показывают данные анализа, результаты которого будут представлены в третьей главе данной работы, для выявления корреляции между одушевленностью ИГ и ДОМ асимметричного типа в современном иврите иерархия одушевленности, предложенная в исследовании Дж.Эйссен (6), является вполне достаточной и поэтому именно она будет использована в нашем исследовании.

Выводы по Главе 1

В данной главе были изучены основные теоретические подходы и методологические принципы, на которых основано данное исследование. С типологической точки зрения, субъект и объект кодируются различными способами, а именно, падежными показателями, предикативным согласованием и порядком слов. Причем степень релевантности этих трех способов зависит от языка. В номинативно-аккузативных языках, к которым относится современный иврит, субъект обычно ассоциируется с номинативом, а объект — с аккузативом.

Семантические роли описывают отношения между предикатом и его актантами; прототипические переходные глаголы, в частности, типично выбирают Агенс и Пациенс. В номинативно-аккузативных языках существуют две основные модели варьирования способов кодирования О-участника ситуации (выступающего в семантической роли Пациенса).

²⁶⁴ Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. Pp. 112-171.

²⁶⁵ Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. 432 p.

Асимметричная модель ДОМ характеризуется вариативностью типа АСС vs Ø (показатель аккузатива или нулевой показатель). Эта вариативность проявляется, чаще всего, под влиянием параметра «индивидуализация объекта» и, по-видимому, имеет дискурсивно-прагматический характер. Симметричная модель ДОМ, напротив, характеризуется вариативностью двух различных маркеров, и лицензируется различными семантическими аспектами транзитивности.

Исследователи асимметричного ДОМ часто отмечают, что наличие аккузативного маркера коррелирует с дискурсивной значимостью изучаемого объекта. Такие исследования, однако, измеряют данный параметр только косвенно, на основании корреляции между идентифицируемостью объекта и позицией референциального выражения, его кодирующего, на шкале определенности. В понятие «идентифицируемости», рассматриваемого как основной фактор-лицензор ДОМ, включаются категории определенности и одушевленности, первая из которых, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения наличия/отсутствия формальных показателей, оформляющих ИГ, но и с точки зрения семантико-прагматической позиции. Рассматриваются три типа категории определенности в зависимости от типа информации, имеющейся в распоряжении говорящего и адресата, а также демонстрируется соотношенность, но не точная корреляция между категорией определенности и референциальным статусом ИГ. Другими факторами, лицензирующими ДОМ, указываются прагматическая роль референта, выступающего в качестве прямого объекта, и степень его топикальности. Таким образом, выявлено, что степень индивидуализации объекта и уровень влияния различных аспектов этого фактора на вариативность ДОМ могут быть более точно определены путем степени идентифицируемости и доступности объекта, а также на базе информации о степени топикальности данного референта, выводимых из данных о референциальном расстоянии в дискурсе и степени его катафорической устойчивости.

ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР АСИММЕТРИЧНОГО ОБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИВРИТЕ

Традиционный подход к падежам был разработан на основе древнегреческого и латинского языков. Как древнегреческий, так и латынь были фузионно-флективными языками с характерной системой распределения падежных окончаний, сформировавших принятую сегодня терминологию: номинатив (Nominative), генетив (Genetive), датив (Dative), аккузатив (Accusative). Для протосемитского языка также была реконструирована система падежных окончаний –u, -i, -a, соответствующая номинативу, генетиву и аккузативу²⁶⁶. С течением времени, трех-падежная флективная система в северо-западных семитских языках была заменена на систему ДОМ, в которой маркировались в позиции прямого объекта только определенные ИГ, тогда как субъект никак не был маркирован. В древнееврейском языке показателем прямого объекта (традиционно *nota accusativi*) стал маркер *'et*²⁶⁷. Таким образом несмотря на то, что морфологические показатели падежей отсутствуют не только в современном

²⁶⁶ Обратим внимание, что показатели аккузатива совпадают с показателями генетива в формах двойственного числа и мужского рода множественного числа. Эта система зафиксирована в аккадском и угаритском языках, а также сохранилась в классическом арабском языке. Частично она сохранилась также в языке геэз, в котором не зафиксировано окончание номинатива -u, но сохраняется –a аккузатива (Bossong G. Differential object marking in Romance and beyond // *New analyses in Romance linguistics, selected papers from the XVIII Linguistic Symposium on Romance languages 1988* / D. Wanner and D. Kibbee (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1991. Pp. 145-146).

²⁶⁷ В моавитском *'t*, в финикийском *'ut*, в древнеарамейском *'ut*. В имперском арамейском был зафиксирован второй маркер прямого объекта, образованный из предлога *l-* и частотно заменявший *'ut*, который впоследствии был заимствован древнееврейским. В других семитских языках также употреблялись маркеры прямого дополнения: *ana* в аккадском, *'iyuā* в арабском и *kiyuā* в геэз (перед местоименными суффиксами) и др. Подробнее об объектных маркерах см. Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. Pp. 468-500; Rubin A.D. *Studies in Semitic grammaticalization*. 177 p.; Bekins P. The Use of Differential Object Marking in Northwest Semitic // *Kleine Untersuchungen zur Sprache des Alten Testaments und seiner Umwelt* 20. 2016. Pp. 3-50; Wilson-Wright A.M. A Reevaluation of the Semitic Direct Object Markers // *Hebrew Studies*. 2016. Vol. 57. Pp. 7-15, etc.

иврите²⁶⁸, но и уже в текстах на древнееврейском языке, в лингвистической литературе зачастую сохраняются термины «номинатив», «генетив», «аккузатив», «датель» — как для древнееврейского языка, так и для последующих периодов²⁶⁹. Несмотря на то, что типично номинатив и аккузатив связаны с грамматическими ролями субъекта и объекта, соответственно, в некоторых языках, в том числе, в древнееврейском, ИГ в аккузативе могут использоваться для обозначения таких значений, как способ, время или место действия. Впрочем, как показывает исследование П.Бекинса, случаи маркирования с помощью *'et* в древнееврейском языке преимущественно ограничиваются прямыми объектами²⁷⁰, в большинстве случаев кодирующимися определенными ИГ.

Однако данная закономерность, т.е. преимущественное маркирование прямых объектов, кодирующихся определенными ИГ, не подразумевает строгой корреляции между маркированием и определенностью ИГ²⁷¹. На материале древнееврейского языка предпринимались различные попытки объяснить это несоответствие. В частности, выдвигались теории об эмфатической функции предлога *'et*²⁷², об ошибках переписчика²⁷³, о существовании гибридных конструкций, стилистических особенностях

²⁶⁸ Алексеева М.Е. Основные принципы объектного маркирования в современном иврите: определенность и дифференцированное маркирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 3. С. 110.

²⁶⁹ פלוטניק, ז., מלצר-אשר, א., & סילוני, ט. אנטקוזטיביות ומבנה השייכות הדאטיבית שפה ומוח, 1-19 .2022 .16 Плотник З., Мельцер-Ашер А., Силони Т. Неаккузативность и посессивная дательная конструкция // Язык и мозг. 2022. № 16. С. 1-19. [Электронный ресурс] URL: http://www.language-brain.com/journal/docs/Plotnik_Meltzer-Asscher_Siloni_LanguageBrain16_Unaccusativity.pdf (дата обращения: 10.07.2023)

²⁷⁰ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition *'et* in Biblical Hebrew. Pp. 17-29.

²⁷¹ См., например, исследование М.Малессы, в соответствии с подсчетами которого, в рассмотренном им корпусе текстов на древнееврейском языке маркировались только 73% определенных ИГ в позиции прямого дополнения (Malessa M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. 248 p.)

²⁷² Saydon P.P. Meanings and uses of the particle *'t* // Vetus Testamentum. 1964. Vol. 14. Pp. 192-210.

²⁷³ Albrecht C. *'t* vor dem Nominativ und be idem Passiv // ZAW 47. 1929. Pp. 274-283.

текста²⁷⁴ и т.п. Более поздние исследования, начиная с работы Дж.Хана 1984 г.²⁷⁵, выявили тесную связь между объектным маркированием и параметрами транзитивности, в частности, индивидуализацией объекта²⁷⁶. П.Бекинс, основываясь на данных корпусного анализа текстов библейской прозы, сделал вывод о том, что в древнееврейском языке фактором маркирования прямого объекта с помощью *'et*, стал так называемый «информационный статус» референта ИГ в позиции прямого объекта. А именно: чем выше расположен референт на шкале информационного статуса (т.е. если он упоминается в претексте, относится к человеку и встречается в последующем дискурсе), тем выше вероятность его маркирования²⁷⁷.

Для современного иврита на данный момент постулируется строгая корреляция между определенным статусом ИГ в позиции прямого объекта и аккузативным маркированием: в соответствии с грамматическими описаниями и широко известным дидактическим принципом, ИГ в определенном состоянии в позиции прямого объекта должна обязательно маркироваться *'et*, тогда как неопределенный статус ИГ является ограничением на маркирование. Таким образом, в типологических исследованиях современный иврит воспринимается как пример языка с ДОМ, который в рамках асимметричного ДОМ использует показатель аккузатива *'et*, по-разному кодируя О-участника в транзитивной клаузе в зависимости от статуса определенности кодирующей его ИГ.

Важно отметить, что в большинстве случаев категория определенности воспринимается как бинарная, а ее интерпретация в исследованиях и грамматических описаниях основывается на наличии/отсутствии формальных

²⁷⁴ Wilson A.M. The particle *ל* in Hebrew // *Hebraica* 6. 1890. Pp. 146.

²⁷⁵ Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. Pp. 468-500.

²⁷⁶ Подробнее см. Garr W.R. Affectedness, aspect, and Biblical Hebrew *'et*. Pp. 119-134; Malessa M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. 248 p.

²⁷⁷ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition *'et* in Biblical Hebrew. P. 240.

показателей: определенного артикля, имен собственных и местоименных суффиксов.

В данной главе нами будут изучены различные способы выражения категории «определенность» в современном иврите, а также различные типы референциальных выражений, которые в современном иврите могут кодировать О-участника в транзитивной клаузе, с целью установить, действительно ли корреляция между наличием формальных показателей детерминации и наличием маркера аккузатива в современном иврите является абсолютной. Для получения объективной и статистически обоснованной информации методы текстового количественного анализа будут применяться на базе составленного автором корпуса под названием Hebrew Objects General Corpus (далее: HOG корпус).

2.1. Общие принципы асимметричного объектного маркирования в современном иврите на материале грамматических описаний

В иврите существуют как прямые, так и косвенные дополнения, причем, с точки зрения порядка слов, прямое дополнение, как правило, располагается перед косвенным и часто следует непосредственно после глагола²⁷⁸. Объект действия преимущественно кодируется с помощью прямого дополнения (оформленного либо маркером аккузатива *'et*, либо нулевым маркером), хотя определенный очень ограниченный перечень глаголов может принимать как прямые, так и косвенные дополнения (оформленные предлогом *be-*, обычно кодирующим локатив), не меняя значения²⁷⁹. В число последних входят, например, как относительно частотные глаголы *baḥar*²⁸⁰ 'выбирать', *heḥzik* 'держат', *tafas* 'хватать,

²⁷⁸ Другими факторами, влияющими на порядок слов в данном случае, будут «новизна информации» (известная информация, например, определенная ИГ в роли прямого/косвенного объекта типично употребляется первой) и «степень распространенности» объекта (более кратко кодированный объект будет стоять ближе к началу). Подробнее см. Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. P. 164-165.

²⁷⁹ Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. P. 159.

²⁸⁰ В научной литературе, посвященной проблемам современного иврита, используется несколько систем транслитерации в зависимости от цели и материала исследования.

занимать (место)', *hika* 'бить, ударять', так и гораздо реже встречающиеся *nagax* 'бодать', *niger* 'выкалывать, клевать', *henid* 'качать (головой)' и т.д. В терминах данного исследования указанная альтернатива будет соответствовать симметричной модели дифференцированного объектного маркирования и поэтому ее особенности рассматриваться не будут. Однако заметим, что в единственном известном нам исследовании Р.Халеви 2008 г., посвященном альтернативе *'et/be-*, в разной мере характерной для глаголов подобного типа, высказывается мнение о том, что выбор способа кодирования в данном случае будет обусловлен семантически²⁸¹, что вполне соответствует общим характеристикам симметричного типа ДОМ, описанным в типологических исследованиях (см. п. 1.3.2) и принципиально отличает его от изучаемого в данной работе асимметричного типа объектного маркирования, принципы реализации которого будут изложены ниже.

Как уже было сказано, в соответствии с подавляющим большинством²⁸² исследований и грамматических описаний, современный иврит регулярно семантизирует О-участника в транзитивной клаузе показателем *'et* в тех

Используемая в данном исследовании система транслитерация является одной из распространенных систем упрощенной передачи текста современного разговорного иврита и не имеет задачи отразить фонетическую составляющую. См., например, использование транслитерации в Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. 608 p., Danon G. *Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew* или Halevy R. *Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew ...* Pp. 61-102.

²⁸¹ Halevy R. *Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew ...* Pp. 61-102.

²⁸² Единственной известной нам работой, где данный постулат подвергается сомнению, является статья 2021 г. авторства израильских исследователей А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут, посвященная объектному маркированию партитива в современном иврите (Hacohen A., Kagan O., Plaut D. *Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity*. Pp. 1-34). С помощью эксперимента авторы устанавливают, что «уровень одобрения» маркированных с помощью *'et* партитивных конструкций, обладающих определенным статусом среди участников (носителей иврита), составляет только 3,5/5, что наглядно показывает несоответствие общепринятой точки зрения реальной ситуации в речи. Проблема маркирования партитива, в т.ч. данные указанной выше работы, будут рассмотрены более подробно далее.

случаях, когда О-участник кодируется именной группой, имеющий определенный статус, и не маркирует — во всех остальных²⁸³.

(18а) *Dan kana 'et ha-sefer.*
 Дан купить.PST.3SGM ACC DEF-книга.
 ‘Дан купил [эту] книгу.’

(18б) *Dan kana sefer.*
 Дан купить.PST.3SGM книга.
 ‘Дан купил [какую-то] книгу.’

(18в) **Dan kana 'et sefer.*
 Дан купить.PST.3SGM ACC книга.

(18г) **Dan kana ha-sefer.*
 Дан купить.PST.3SGM DEF-книга.

Примеры (18а) и (18б) являются грамматичными, тогда как (18в) и (18г) оцениваются носителями языка как неграмматичные. Интересно, что, согласно исследованию Г.Данон, пример аналогичный (18в), в котором *'et* маркирует неопределенное имя, в большинстве случаев считается респондентами «гораздо хуже», чем пример (18г), где определенное имя в позиции прямого объекта не маркируется²⁸⁴.

Несмотря на единодушное мнение исследователей относительно того фактора, который лицензирует объектное маркирование в подобных

²⁸³ Givón T. Definiteness and Referentiality. Pp. 291–330; Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 157; Siloni T. Noun phrases and nominalizations: The syntax of DPs 40. 232 p.; Winter Y. DP Structure and Flexible Semantics // North East Linguistics Society. 2000. Vol. 30. Pp. 709-731; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363; Danon G. Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew // Linguistics. Vol 39(6). 2001. Pp. 1071–1116; Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type // Proceedings of IATL 17 / Falk Y. (ed.). 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/17/Danon.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).; Danon G. Caseless nominals and the projection of DP // Natural Language & Linguistic Theory. Vol. 24(4). 2006. Pp. 977–1008; Ruigendijk E., Friedmann N. On the relation between structural case, determiners, and verbs in agrammatism ... Pp. 948–969 и т.д.

²⁸⁴ Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew.

примерах (а именно «определенность ИГ»), отдельным предметом дискуссии в литературе является статус самого *'et*. Мнения исследователей по данному вопросу можно условно разделить на две группы. Превалирующим в исследованиях по падежному оформлению является понимание *'et* как *маркера аккузатива*²⁸⁵, однако в части работ *'et* называется предлогом²⁸⁶. Существуют работы, которые успешно объединяют оба мнения, называя *'et* предлогом аккузатива²⁸⁷ или маркером прямого объекта/аккузатива с некоторыми характеристиками предлога²⁸⁸, или просто используют описательные термины, такие как «лексикализированный элемент»²⁸⁹. В данной работе, однако, мы будем придерживаться первого мнения и будем называть *'et* маркером/показателем аккузатива²⁹⁰.

Возвращаясь к факторам-лицензорам объектного маркирования, отметим, что наличие очевидной корреляции между оформлением прямого объекта и определенным/неопределенным статусом кодирующего его референциального выражения, безусловно, вызывает вопрос, какие именно референциальные выражения можно считать «определенными» или

²⁸⁵ См. например, Givón T. Definiteness and Referentiality. Pp. 291–330; Siloni T. Noun phrases and nominalizations: The syntax of DPs 40. 232 p.; Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483; Алексеева М.Е. Основные принципы объектного маркирования в современном иврите. С. 111; Janssen B., Meir N., Baker A., Armon-Lotem Sh. On-line comprehension of Russian case cues in monolingual Russian and bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew children // Proceedings of the 39th annual Boston University conference on language development / Grillo E., Jepsen K. (eds.). Somerville, MA: Cascadilla Press, 2015. Pp. 266–278.; Taube M. The usual suspects: Slavic, Yiddish, and the accusative existentials and possessives in Modern Hebrew // Journal of Jewish Languages. 2015. Vol. 3(1–2). Pp. 27–37.

²⁸⁶ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. 608 p; Danon G. Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew. Pp. 1071–1116.

²⁸⁷ Falk Y.N. Case: Abstract and Morphological // Linguistics. 1991. Vol. 29(2). Pp. 197–230.

²⁸⁸ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319–363; Armon-Lotem S., Avram I. The autonomous contribution of syntax and pragmatics to the acquisition of the Hebrew // UG and External Systems: Language, Brain and Computation / Di Sciullo A.M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 171–184.

²⁸⁹ Zhakevich P., Kantor B. Modern Hebrew // The Semitic Languages / J. Huehnergard, Pat-El N. (eds.). 2nd edn. London & New York: Routledge, 2019. P. 598.

²⁹⁰ Мы будем использовать наименования «маркер прямого объекта / маркер аккузатива / показатель аккузатива», поскольку для нашей работы важно, что он выступает только как показатель аккузатива, а не как показатель временной или пространственной ориентации, как в случае с большинством единиц, которые традиционно относят к предлогам.

«неопределенными» в современном иврите. Для решения данного вопроса рассмотрим, какие способы выражения детерминации существуют в современном иврите.

Основным способом кодирования определенности в иврите является, как уже было сказано, использование определенного артикля, *ha-*, в форме префикса, который присоединяется к именам существительным, прилагательным, некоторым числительным и т.п.²⁹¹. Неопределенного артикля в иврите не существует²⁹². Существует мнение, что формы числительного «один» *'exad/ 'axat* (или их усеченные формы *'xad/'xat* – в устной речи) могут быть использованы для маркирования неопределенной²⁹³ или слабо-определенной референтной²⁹⁴ ИГ. В большинстве случаев для обозначения неопределенного статуса ИГ используется немаркированная ИГ. Прямыми дополнениями, т.е. референциальными выражениями, кодирующими О-участника в транзитивной клаузе, в иврите могут выступать: имена собственные, определённые и неопределённые ИГ (в т.ч. включающие детерминативы и квантификаторы), квантификаторы и местоимения (указательные, вопросительные и др.). Особняком стоят объектные местоимения, которые сформировались путем присоединения местоименных суффиксов к грамматикализованной морфеме *'ot-*²⁹⁵, исторически восходящей к маркеру аккузатива *'et*. Таким образом,

²⁹¹ В литературе, посвященной семитским языкам вообще и ивриту, в частности, длительное время велась дискуссия о сущности определенного артикля. Подробнее см. раздел 1.4.1. данной работы. Мы будем рассматривать определённый артикль в качестве аффикса.

²⁹² Zhakevich P., Kantor B. *Modern Hebrew*. Pp. 570-610.

²⁹³ Givón T. On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // *Theoretical issues in the grammar of Semitic languages (MIT Working Papers in Linguistics 3)* / Borer H., Aoun Y. (eds.). Cambridge, MA: MIT, 1981. Pp. 233-255; אורנן יו. ביטויי עצם בספרות העברית / החדשה. עבודת דוקטורט, האוניברסיטה העברית ירושלים 1964. Орнан У. Именные группы в современной литературе на иврите. Докторская диссертация. Еврейский университет в Иерусалиме, 1964.

²⁹⁴ Ionin T. This is Definitely Specific: Specificity and Definiteness in Article Systems // *Natural Language Semantics*. 2006. Vol. 14(2). Pp. 175–234.

²⁹⁵ Coffin E.A, Bolozky Sh. *A Reference Grammar of Modern Hebrew*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 168-170.

референты, кодированные с помощью объектных местоимений *'oto* (ACC.3SGM), *'ota* (ACC.3SGF), *'otam* (ACC.3SGM) и т.п., маркируются облигаторно.

В соответствии с классификацией Ш.Винтнер²⁹⁶, ИГ, в свою очередь, могут включать различные комплименты и модификаторы, порядок следования которых строго фиксирован. В частности, квантификаторы (например, количественное числительное *šloša* ('три')), *kol* ('весь, всякий, каждый'), *kama* ('несколько')), детерминативы (*oto* 'тот же самый') занимают позицию впереди вершины, а в постпозиции к вершине могут употребляться: определяющие вершину ИГ, прилагательные и порядковые числительные, указательные местоимения, посессивы (различного типа: например, *šeli* ('мой'), *šel dan* ('Дана')), предложные группы и относительные придаточные предложения²⁹⁷. В зависимости от структуры, определенная ИГ маркируется определенным артиклем, присоединяющимся в качестве префикса либо к вершинному имени, либо к зависимому, либо как к вершине, так и к зависимому.

Другим способом маркировать определенность ИГ являются присоединение притяжательного суффикса к немаркированной форме имени существительного. Такая ИГ будет считаться определенной. Также определенными считаются имена собственные. В соответствии с грамматическими правилами иврита, ИГ, маркированные определенным артиклем, притяжательным суффиксом или именем собственным будут обязательно маркироваться *'et*, выступая в качестве прямого объекта.

Маркер *'et* может опускаться перед определенной ИГ в некоторых типах текстов, требующих краткости изложения, которые Л.Глинерт называет «телеграфным стилем», например, в заголовках прессы, особенно если прямой объект употребляется не непосредственно после маркера²⁹⁸.

²⁹⁶ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 322.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 158.

Таким образом, грамматические описания формируют следующие принципы оформления асимметричного объектного маркирования О-участника в транзитивной клаузе.

(19) Основные принципы оформления прямого объекта в современном иврите:

1. маркируются объекты, кодированные ИГ, оформленной определенным артиклем;
2. маркируются объекты, кодированные ИГ, показателем определенности которой выступает притяжательный суффикс;
3. маркируются объекты, кодированные именем собственным;
4. не маркируются объекты, кодированные ИГ без вышеназванных показателей детерминации, а также кодированные определенными ИГ в текстах, требующих краткости изложения.

Однако при более подробном рассмотрении обнаруживается некоторое количество *противоречивых примеров*, где описанные выше принципы (18) оказываются недостаточными.

Например, в случае, если в роли прямого объекта выступают сочиненные ИГ, имеющие определенный статус, возможны следующие два варианта маркирования:

(20) *kaniti 'et ha-xulca ve 'et ha-mixnasayim*
 купить.1SG ACC DEF-рубашка и ACC DEF-брюки
 ‘Я купил(а) (эти) рубашку и брюки.’

(21) *kaniti 'et ha-xulca ve ha-mixnasayim.*
 купить.1SG ACC DEF-рубашка и DEF-брюки
 ‘Я купил(а) (эти) рубашку и брюки.’

Объяснение такой двойственности предлагают Т.Гивон²⁹⁹ и Й.Винтер³⁰⁰. Они отмечают, что выбор, повторить ли *'et*, со стороны говорящего обоснован различием в интерпретации примеров (20) и (21). Повторение маркера перед каждой ИГ (вариант 20) соответствует дистрибутивной интерпретации, а если *'et* повторяется только один раз перед первой ИГ (вариант 21), то более естественным является собирательное прочтение.

Дистрибутивность/собирательность – это референциальное противопоставление, связанное с типом обозначаемого объекта, которое играет немаловажную роль в теории референциальности³⁰¹. Референциальный статус ИГ в иврите является мало изученным, а его корреляция с вариативностью объектного маркирования на материале иврита, насколько нам известно, на текущий момент не освещалась в научной литературе. Более того несмотря на то, что «определенность» практически единогласно признается единственным параметром вариативности объектного маркирования в современном иврите, исследователи не рассматривают определенность в терминах референтности. Главным образом потому, что подавляющее большинство научных исследований по синтаксису современного иврита написано в рамках формального синтаксиса, оставляющего вопросы соотнесенности высказывания с действительностью за рамками обсуждения. Данная работа призвана, в частности, восполнить этот пробел³⁰².

Фиксируемые в реальной речевой деятельности отклонения от общепринятых принципов объектного маркирования исследователи обычно рассматривают в контексте так называемого нестрогого соответствия

²⁹⁹ Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. II. Amsterdam, 1990. P. 18.

³⁰⁰ Winter Y. DP Structure and Flexible Semantics. Pp. 709-731.

³⁰¹ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. 293 с.; Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. 496 с.

³⁰² Подробнее о роли референциального статуса ИГ в вариативности асимметричного объектного маркирования в современном иврите см. Главу 3.

грамматической определенности (т.е. оформление соответствующими показателями) и семантической детерминации объектов³⁰³. Прежде всего, речь об именах собственных, которые, как правило, не имеют показателей определенности³⁰⁴, но маркируются в роли прямого объекта obligatorно. Но более редким, характерным именно для иврита феноменом, являются ИГ, включающие указательные местоимения, которые могут быть оформлены (22а) или не оформлены (22б) определенным артиклем, но в обоих случаях семантически будут восприниматься как определенная ИГ и иметь конкретно-референтный статус:

(22а) *ha-šulxan*   *ha-ze*
 DEF-стол   DEF-этот
 ‘этот стол’

(22б) *šulxan*   *ze*
 стол   этот
 ‘этот стол’

Эти ИГ интерпретируются как синонимичные, и, согласно существующим исследованиям, референтный выбор между ними либо не мотивирован³⁰⁵, либо мотивирован регистром речи (не оформленная артиклем ИГ воспринимается как более формальная)³⁰⁶. Однако их маркирование в позиции прямого объекта будет принципиально различным:

(23а) *ra'iti*   'et   *ha-šulxan*   *ha-ze*
 видеть.PST.1SG   ACC   DEF-стол   DEF-этот
 ‘Я видел(а) этот стол.’

(23б) *ra'iti*   *šulxan*   *ze*
 видеть.PST.1SG   стол   этот

³⁰³ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 324; Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew.

³⁰⁴ Пример исключения см. ниже в разделе 2.3.1.

³⁰⁵ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 324.

³⁰⁶ См., например, Zhakevich P., Kantor B. Modern Hebrew. Pp. 570-610.

‘Я видел(а) этот стол.’

Объяснение этот феномен не находит ни в одной из известных нам работ.

Также грамматические описания и научные работы никак не объясняют вариативность маркирования лексических единиц, принадлежащих к одной и той же части речи и формально не имеющих никаких различий по параметру «определенность/неопределенность». Сравним, например, маркирование вопросительных местоимений *mi* «кто» и *ma* «что», первое из которых обязательно маркируется в роли прямого объекта, а второе — демонстрирует запрет на маркирование:

(24a)   *'et*   *mi*   *'ata*   *ra'ita?*
 ACC   кто   ты.М   видеть.PST.2MSG

‘**Кого** ты видел?’

(24б)   *ma*   *'ata*   *ra'ita?*
 что   ты.М   видеть.PST.2MSG

‘**Что** ты видел?’

Вопрос о референциальном статусе таких местоимений не является тривиальным³⁰⁷. Однако в данном случае ограничимся утверждением, что с когнитивно-семантической точки зрения, они оба не являются определенными, т. к. говорящий не знает, о каком референте идет речь. И, тем не менее, в позиции прямого объекта одно из них маркируется облигаторно, а другое демонстрирует запрет на маркирование, что никак не объясняется исследователями.

³⁰⁷ Подробнее об этой проблеме см., например, Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. 293 с.

Не находят объяснения также случаи опционального маркирования других семантически неопределенных местоимений, например, *mišehu* ‘кто-то’, *kol 'exad* ‘каждый’, *af 'exad* ‘никто’ и т.д.³⁰⁸

Учитывая все вышеизложенное, включая сложную структуру ИГ в современном иврите, многочисленные ограничения на употребление определенного артикля и других показателей определенности в различных типах ИГ, а также случаи непоследовательного маркирования определенных типов референциальных выражений, рассмотрим все упомянутые выше типы референциальных выражений, которые могут кодировать О-участника ситуации в транзитивной клаузе, с точки зрения их статуса на шкале определенности более подробно. А также с помощью собранных нами корпусных данных проанализируем вариативность объектного маркирования для каждого типа, исходя из влияния фактора-лицензора «определенность».

2.2. Описание корпуса и методологии

В соответствии с поставленными во введении целью, задачами и методологией исследования, выводы о факторах, лицензирующих вариативность асимметричного объектного маркирования О-участника транзитивной клаузы в современном иврите, будут сделаны на основании анализа статистических данных. Для этой цели автором было сформировано 2 исследовательских корпуса с разными задачами общим объемом около *101 тысячи словоупотреблений*, в которых была произведена разметка по основным релевантным параметрам.

Первый исследовательский корпус, названный Hebrew Objects General Corpus (HOG корпус), объемом около 52 тысяч слов, был сформирован из случайным образом выбранных из онлайн корпуса современного иврита Hebrew Web 2021 (heTenTen21)³⁰⁹, размещенного на платформе корпус-менеджеров SketchEngine (<https://www.sketchengine.eu/>), контекстов, в которых в транзитивной клаузе присутствует О-участник ситуации.

³⁰⁸ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 19.

³⁰⁹ heTenTen21 corpus [Электронный ресурс].

Основными задачами данного корпуса были формирование общей картины употребления аккузативных конструкций в современном иврите, в т.ч. с помощью выделения основных типов маркируемых и немаркируемых объектов, выявление корреляции между способом оформления прямого объекта и определенным/неопределенным статусом референциального выражения, кодирующего О-участника ситуации, а также фиксация случаев, когда маркирование в рамках одного типа референциальных выражений является опциональным. При анализе транзитивных клауз были использованы, в том числе, данные классификации переходных глаголов Н.Штерна³¹⁰. В общей сложности в корпусе HOG было обнаружено 1313 транзитивных клауз с двумя участниками. Однако многие типы референциальных выражений, обнаруживающих опциональное маркирование, в связи со своей относительно невысокой частотностью в речи были представлены в корпусе единичными примерами и, соответственно, не могли служить достаточным материалом для объективного статистического анализа. Поэтому был сформирован второй исследовательский корпус, Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT корпус), объемом около 49 тысяч слов, включающий 1205 случайным образом выбранных из корпуса heTenTen21 транзитивных клауз с двумя участниками. В отличие от корпуса HOG, корпус HOT включает только контексты, соответствующие строго заданным параметрам, т.е. включают те типы референциальных выражений, кодирующих О-участника ситуации, для которых в корпусе HOG наблюдалась опциональность объектного маркирования. В обоих корпусах была проведена ручная сортировка

---

³¹⁰ Штерн Н. 'et' глаголы в израильском иврите // Вычислительная лингвистика (на материале) иврита. 1979. №17. С. 28-57..

источников, и контексты, не отвечающие задачам исследования, были удалены³¹¹.

Сформированные корпуса были вручную размечены по следующим параметрам: наличие/отсутствие показателя аккузатива *'et*, тип референциального выражения³¹², одушевленность/неодушевленность, степень идентифицируемости по шкале Э.Принс (12) и данности по шкале Дж.Гандел, Н. Хедберг и Р.Закарски (13), референциальный статус, порядок слов, наличие/отсутствие отрицания в клаузе, тип реалис/ирреалис, тема-рематический статус и регистр речи (формальный/разговорный). В общей сложности, таким образом, разметка проводилась по 11 параметрам. Одушевленными объектами в рамках исследования считались объекты, обозначающие, прежде всего, людей и иногда – животных³¹³. Остальные объекты размечались как неодушевленные³¹⁴. Разметка параметров, связанных с информационным статусом референта, основывалась на авторской интерпретации рассматриваемых контекстов. В частности, степень доступности и идентифицируемости референта в дискурсе определялась с помощью того контекста, который был представлен в корпусе (обычно 2-4 предложения «справа»³¹⁵ от референциального выражения, кодирующего прямой объект). Этого контекста вполне достаточно для целей данного

---

³¹¹ В частности, вручную были удалены контексты, цитирующие или ссылающиеся на религиозные тексты разных периодов создания, чтобы избежать возможной контаминации контекстами, не относящимися к современному языку.

³¹² Выделенные типы будут описываться более подробно ниже в Главе 2 и в Главе 3.

³¹³ Упоминание животных в анализируемых контекстах было крайне редким, но когда они упоминались, то контекст высказывания подразумевал одушевленность объекта (в частности, приписывались человеческие качества характера).

³¹⁴ Несмотря на наличие более подробных классификаций, описанных в п. 1.4.4, их использование было признано нецелесообразным, поскольку трехчастное деление (бинарное, если считать одушевленными и крайне редкие примеры референтов, попадающих в категорию «одушевленный (не-человек)»), оказалось вполне достаточно для целей исследования.

³¹⁵ Как было показано в п. 1.4.3., референциальное расстояние в европейских языках вычисляется по контексту «слева» от рассматриваемого референциального выражения, но поскольку направление текста в иврите полностью противоположно традиционному европейскому «слева направо», то предшествующим контекстом для иврита как раз является «правый» контекст.

исследования. Максимальное референциальное расстояние, которое может быть релевантно для оценки топикальности, было определено нами на основании нижеследующих наблюдений. Т.Гивон первоначально установил этот порог на 20 клаузах³¹⁶, но на данный момент в литературе сложилась тенденция устанавливать его на уровне десяти или даже трех клауз. Воспользовавшись эмпирическими свидетельствами того, что релевантными различиями являются различия между расстояниями 1, 2, 3 и > 3 ³¹⁷, мы установили их как исходные пункты анализа. Точнее, поскольку большинство референциальных выражений имеют референциальное расстояние либо 0-1, либо 2-3, либо больше 3, вслед за Т.Гивоном³¹⁸ мы преобразовали данные, исходя из трех исходных категорий: минимальное расстояние (0-1), небольшое расстояние (2-3) и большое расстояние (> 3). Таким образом, отсутствие интересующих нас референциальных выражений в предшествующем контексте, зафиксированном в корпусе (в среднем 2-4 предложения, или около 3-6 клауз), позволяет нам определить референциальное расстояние как «большое».

Наиболее частотными глаголами в обоих корпусах являются глагол *asa* ‘делать’³¹⁹ (70 вхождений), глагол смены владения *kibel* ‘получить/получать’ (53 вхождения) и глагол ненамеренного зрительного восприятия *ra'a* ‘видеть’ (47 вхождений). Также частотными предсказуемо оказались глаголы перемещения (несамостоятельного движения, где источником выступает субъект), например, *sam* ‘поставить/положить’ и *hevi* ‘приносить/принести’, глаголы смены обладателя (*natan* ‘давать’, *lakax* ‘брать’), глаголы показа/демонстрации, например, *hecig* ‘показывать/представлять’ и глаголы смены состояния, в частности,

³¹⁶ Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction. Pp. 1-41.

³¹⁷ Givón T. The Grammar of Referential Coherence as Mental Processing Instructions // Linguistics. 30. 1992. Pp. 5-56.

³¹⁸ Ibid. P. 20.

³¹⁹ Глагол *asa* является многозначным и входит в состав большого количества фразеологизмов, но на данном этапе дано только его стандартное и наиболее частотное значение.

идентифицируемые на основе семы цели, например, *patax* ‘открывать’ или *xasaf* ‘обнажать/раскрывать’.

Транзитивные клаузы, включающие глаголы, которые допускают кодирование О-участника в том числе с помощью предложной группы (т.е. реализуют как асимметричное, так и симметричное объектное маркирование)³²⁰, были исключены из исследования.

2.3. Объектное маркирование и шкала определенности

Как было указано выше в п. 2.1., определенность в иврите традиционно рассматривалась как бинарная категория. Определенные ИГ кодируются именами собственными или генетивной конструкцией, в которую входят другие определенные ИГ (см. п. 2.3.1), а также образуются путем добавления определенного артикля или местоименного суффикса, в то время как те, у которых все эти элементы отсутствуют, считаются неопределенными. Однако в функционально-типологических исследованиях, как показано в Главе 1, было предложено рассматривать категорию определенности не как бинарную, а как градуальную, в соответствии со шкалой определенности (5)³²¹:

(5) Шкала определенности:

Местоимение > Имя собственное > Определенное имя > Референтное неопределенное имя > Нереферентное имя

В разделе 1.2.1. уже было сказано, что эта иерархия отражает примерную корреляцию между выбором референциального выражения адресантом и предполагаемой степенью идентифицируемости референта в дискурсе для адресата. Однако во многих случаях ДОМ, в том числе на примере древнееврейского языка³²², было продемонстрировано, что, в целом,

³²⁰ Подробнее см. п. 2.1.

³²¹ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483.

³²² Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. P. 113.

принципы объектного маркирования коррелируют со статусом референциального выражения на шкале определенности.

В данном разделе на материале собранных нами корпусных данных мы рассмотрим, как именно формальные характеристики различных типов определенных и неопределенных референциальных выражений коррелируют со способом их маркирования в позиции прямого объекта в современном иврите.

2.3.1. Определенные именные группы

В данном разделе мы рассмотрим те показатели определенности ИГ, которые традиционно считаются условием объектного маркирования ИГ маркером *'et*, как было указано в п. 2.1, и проанализируем корреляцию формальной определенности ИГ (т.е. наличие указанных показателей в оформлении ИГ) со способом ее маркирования в роли прямого объекта.

Именные группы с формами абсолютного состояния и притяжательными суффиксами

Определенный артикль в иврите, как было сказано в 2.1., может присоединяться к именам нарицательным, некоторым именам собственным³²³, прилагательным, порядковым и количественным числительным, указательным местоимениям и к квантификатору *kol*, формируя слово *ha-kol* 'всё'. Отметим, что определенные ИГ в современном иврите в большинстве случаев реализуются как «полидефинитивы» (polydefinites)³²⁴, т.е. конструкции, в которых показатели определенности (в

³²³ Например, артикль может присоединяться к фамилиям в форме множественного числа для обозначения всех людей, принадлежащих к одной семье (например, *ha-poterim* 'Поттеры'), или к названиям праздников, чтобы противопоставить название ежегодного праздника конкретной дате в конкретном году: *biliti 'et ha-pesax šam*. 'Я провел(а) (этот) Песах там'.

³²⁴ Термин *polydefinites* («полидефинитивы»), т.е. конструкции, в которых показатель определенности/детерминации повторяется у каждого члена конструкции, в литературе противопоставляется «монодефинитивам» (monadic definites, или monadics), для которых характерно наличие единственного показателя определенности (например, англ. the red bike). Помимо семитских языков, полидефинитивы характерны также для скандинавских и балтийских языков. Подробнее о полидефинитивах и принципах построения именных групп см., например, Kolliakou D. Monadic definites and polydefinites: their form, meaning

иврите – определенный артикль) повторяются у каждого элемента ИГ³²⁵. Принципы оформления ИГ определенным артиклем можно продемонстрировать на следующих примерах:

(25)	<i>šulxan ('exad)</i>	<i>ha-šulxan</i>
	стол один	DEF-стол
	‘(некий/один) стол’	‘(этот) стол’
(26а)	<i>šulxan gadol ('exad)</i>	<i>ha-šulxan ha-gadol</i>
	большой стол (один)	DEF-стол DEF-большой
	‘большой стол’	‘(этот) большой стол’
(26б)	<i>*šulxan ha-gadol</i>	<i>*ha-šulxan gadol</i>
	стол DEF-большой	DEF-стол большой
(27а)	<i>šulxan šeni</i>	<i>ha-šulxan ha-šeni</i>
	стол второй	DEF-стол DEF-второй
	‘второй стол’	‘(этот) второй стол’
(27б)	<i>*šulxan ha-šeni</i>	<i>*ha-šulxan šeni</i>
	стол DEF-второй	DEF-стол второй
(28а)	<i>šulxan ze</i>	<i>ha-šulxan ha-ze</i>
	стол этот	DEF-стол DEF-этот
	‘этот стол’	‘этот стол’
(28б)	<i>*šulxan ha-ze</i>	<i>*ha-šulxan ze</i>
	стол DEF-этот	DEF-стол этот

Примеры (25) демонстрируют оформленную и неоформленную артиклем ИГ, состоящие только из словоформы-вершины. В (26а) имя существительное определено прилагательным, а (26б) показывает пример неграммотичных ИГ, нарушающих принцип построения полидефинитивов, т. е. зависимое слово не согласуется с именной вершиной по параметру определенности. В примерах (27а-27б) и (28а-28б) также приводятся

---

and use // Journal of Linguistics. 40. Vol. 2004. Pp. 263-323; Ritter E. Two functional categories in noun phrases: evidence from Modern Hebrew. Pp. 37-62; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363.

³²⁵ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 323.

грамматически правильно и неправильно оформленные ИГ с порядковым числительным и указательным местоимением³²⁶, соответственно.

Другим способом выражения определенности ИГ в иврите является присоединение притяжательного суффикса, например, *šulxan-o* (стол-POSS.3MSG) «его стол»³²⁷. Такие местоименные суффиксы маркируют род, число и лицо субъекта, которому принадлежит объект, обозначенный данной ИГ. Также как и определенный артикль, суффиксы всегда присоединяются только к неопределенной форме существительного, тем самым, меняя статус ИГ на «определенный»³²⁸. Принцип оформления полидефинитивов применяется и в этом случае, однако показателем определенности других членов конструкции становится определенный артикль (29, 30).

(29) *šulxan-o*   *ha-gadol*
 стол-POSS.3MSG   DEF- большой
 ‘его большой стол’

(30) *šulxan-o*   *ha-ze*
 стол-POSS.3MSG   DEF-этот
 ‘этот его стол’

Местоименные суффиксы могут присоединяться также к некоторым квантификаторам (например, *rov* ‘большинство’ — *rubo* ‘большинство из них’, *kol* ‘весь, все’ — *kulam* ‘все/все они’ или *šney* ‘два’ — *šneynu* ‘мы

³²⁶ Формально, указательные местоимения, к которым принадлежит *ze* ‘этот’, являются детерминативами и будут рассматриваться ниже, однако в данном случае примеры (28а) и (28б) призваны продемонстрировать общий для различных по структуре ИГ принцип оформления полидефинитивов.

³²⁷ Формально, формы с притяжательными суффиксами относятся, скорее, к конструкциям генетива, поскольку для их образования используются формы сопряженного состояния (см. ниже), однако логика исследования, основанная на статистических данных об их маркировании в позиции прямого объекта, делает более целесообразным описание их в этом разделе.

³²⁸ В некоторых языках фактором вариативности объектного маркирования может стать наличие конструкции с определенными посессивными суффиксами, квантификаторами или определениями. Например, в венгерском языке маркирование объекта, выраженного именем с притяжательными суффиксами первого или второго лица единственного числа, опционально (Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking. Pp. 281–313). В иврите прямые дополнения с местоименными суффиксами маркируются одинаково, вне зависимости от характеристик присоединенного суффикса.

двое'), образуя определенную ИГ. Однако при присоединении суффикса не непосредственно к квантификатору, а к предлогу (например, *šloša me-hem* 'три/трое из них') конструкция обычно воспринимается как неопределенная.

Если О-участник в транзитивной клаузе кодируется ИГ, вершинное имя которых оформлено определенным артиклем или притяжательным суффиксом, то такие ИГ должны, согласно грамматическим правилам, маркироваться маркером аккузатива *'et*. Этот тезис подтверждается данными корпуса НОГ, в котором ИГ, состоящие только из имени существительного и оформленные определенным артиклем, маркируются в 100% случаев (286/286), также как и более сложные по составу ИГ, оформленные артиклем *ha-*: ИГ с указательным местоимением (8/8) и с порядковым числительным (1/1). Непротиворечива статистика и в отношении ИГ, имеющих в своем составе имена существительные, оформленные притяжательным суффиксом. Данный тип ИГ в роли прямого объекта в корпусе также маркируется облигаторно (60/60).

Генетивные конструкции с формами сопряженного состояния

В иврите, как и в других семитских языках, существительное может быть маркировано как определенное не только с помощью определенного артикля или притяжательного суффикса, но и в силу того, что последний элемент генетивной конструкции имеет определенный статус³²⁹. Это явление хорошо известно в типологической литературе под названием «распространение определенности» (*definiteness spreading*)³³⁰. Такой тип конструкций называют «генетивной конструкцией», «конструкцией генетива», или иногда — «атрибутивной синтагмой». Типичными примерами атрибутивных синтагм, например, в русском языке, являются «книга

³²⁹ Zhakevich P., Kantor B. *Modern Hebrew*. P. 597.

³³⁰ Подробнее см. Borer H. *Deconstructing the construct* // *Beyond Principles and Parameters* / Johnson K., Roberts I. Kluwer (eds.). Dordrecht. 1999. Pp. 43–89; Ritter E. *Two functional categories in noun phrases: evidence from Modern Hebrew*. Pp. 37–62; Siloni T. *Construct states at the PF interface* // *Linguistic Variation Yearbook*. Vol. 1. / Pica P., Rooryck J. (eds.). John Benjamins, Amsterdam, 2001. Pp. 229–266; Danon G. *Definiteness spreading in the Hebrew construct state* // *Lingua*. 2008. Vol. 118(7). Pp. 872–906, etc.

студента» (падежный показатель генетива у зависимого имени) и «мой/свой/твой/наш дом» (имя и притяжательное местоимение))³³¹. Традиционный для семитских языков термин — «status constructus». Типологически существует три способа оформления такого рода конструкций, два из которых представлены в современном иврите.

Первым является оформление показателем вершинного имени (изафетная конструкция в тюркских языках), вторым — оформление показателем обоих имен (конструкция сопряженного состояния в литературном арабском языке³³²), третьим — наличие особого служебного слова (например, предлога *of* в английском языке)³³³. Для современного иврита характерны первый и третий способ, а также уникальная смесь первого и третьего, в котором атрибутивная связь выражена, фактически, дважды — с помощью вершинного маркирования и с помощью предлога принадлежности.

Первый способ представлен в иврите типичной для семитских языков конструкцией *сопряженного состояния*³³⁴ (лат. *Status constructus*³³⁵, англ.

³³¹ Подробнее про атрибутивные синтагмы см., например, Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16-45.

³³² Подробнее о синтаксисе классического арабского языка и его современного литературного варианта, см., например, Храковский В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1973. 289 с., Берникова О.А., Редькин О.И. Компаративный анализ наиболее частотных глаголов и их производных в тексте Корана и современном арабском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. 14(4). С. 648-666. и др. В арабских диалектах, в отличие от литературного языка, как вершинное, так и зависимое имя не оформляется показателями. Альтернативой для выражения атрибутивной связи является использование особых служебных слов (Aoun J.E., Benmamoun E., Choueiri L. *The Syntax of Arabic*. Cambridge University Press, 2010. 258 p., Brustad K. *The Syntax of Spoken Arabic: A Comparative Study of Moroccan, Egyptian, Syrian and Kuwaiti Dialects*. Georgetown University Press, 2000. 464 p.), т.е. фактически, арабский литературный язык и арабские диалекты реализуют принципиально разные способы оформления атрибутивных синтагм.

³³³ Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования. С. 16.

³³⁴ Очень часто, как в русскоязычной, так и в литературе на английском языке всю конструкцию, состоящую из двух именных групп, называют «сопряженным состоянием» (*construct state*), хотя первоначально «сопряженным состоянием» является особая форма имени существительного, употребляющаяся в качестве вершины. Мы в нашей работе

Construct State). В отличие от литературного арабского, где падежными показателями оформляются оба члена конструкции, в иврите маркируется только вершина. Вершину конструкции сопряженного состояния в иврите составляет имя существительное в особой форме «сопряженного состояния», а зависимым словом, как правило, является существительное в немаркированной, «абсолютной» форме. Форма сопряженного состояния может быть производной от абсолютной формы нарицательного существительного или совпадать с ней. Конструкция сопряженного состояния, в целом, непродуктивна в разговорном иврите³³⁶, но часто встречается в письменной речи. Такие конструкции, как правило, передают принадлежность, в т.ч. обладание объектами и связь между людьми, но могут представлять собой отдельную лексическую единицу (например, *beit sefer* (дом.GEN книга) ‘школа’) или выражать более сложные семантические отношения (материал, единица измерения, характеристика объекта и т.д.)³³⁷.

Строго говоря, сопряженные формы существуют не только для существительных, но и для большинства прилагательных и некоторых числительных. Например³³⁸:

(31) Абсолютное	<i>sefer</i>	<i>sfarim</i>	<i>hulca</i>	<i>šloša</i>	<i>šaloš</i>	<i>gadol</i>	<i>gdola</i>
состояние							
Сопряженное	<i>sefer</i>	<i>sifrey</i>	<i>hulcat</i>	<i>šlošet</i>	<i>šloš</i>	<i>gdol</i>	<i>gdolat</i>
состояние							
	книга	книги	рубашка	три.М	три.Ф	большой	большая

предпочтем разграничить понятия «сопряженное состояние имени» и «конструкция сопряженного состояния», в частности, для предотвращения двусмысленности при обсуждении статуса таких именных групп и конструкций по параметру определенности/неопределенности.

³³⁵ В глоссировании «GEN».

³³⁶ Borochofsky Bar-Aba E. Towards A Description Of Spoken Hebrew // Hebrew Studies. National Association of Professors of Hebrew (NAPH). 2005. Vol. 46. Pp. 145–67.

³³⁷ Более подробно см., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 24-49.

³³⁸ Приводятся примеры, предложенные в Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 325.

Таким образом, в иврите существуют четыре типа конструкций³³⁹, формально включающих формы сопряжённого состояния:

- (32а) *существительное* + *существительное/именная группа* с зависимым словом (*xavrey ha-na'ara ha-zot* 'друзья этой девушки(опр.+)'),
- (32б) *квантификатор* + *существительное* (*šlošet ha-zkenim* 'три старика/трое стариков(опр.+)'),
- (32в) *прилагательное* + *существительное* (*ha-iš kcar ha-se'ar* 'коротковолосый мужчина(опр.+)' или *sfalim mle'ey mayim karim* 'чашки, полные холодной водой» (неопр.+)'),
- (32г) *причастие* + *существительное* (*'itonim rodfev sensaciyot* 'газеты в погоне за сенсациями(неопр.+)').

Из них первые два типа (32а-32б) могут непосредственно выступать в роли прямого объекта, тогда как два последних (32в-32г) синтаксически выполняют атрибутивные и предикативные функции.

Статус определенности таких конструкций зависит от наличия/отсутствия показателя определенности, который в зависимости от типа конструкции является обязательным, опциональным или запрещенным. Для типа (32а), наиболее частотного в формальном регистре и практически не встречающегося в разговорном языке (за исключением устойчивых лексических сочетаний) требуется учесть, что словоформа-вершина, т.е. первая часть такой конструкции, традиционно не оформляется определенным артиклем³⁴⁰, а определенный/неопределенный статус всей конструкции зависит от статуса определенности имени существительного, определяющего вершину. Например:

(33а)	<i>kaniti</i>	<i>'et</i>	<i>ugat</i>	<i>ha-šokolad</i>
	купить.PST.1SG	ACC	пирожное.GEN	DEF-шоколад

³³⁹ Примеры основаны на Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 25.

³⁴⁰ Об исключении из этого принципа см. ниже.

‘Я купил(а) (это) шоколадное пирожное.’

(33б) *kaniti*   *ugat*   *šokolad*
 купить. PST.1SG   пирожное.GEN   шоколад
 ‘Я купил(а) шоколадное пирожное.’

(33г) *kaniti   *'et ugat*   *šokolad*
 купить.PST.1SG   ACC   пирожное.GEN   шоколад

В примерах (32а) и (32б) показателем определенности у зависимого имени является определенный артикль, и вся конструкция будет восприниматься как определенная. Конструкция сопряженного состояния будет иметь определенный статус также в том случае, если зависимое имя будет выражено именем собственным или именем, оформленным притяжательным суффиксом.

Отметим также, что если конструкция сопряженного состояния оформляется артиклем, то для устойчивых лексических сочетаний, таких как *beit sefer* ‘школа’ или *sefer limud* ‘учебник’, в последние годы в разговорном иврите наблюдается тенденция присоединения артикля в препозиции к вершинному имени, т.е. ко всей конструкции: *ha-beit sefer* или *ha-sefer limud* вместо грамматически правильных вариантов *beit ha-sefer* и *sefer ha-limud*³⁴¹.

Конструкции сопряженного типа, использующие квантификатор, требуют обязательного употребления артикля в препозиции к существительному (*šlošet ha-zkenim* ‘три (этих) старика/трое стариков(опр.+)’), хотя существует и неоформленный артиклем тип конструкций, однако в нем не используются так называемые «сопряженные формы» (*šloša zkenim* ‘три (неких) старика’). Обратим внимание, что в этом типе конструкций, также как и в типе «а» в разговорном языке увеличивается

³⁴¹ Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. P. 327.

количество случаев употребления неграмматичного варианта с артиклем в препозиции к квантификатору, например³⁴²:

- (34) *taxzir*   *li*   *'et*   *ha-šloša*   *škalim*
 возвращать.2MSG   мне   ACC   DEF-три   шекель.PL
 ‘Верни мне (те) три шекеля,
še- natati   *le-xa*
 что   давать.PST.1SG   DAT-твой
 которые я тебе дал.’

Конструкции типа (32в) и особенно (32г) не характерны для разговорного стиля. В разговорном языке встречается ограниченное количество конструкций типа «прилагательное + существительное», обычно использующихся для описания частей тела, одежды, физического и эмоционального состояния человека, неотъемлемых черт (*rexav-ktefayim* ‘широкоплечий’, *'arox tvax* ‘долгосрочный’ и т.д.), в том числе, в качестве широко распространенных идиоматических выражений (*kcar-reiya* ‘близорукий’, *rav-hašpa'a* ‘влиятельный’ и т.п.). В определенной ИГ, в которой такие конструкции выступают в атрибутивной функции артикль присоединяется: в формальном регистре – к именной части конструкции (например, *ha-iš rav-ha-hašpa'a* ‘влиятельный человек(опр. +)'), в разговорном иврите – либо к именной части конструкции, либо в препозиции к прилагательному (*ha-iš ha-rav-hašpa'a* ‘влиятельный человек (опр. +)’,³⁴³. Последний вариант не является грамматичным, но также как и для идиом типа «существительное + существительное» и «квантификатор + существительное» встречается в разговорном языке с возрастающей частотностью.

Конструкции сопряженного состояния типа «причастие + существительное» являются продуктивными только в формальном регистре,

³⁴² Пример по Wintner Sh. *Definiteness in the Hebrew Noun Phrase*. Pp. 332-333.

³⁴³ Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. P. 46.

и встречаются крайне редко, чаще всего, будучи заменены на придаточные определительные предложения.

Таким образом, первый способ оформления генетивной конструкции при помощи показателя генетива у вершинного имени, называемый в иврите «конструкцией сопряженного состояния», позволяет создавать несколько типов различных по семантике и структуре конструкций, два из которых могут выступать в роли прямого объекта и быть маркированы с помощью *'et* при условии оформления определенным артиклем (или другим показателем определенности) зависимого элемента конструкции. Позиция определенного артикля в таких словосочетаниях грамматически регламентирована, но может не соблюдаться в разговорном регистре.

На основе корпусных данных, а также изучая научные работы, посвященные оформлению конструкции сопряженного состояния, мы приходим к следующим выводам³⁴⁴. Во-первых, в отличие от ИГ с абсолютными формами и притяжательными суффиксами, рассмотренных выше, генетивные конструкции сопряженного состояния демонстрируют некоторую степень опциональности маркирования, будучи формально в определенном статусе (96/97 в корпусе НОГ). И во-вторых, объяснение данного явления может лежать не в плоскости формальной структуры данного типа конструкции, поскольку она достаточно устойчива.

Второй тезис косвенно подтверждает тот факт, что в литературе встречается упоминания «несоответствия» между грамматической и семантической определенностью конструкции сопряженного состояния³⁴⁵,

---

³⁴⁴ Единственный пример определенной именной группы с формой сопряженного состояния, не отвечающий структуре «имя+имя», зафиксирован в корпусе НОГ для ИГ с квантификатором в форме сопряженного состояния. И хотя единичный пример не может быть основанием для вывода об обязательности маркирования такого типа ИГ (маркирован 1/1), но также он не является основанием считать обратное.

³⁴⁵ Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew.

что само по себе вызывает вопросы и требует пристального внимания. Г.Данон, в частности, приводит следующие примеры³⁴⁶.

(35) *'oved ha-bniya šavar 'et ha-xalon.*
 рабочий.GEN DEF-стройка разбить.PST.3MSG ACC DEF-окно
 'Рабочий стройки разбил окно.'

(36) *hu lakax 'et girzan ha-yad.*
 он взять. PST.3MSG ACC топор.GEN DEF-рука
 'Он взял ручной топор.'

В примере (35) ИГ *oved ha-bniya* 'рабочий стройки' по контексту описываемой ситуации, по мнению Г.Данон, не является определенной ИГ с точки зрения семантики, но грамматически оформляется как определенная ИГ. Аналогично в примере (36) ИГ *girzan ha-yad* 'ручной топор' употребляется в описании ситуации, когда человек замечает опасность и хватает первое попавшееся в руки оружие. ИГ *girzan ha-yad* 'ручной топор' больше ни разу не упоминается в тексте — ни до, ни после, но, тем не менее, оформляется определенным артиклем и в позиции прямого дополнения, соответственно, маркируется *'et*. Для объяснения феномена объектного маркирования семантически неопределенных, но формально оформленных показателями определенности конструкций Г.Данон предлагает ввести понятие «синтаксического Падежа»³⁴⁷. Однако, на наш взгляд, такое объяснение не является убедительным, в т.ч. поскольку не объясняет редкие, но встречающиеся в речи случаи нарушения принципа «формально определенные ИГ всегда маркируются». В частности, как было сказано выше, в корпусе НОГ зафиксировано опциональное объектное маркирование формально определенных конструкций сопряженного состояния. По нашему

³⁴⁶ Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type.

³⁴⁷ Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew; Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type.

мнению, увеличивая размер выборки, мы столкнемся с пропорциональным увеличением количества подобных случаев, на которые ссылается и Г.Данон.

Мы предполагаем, что различие между маркированными и немаркированными ИГ такого рода лежит не в области формального синтаксиса, а в области *референциальности*. А именно, если говорящий подразумевает конкретный существующий в реальности объект (даже определенный только в рамках ситуации и даже воображаемый, но который говорящий считает реальным³⁴⁸), то он будет маркироваться, тогда как если реальное существование референта вообще не подразумевается или если конкретный референт не требуется для правильной интерпретации высказывания, то — не будет маркироваться. Подробнее фактор референциального статуса в асимметричном объектном маркировании в современном иврите будет рассматриваться в Главе 3.

Другие генетивные конструкции

Другим способом оформления генетивных конструкций в иврите является использование *предлога šel*³⁴⁹. В таких конструкциях показатель определенности (например, определенный артикль) может употребляться с любым членом конструкции, однако статус определенности конструкции в целом может маркироваться только при помощи присоединения показателя к именной вершине.

(37a) *bgadim*   *šel*   *ha-tinok*
 одежды   POSS   DEF-младенец
 ‘одежда (этого) младенца’

³⁴⁸ Подробнее об этом различии будет идти речь в Главе 3.

³⁴⁹ Несмотря на то, что предложный способ образования генетивной конструкции является, в среднем, намного более продуктивным в разговорном языке, а беспредложный — в письменной речи, основаниями для референциального выбора в данном случае, становятся также количество модификаторов, наличие среди них устойчивых словосочетаний, имен собственных, указание на посессора в форме притяжательного суффикса и т.п. Семантически, такой тип генетивных конструкций передает либо отношения принадлежности, либо связи между людьми. Подробнее см. Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. Pp. 33-34.

- (376) *ha-bgadim*   *šel*   *ha-tinok*
 DEF-одежды   POSS   DEF-младенец
 ‘(эта) одежда (этого) младенца’

В качестве второй части конструкции может также выступать имя собственное или местоименный суффикс, указывающий на обладателя:

- (38) *ha-bgadim*   *šel-o*
 DEF-одежды   POSS-3MSG
 ‘его одежда’

Отсюда следует, что между предложным (с помощью *šel*) и беспредложным (с помощью формы сопряженного состояния) способами образования генетивной конструкции существует важное различие: тогда как предложный способ предполагает наличие четырех потенциальных комбинаций по параметру «определенность» (и вершина, и зависимое имя могут быть определенными или неопределенными и теоретически возможны любые комбинации³⁵⁰), беспредложный допускают только два: либо оба являются определенными, либо - нет.

И наконец, третий, «смешанный», способ оформления генетивной конструкции, так называемый «двойной генетив» (*double genitive*), использует два показателя принадлежности (притяжательный суффикс у вершины и предлог *šel*). Такая ИГ, соответственно, всегда будет иметь определенный статус.

- (39) *bgad-av*   *šel*   *ha-tinok*
 одежды-POSS.3MSG   POSS   DEF- младенец
 ‘(эта) одежда (этого) младенца’

Такие конструкции характерны только для формального регистра и встречаются преимущественно в письменной речи.

Таким образом, определенность генетивных конструкций второго и третьего типа маркируется определенным артиклем или местоименным

³⁵⁰ Четвертый вариант, где вершина имеет определенный статус, а зависимое имя – неопределенный, семантически мало вероятен.

суффиксом у именной вершины³⁵¹. В корпусе НОГ обнаруживается обязательное маркирование всех определенных конструкций второго типа, т.е. оформленным при помощи *šel* (31/31), однако для «двойного генетива» корпус фиксирует опциональное маркирование, правда, в единичных случаях (11/12).

Именные группы с детерминативом

Детерминативы, которые в данной работе мы определяем как элементы, сопровождающие существительное и различными способами определяющие и уточняющие круг его референции (см. п. 1.4.1.), являются важным элементом ИГ в современном иврите. В п. 1.4.1. нами указывалось, что в данной работе мы будем разграничивать понятия «детерминатив» и «квантификатор», поскольку квантификаторы в иврите, в отличие от большинства детерминативов, могут употребляться независимо от существительного и, соответственно, выступать в роли прямого объекта непосредственно в отличие от большинства детерминативов. В связи с этим, мы выделим ИГ с квантификаторами как особый тип референциальных выражений, а также, вынесем из класса детерминативов определенный артикль и будем понимать термин узко³⁵².

В зависимости от формы детерминатива они вместе с определенными и неопределенными существительными могут входить в состав семантически определенных или неопределенных ИГ. В большинстве случаев наличие артикля у именной вершины является достаточным основанием для маркирования данной ИГ в роли прямого объекта. К детерминативам, уточняющих референцию определенного имени (ИГ), относятся детерминативы в форме указательных местоимений (оформляемые артиклем при условии наличия артикля у существительного) и реже встречающиеся

³⁵¹ Имя собственное затруднительно использовать в такой позиции исходя из семантической совместимости.

³⁵² Обсуждение детерминантов и квантификаторов в этом исследовании см. в 1.4.1, а более подробное исследование см., например, в Gianollo C., Heusinger K., Napoli M. Reference and Quantification in Nominal Phrases ... Pp. 1-28.

детерминативы *'ecet* (*'ecet ha-maxšava* ‘сама мысль’), *'ikar* (*'ikar he-arim* ‘основные города’), *meytav* и *mivxar* (*mivxar ha-megilot* ‘лучше свитки’), *meyrav* (*meyrav ha-to'elet* ‘наибольшая польза’)³⁵³.

Однако существуют два немаловажных исключения из описанных в (18) принципов объектного маркирования. Например, как было показано в примерах (28а) ИГ с детерминативом в форме указательного местоимения (*sefer ze* ‘эта книга’)), не оформленная определенным артиклем, является семантически определенной, но такая ИГ не маркируется, если кодирует О-участника ситуации в транзитивной клаузе.

Рассмотрим данный пример более подробно. По форме детерминатив *ze* ‘этот’ (3MSG) является указательным местоимением³⁵⁴, и также как и другие детерминативы-указательные местоимения будет употребляться в постпозиции к вершинному имени, согласуясь с ним по роду, числу и оформлению определенным артиклем. Однако неоформленная артиклем ИГ такой структуры в позиции прямого объекта демонстрирует запрет на маркирование. Это отмечают, например, Л.Глинерт и Ш.Винтнер, однако без попытки дать объяснение этому феномену³⁵⁵.

(40) *ra'iti* *šulxan ze*
 видеть.PST.1SG стол этот
 ‘Я видел(а) этот стол.’

(41) *ra'iti* *'et ha-šulxan ha-ze*
 видеть. PST.1SG ACC DEF-стол DEF-этот

³⁵³ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp.92-97.

³⁵⁴ В отличие от самостоятельного употребления указательных местоимений, которые будут указывать на референт, не называя его и могут кодировать О-участника транзитивной клаузы (*ra'iti 'et ze* ‘Я увидел это’), детерминативы *ze* (3MSG), *zot* (3FSG), *'ele* (3CP) употребляются скорее как модификаторы существительного, уточняя его круг референции. Поэтому в данном случае разграничить понятия «детерминатив» / «указательное местоимение», на наш взгляд, совершенно уместно.

³⁵⁵ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp.96-97; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363.

‘Я видел(а) этот стол.’

Факт реализации нулевого показателя аккумулятива в таких конструкциях подтверждается и данными корпуса НОГ. Тогда как референциальные выражения, построенные по модели «существительное(опр.+) указательное местоимение(опр.+)» маркируются облигаторно (14/14), референциальные выражения по типу «существительное(неопр.+) указательное местоимение(неопр.+)», демонстрируют строгий запрет на объектное маркирование (0/8).

Дополнительным аргументом в пользу более сложной системы асимметричного объектного маркирования в современном иврите является также **детерминатив 'oto**. В мишнаитском иврите *'oto* выступал анафорическим указательным местоимением (*'oto 'adam* ‘тот человек’), однако в современном иврите был переосмыслен как показатель эмфатически выделяемой идентификации: «тот же, тот же самый» (*kaniti 'oto maxšev* ‘Я купил тот (же) самый компьютер’)³⁵⁶. В письменной формальной речи изначальное значение, по мнению некоторых авторов, также встречается³⁵⁷. Данный детерминатив согласуется по роду и числу с именем существительным, стоящим в постпозиции к детерминативу. При этом маркирование определенного состояния (маркером в данном случае может выступать только определенный артикль) опционально. Асимметричное объектное маркирование, насколько можно судить по имеющимся исследованиям, не зависит напрямую от наличия/отсутствия данного показателя³⁵⁸. Р.Халеви, в частности, приводит следующие примеры:

(42) *kaniti 'et 'oto (ha-)maxšev*
 купить.PST.1SG ACC ACC.3MSG (DEF-)компьютер

³⁵⁶ Halevy R. Modern Hebrew syntax. P. 713; Zhakevich P., Kantor B. Modern Hebrew. Pp. 594, 597.

³⁵⁷ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp.96-97; Halevy R. Modern Hebrew syntax. P. 713.

³⁵⁸ Ibid.

‘Я купил(а) тот же самый компьютер.’

- (43) *kaniti*   *'oto*   *maxšev*   *kmo šel-xa*
 купить.PST.1SG   ACC.3MSG   компьютер   как   POSS-2MSG
 ‘Я купил(а) тот же компьютер, что у тебя.’

Пример (43) характерен для употребления в устной речи³⁵⁹. И ни для одного из контекстов (42, 43) факторов, влияющих на выбор кодирования прямого объекта и его падежного оформления, исследователи не приводят. В корпусе НОГ зафиксировано обязательное маркирование ИГ с детерминативом *'oto* (4/4), при этом имя существительное во всех примерах не оформлено определенным артиклем.

Именные группы с квантификаторами

В зависимости от подхода исследователя к определению понятий «детерминатив» и «квантификатор» в различных работах по-разному выстраивается как собственно классификация квантификаторов, так и их разделение на группы по параметру «определенность»³⁶⁰. Согласно классификации Л.Глинерта, относительно параметра «определенность» квантификаторы можно разделить на две группы³⁶¹. Квантификаторы, указывающие на большое или малое количество (*harbe* ‘много’, *kama* ‘несколько’, *mispar* ‘некоторое количество’), в иврите в основном употребляются с именами без показателей определенности и,

³⁵⁹ Halevy R. Modern Hebrew syntax. P. 713.

³⁶⁰ Подробнее см., например, Christophersen P. The Articles. A study of their theory and use in English. London: Oxford University Press, 1939. 206 p.; Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 119–175; Усманов К. Категория определенности-неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1979. 24 с.; Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. 496 с.; Широких Е. А. Проблема семантической классификации английских неопределенных детерминативов // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 262-271 и др.

³⁶¹ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp.70-78.

соответственно, входят в состав неопределенных ИГ, которые будут рассмотрены в п. 2.3.2. Тогда как точное количество указывается с помощью количественных числительных, которые, как было упомянуто в п.2.1., могут входить в состав определенной ИГ при условии использования особой «сопряженной» формы (*šešet ha-batim* ‘(эти) шесть домов’). В корпусе НОГ зафиксирован 1 пример употребления детерминатива такого типа с определенным существительным в постпозиции, и данная ИГ маркирована (1/1).

С другой стороны, квантификаторы, указывающие на полноту или частичность охвата в большинстве своем могут присоединять артикль или употребляться с определенными существительными³⁶². К числу последних относятся: *kol* в значении ‘все’ (употребляется с именем в форме множественного числа) или ‘весь/целиком’ (с именем в форме единственного числа)³⁶³, *ha-kol* ‘всё’, *rov / ha-rov* ‘большинство’, *ha-marbit* ‘большинство’, *ha-še’ar/ha-yeter* ‘остальная часть/остальные’ и *xelek* ‘часть’. Дроби также могут выражать значение **партитива** (*xeci me-ha-studentim* ‘половина из (этих) студентов’), а не количества (*reva šaa* ‘четверть часа’), и в этом случае требуют употребления определенной ИГ в постпозиции.

(44) *kol ha-sefer*
 все DEF-книга
 ‘вся книга’

(45) *kol ha-sfarim*
 все DEF-книги
 ‘все книги’

(46) *rov ha-sfarim*
 большинство DEF-книги
 ‘большинство/бóльшая часть книг’

³⁶² Ibid.

³⁶³ В значении «любой» и «каждый» после *kol* употребляется только неопределенная ИГ (см. ниже).

- (47) *xelek ha-sfarim*
 часть DEF-книги
 ‘часть книг’

Квантификаторы *rov* и *xelek* могут стоять как в препозиции к имени, так и в постпозиции, но в последнем случае им всегда предшествует предлог *be-* ‘в’.

- (48) *ha-sfarim retuvim be-rub-am.*
 DEF-книги мокрые в-большинство-POSS.3MPL
 ‘(Эти) книги в большинстве своем мокрые.’

- (49) *ha-sfarim retuvim be-xelk-am.*
 DEF-книги мокрые в-часть-POSS.3MPL
 ‘Часть (этих) книг мокрая.’

Такой тип словосочетания характерен для формального регистра, и в целом является недостаточно продуктивным, тем более для кодирования роли прямого объекта. Поэтому, ожидаемо, что таких примеров в корпусе НОГ зафиксировано не было.

Иногда высказывается мнение, что многие квантификаторы в препозиции к определенной ИГ (*kol, rov, xelek*) употребляются в форме сопряженного состояния также, как и количественные числительные³⁶⁴. Это вопрос не является критически важным для данного исследования, поэтому мы ограничимся утверждением, что с точки зрения параметров, применяющихся для формального разграничения определенных и неопределенных конструкций сопряженного состояния, все конструкции с квантификаторами, включающие определенные ИГ, следует также признать определенными. Также определенными признаются ИГ, в которых указание

³⁶⁴ Подробнее об этом и о квантификаторах в иврите см. Francez I., Goldring K. Quantifiers in Modern Hebrew // Handbook of quantifiers in natural language, Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 90 / E. Keenan and D. Paperno (eds.). Berlin: Springer, 2012. Pp. 347-397.

на референта, обычно выражаемого с помощью имени существительного в постпозиции к детерминативу, кодируется с помощью суффикса (*šneyhem* ‘они двое/эта два’, *kulanu* ‘все мы’, *rubenu* ‘большинство из нас’). Такие ИГ должны маркироваться облигаторно³⁶⁵, что подтверждается корпусом (1/1).

Обратим внимание, что часть квантификаторов, например, *xelek*³⁶⁶, может употребляться также в препозиции к предложной группе (*xelek me-ha-sfarim* ‘часть из (этих) книг’). В этом случае, с формальной точки зрения, такая конструкция скорее тяготеет к неопределенному концу спектра, однако Г.Данон полагает, что между подобными партитивными конструкциями нет никакой разницы³⁶⁷, хотя и признает различие в способе их маркирования³⁶⁸:

(50)   *Dan kana 'et 'axad ha-sfarim.*
 Дан   купить.PST.3MSG   ACC   один.GEN   DEF-книги
 ‘Дан купил одну (из этих) книг.’

(51)   *Dan kana 'exad me- ha-sfarim.*
 Дан   купить.PST.3MSG   один   из-   DEF-книги
 ‘Дан купил одну из (этих) книг.’

Более того, в работе Г.Данон имеется также указание на отклонения от данной системы маркирования партитивных конструкций, фиксирующихся в разговорном иврите, однако автор объясняет это «путаницей» между двумя вариантами³⁶⁹, не приводя статистику или факторы варьирования. Недавнее экспериментальное исследование А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут подтверждает, что маркирование различных типов референциальных выражений, обозначающих частичную задействованность объекта в ситуации (партитива) в современном иврите является опциональным и не базируется

³⁶⁵ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 79.

³⁶⁶ Предложным способом определенные ИГ могут присоединяться также к квантификаторам количества (*kama* ‘некоторые’, *harbe* ‘многие’, *'exad* ‘один’ и др.).

³⁶⁷ Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type.

³⁶⁸ Далее следуют примеры Г.Данон.

³⁶⁹ Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type.

исключительно на наличии/отсутствии формальных показателей определенности, поскольку «уровень одобрения» маркированных с помощью *'et* партитивных конструкций, обладающих определенным статусом, среди носителей иврита, участвовавших в эксперименте авторов, составляет только 3,5/5³⁷⁰. Этот вывод подтверждается данными корпуса НОГ: из 4 зафиксированных в корпусе в роли прямого объекта примеров партитива маркируются 3 (75%).

Таким образом, именные группы с квантификаторами, которые используются для передачи свойства «частичности» (*xelek, rov, ha-marbit, ha-še'ar, ha-yeter*), в том числе с теми, которые могут употребляться с предложной группой, представляется обоснованным рассмотреть более подробно, чтобы определить, какие дополнительные факторы могут влиять на способ их оформления при кодировании О-участника ситуации.

Рассмотрим теперь **квантификатор *kol***, в препозиции к определенной ИГ передающий значение 'весь', 'все', 'каждый' и даже 'никакой' в отрицательных контекстах³⁷¹.

В английском языке детерминативы, придающие именной группе значение «универсальности», такие как *every, each, all*, традиционно коррелируют с определенностью, поскольку предполагается, что слушающий может идентифицировать множество, описываемое именной группой в целом³⁷². Однако иногда исследователи проводят различие между коллективной (*all* 'все') и дистрибутивной (*every* 'каждый') интерпретацией этих детерминативов. В частности, применительно к ивritу, Л.Глинерт уточняет, что употребленный в дистрибутивном значении *kol* является детерминативом, тогда как коллективное (универсальное) употребление более естественно воспринимать как квантификатор³⁷³. С логико-

³⁷⁰ Hachohen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity. Pp. 1-34.

³⁷¹ См. подробнее ниже.

³⁷² Lyons Ch. Definiteness. P. 32.

³⁷³ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 94.

семантической точки зрения, между ними не должно быть разницы, и, как правило, словосочетания с универсальными квантификаторами являются семантически определенными. Однако М.Хаспелмат отметил, что дистрибутивные универсальные квантификаторы, такими как *every*, во многом близки к неопределенным местоимениям, которые выражают нерелевантность выбора, например *any*³⁷⁴. Следуя этой точке зрения, ИГ с дистрибутивными квантификаторами иногда называют «квази-неопределенными».

В иврите квантификатор *kol* выполняет как коллективную, так и дистрибутивную функции, и его интерпретация, как уже было сказано выше, зависит от типа ИГ, перед которой он употребляется³⁷⁵. Перед ИГ, выраженной определенным существительным единственного или множественного числа, *kol* интерпретируется собирательно (52), тогда перед неопределенной ИГ значение будет дистрибутивным во всех контекстах, кроме пропозиций, выражающих условие или отрицание. Перед неопределенной ИГ, кодирующей референт в единственном числе, *kol* интерпретируется в дистрибутивном значении как ‘каждый’ (53), а в отрицательных и условных предложениях перед неопределенной ИГ *kol* также будет интерпретироваться дистрибутивно как ‘любой/какой-либо’ (условное предложение) и ‘никакой’ (отрицательное предложение) (54):

(52) *ra'iti 'et kol ha-šinuim*
 видеть.PST.1SG ACC весь DEF-изменения
 ‘Я увидел(а) все изменения.’

(53) *ra'iti kol šinui*
 видеть.PST.1SG весь изменение
 ‘Я увидел(а) каждое изменение.’

(54) *lo ra'iti kol šinui*

³⁷⁴ Haspelmath M. Indefinite pronouns. 368 p.

³⁷⁵ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 93-94.

не видеть.PST.1SG весь изменение

‘Я не увидел(а) никакого изменения’.

В корпусе НОГ именные группы по типу kol+ИГ(опр.+) в 100% контекстах интерпретировались как собирательные и регулярно маркировались в позиции прямого объекта, независимо от того, был ли референт кодирован существительным единственного (11/12) или множественного числа (10/10).

Именные группы по типу kol+ИГ(опр.-)(PL), напротив, в 100% контекстах интерпретировались как дистрибутивные и не маркировались в позиции прямого объекта, независимо от того, был ли референт кодирован существительным единственного или множественного числа.

Одним из примеров дистрибутивного значения, выраженного такого типа конструкциями, было встретившееся в корпусе словосочетание *kol miney šeilot* ‘всевозможные вопросы’ (букв. ‘все типы вопросов’), где *kol* входит в состав детерминатива *kol miney* ‘всевозможный’.

Другое регулярно встречающееся в современном иврите выражение с дистрибутивным значением *kol 'exad me*³⁷⁶, буквально означающее ‘каждый из...’, в корпусе НОГ не представлено, но беглый поиск в корпусе heTenTen21 показал, маркируются около 15% таких конструкций, кодирующих прямой объект. Данный вид референциального выражения будет рассмотрен более подробно в Главе 3, наряду с другими конструкциями, выражающими значение партитива.

Однако наибольшую вариативность корпус НОГ демонстрирует на примере употребления универсального квантификатора *kol* с относительным

---

³⁷⁶ Данный тип референциального выражения проявляет как дистрибутивные характеристики, так и значение партитивности, но первое в данном случае является преобладающим и потенциально более значимым для выбора способа маркирования. В литературе подтверждается опциональное маркирование, однако лицензирующие факторы не приводятся (см., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 86-87).

местоимением *ta* и следующим за ним определительным придаточным, вводимым союзом *še*, например:

- (55) *lir'ot* ('*et*) *kol ta še-yeš lo*
 видеть.INF (ACC) все что который.EXIST у.него
 'увидеть все, что у него есть'

Из 4 представленных в корпусе примеров, в 3 контекстах такая конструкция маркируется '*et*, и в 1 — не маркируется. Эти данные демонстрируют высокую степень (75% из 100% оформляется маркером)³⁷⁷ вариативности объектного маркирования конструкций такого типа, которая не находят объяснения ни с точки зрения универсального/дистрибутивного значения *kol* (все 4 случая интерпретируются собирательно), ни с позиции определенности/неопределенности референциального выражения³⁷⁸. Исследований данного явления также, насколько нам известно, на данный момент не проводилось.

Также интересным вопросом является запрет на маркирование самостоятельно употребляющейся формы квантификатора *kol*, *ha-kol* «всё», даже при наличии формального показателя (артикля *ha-*). Данный запрет также отмечается исследователями без объяснений³⁷⁹:

- (56) *ra'iti ha-kol*
 видеть.PST.1SG DEF-весь
 'Я видел(а) всё.'

Данный пример является уникальным и, на первый взгляд, трудно объяснимым, поскольку, как было указано выше, другие конструкции, использующие детерминатив *kol* в его универсальном (собирательном)

³⁷⁷ Забегая вперед, отметим, что более подробное исследование в Главе 3 подтвердило опциональность маркирования конструкций типа «*kol ta še-*», а именно было зафиксировано, что степень опциональности маркирования референтов, выраженных таким типом референциального выражения, составляет чуть больше 50%.

³⁷⁸ Подробнее о маркировании местоимений см. 2.3.4, однако трудно предположить различный статус определенности одного и того же местоимения в одной и той же конструкции, которое, более того, употребляясь независимо в качестве вопросительного местоимения, например, никогда не маркируется, выступая в роли прямого объекта.

³⁷⁹ См., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P.94.

значении и оформленные показателем определенности маркируется облигаторно (10/10 в корпусе НОГ), а в данном случае наблюдается даже не опциональное маркирование, а полный запрет на него. В корпусе НОГ пример такого употребления *kol* не был зафиксирован, однако в Главе 3 мы дополнительно изучим этот вопрос и рассмотрим факторы, которые могли бы лицензировать такой вариант маркирования более подробно.

Подводя итоги по данному разделу 2.3.1, отметим, что, рассмотрев различные типы именных групп, которые в соответствии с общепринятым мнением требуется интерпретировать как «определенные» и, соответственно, маркировать, если они кодируют О-участника ситуации, и сопоставив эти данные с данными корпуса НОГ, мы получаем следующую картину распределения маркированных и немаркированных ИГ (Таблица 4).

Таблица 4. Распределение маркированных и немаркированных определенных ИГ в корпусе НОГ

Тип определенной именной группы	Маркировано	%
Имя существительное с определенным артиклем	286/286	100%
ИГ с порядковым числительным (опр.+)	1/1	100%
ИГ с указательным местоимением (опр.+)	8/8	100%
ИГ с количественным числительным	1/1	100%
Имя существительное с притяжательным суффиксом	60/60	100%
Конструкция сопряженного состояния	96/97	99%
ИГ (опр.+) с <i>šel</i>	31/31	100%
Двойной генетив (с <i>šel</i>)	11/12	92%
ИГ с указательным местоимением (неопр.+)	0/1	0%
ИГ с другими определенными детерминативами	4/4	100%
ИГ с квантификатором	19/24	79%
ИТОГО	517/525	98%

Таблица 4 наглядно демонстрирует, что некоторые типы определенных ИГ, кодирующих О-участника ситуации в транзитивной клаузе, демонстрируют опциональное маркирование, а один тип (ИГ с указательным местоимением(неопр.+)) — даже запрет на маркирование. Существующие исследования и грамматические описания либо не учитывают эту опциональность, либо констатируют несоответствие, не делая попыток объяснить его³⁸⁰.

2.3.2. Неопределенные именные группы

Неопределенными ИГ, как следует из п. 2.1., в современном иврите считаются ИГ, не оформленные ни определенным артиклем, ни притяжательным суффиксом, не являющиеся именами собственными и не содержащие несогласованное определение в определенном состоянии, т.е. не являющиеся частью конструкции сопряженного состояния, имеющей определенный статус³⁸¹. С точки зрения грамматических норм, все перечисленные типы референциальных выражений, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, должны демонстрировать запрет на маркирование. Рассмотрим их более подробно.

Именные группы с формами абсолютного состояния

Проанализируем статистику, полученную в результате анализа данных корпуса НОГ. Из 559 вхождений, размеченных как «неопределенные ИГ» по указанным выше характеристикам, действительно, меньше 1% (3 вхождения) маркированы, что полностью согласуется с принципами объектного маркирования, предложенными нормативными

³⁸⁰ Алексеева М.Е. Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите // *Litera*. 2023. № 5. С. 31. Единственный известный нам автор, который сделал попытку объяснить, в частности, запрет на маркирование ИГ с указательным местоимением (арт.-), израильский лингвист Г.Данон, проводит свои исследования в рамках формального синтаксиса, что, на наш взгляд, исключает из объяснения некоторые особенности семантики различных типов ИГ, которые крайне важны для понимания принципов объектного варьирования в современном иврите.

³⁸¹ В последнем случае интерпретация не всегда бывает однозначна, о чем было сказано в п. 2.3.1. на примере словосочетаний типа *'oved ha-bniya* 'рабочий стройки'.

грамматиками современного иврита (18). В соответствии с данными корпуса, не маркируются неоформленные артиклем имена существительные (0/471), неопределенные именные группы с детерминативами, обладающими семантикой неопределенности (*kaze* ‘такой/похожий на (что-л.)’, *kolšehu* ‘какой-то/любой/какой-либо’, *šum* ‘никакой’ и *kol* в значении ‘каждый’³⁸²) (0/6) и с неопределенными количественными числительными (0/11),

Генетивные конструкции

Из трех типов генетивных конструкций, упомянутых в пп. 2.3.1.2-3, неопределенными ИГ могут быть только собственно конструкция сопряженного состояния при условии отсутствия показателя определенности у зависимого члена конструкции (*kos mayim* ‘стакан воды’) или конструкция с предлогом *šel*, если вершинное имя не оформлено определенным артиклем (*simulaciya šel ra’ayon* ‘симуляция интервью’), что является более редким явлением.

Используя более дробную классификацию относительно частиречной принадлежности элементов конструкции сопряженного состояния, напомним, что неопределёнными ИГ могут выступать конструкции типа: а) существительное + существительное/именная группа с зависимым словом, б) прилагательное + существительное (*sfalim mle’ey mayim karim* ‘чашки, полные холодной водой(неопр.+’), в) причастие + существительное (*itonim rodfeý sensaciyot* ‘газеты в погоне за сенсациями(неопр.+’). Предполагается, что ИГ, кодирующая О-участника ситуации в транзитивной клаузе, будет демонстрировать запрет на маркирование при отсутствии показателя определенности у зависимого имени. Это наблюдение подтверждается данными корпуса НОГ: 100% неопределенных генетивных конструкций, где показателем генитива оформлено вершинное имя (конструкция сопряженного состояния) не маркируются (0/56).

³⁸² Подробнее о маркировании конструкций с квантификатором *kol* см. ниже в п. 2.3.1.

В отличие от конструкций сопряженного состояния наличие показателя определенности у зависимого имени в генетивной конструкции с предложной связью не является критерием определенности ИГ. Как было показано в п. 2.3.1:

- (57) *bgadim*   *šel*   *ha-tinok*
 одежда.PL   POSS   DEF-младенец
 ‘одежда (этого) младенца’

В таком типе генетивных конструкций определенность ИГ зависит только от наличия показателя, точнее определенного артикля, у вершинного имени. Отсутствие маркера *'et* перед объектом должно наблюдаться, соответственно, во всех случаях, где кодирующее О-участника транзитивной клаузы референциальное выражение данного типа не оформлено определенным артиклем. Данное предположение также подтверждается данными корпуса: 100% неопределенных генетивных конструкций, где показателем генитива является предлог *šel* (предложный способ оформления) не маркируются (0/12).

Именные группы с детерминативом

Как было сказано в 2.3.1., детерминативы могут присоединяться как к определенным, так и к неопределенным существительным, образуя семантически определенные или неопределенные ИГ. В большинстве случаев наличие артикля у именной вершины является достаточным основанием для маркирования данной ИГ в позиции прямого дополнения³⁸³.

ИГ с детерминативом, не оформленные определенным артиклем, как правило, являются семантически неопределенными и не должны маркироваться, выступая в роли прямого объекта. К этой группе относятся, в частности, *eize* и *eizešehu* с производными (*eize mesiba* ‘какая-то вечеринка’),

³⁸³ Два детерминатива, при которых имя существительное не оформляется артиклем (например, *sefer ze* ‘эта книга’) или оформляется опционально (например, *'oto (ha-)maxšev* ‘тот (же) компьютер’), входят в состав ИГ, традиционно интерпретируемых как «определенные», и были рассмотрены в п. 2.3.1.

kaze в безударной позиции в неопределенном значении (*kfafot ka'ele* 'какие-то перчатки'), *kalšehu*³⁸⁴ с производными (*tšuva kalšehi* 'какой-либо/какой-то/любой ответ'), *šum* и *af* в отрицательных клаузах (*šum 'iparon* 'никакой карандаш')³⁸⁵ и т.д.

Именная группа, включающая количественное числительное «один» в формах *'exad* (MSG) и, соответственно, *'axat* (FSG) в логически безударной позиции³⁸⁶ в препозиции к неопределенному существительному единственного числа, употребляется для обозначения референта, который не знаком ни говорящему, ни слушающему. Причем несмотря на формальное соответствие в переводе русскому неопределенному местоимению *один*, которое принято относить к референциально-семантическому разряду «слабоопределенных» местоимений (наряду с *кое-какой, некоторой*)³⁸⁷, *'exad* в иврите не обязательно является слабоопределенным, т.е. отсылающим к объекту, который известен говорящему, но неизвестен слушателю. В русском языке типичным примером для слабоопределенного местоимения «один» может быть высказывание «В Москве есть *один* музей...» в ситуации, когда говорящий знает об этом музее и хочет рассказать о нем собеседнику, который с ним незнаком. В иврите контекст употребления *'exad* может быть другим³⁸⁸.

(58) *layla 'exad mazmin   baxur 'exad zug xaverim*
ночь   один   приглашать.PRS.MSG   парень   один   пара   друзья

³⁸⁴ Произношение *kalšehu* принято на современном этапе, однако ранее существовал вариант *kolšehu*, сохранивший фонетическую связь с исходным вариантом *kol* ('весь', 'все' - см. ранее): Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 93.

³⁸⁵ Подробнее о формах, значении и особенностях дистрибуции детерминативов такого типа см., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 92-101.

³⁸⁶ В ударной позиции эти числительные интерпретируются как обычные количественные числительные.

³⁸⁷ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С. 134.

³⁸⁸ Местоимение *eize* в контекстах, где референт такой ИГ знаком говорящему, но при этом не является собственно количественным числительным «один», в корпусе НОГ зафиксировано не было, но, вероятнее всего, маркирование ИГ со слабоопределенным местоимением в этом случае не отличалось бы от маркирования ИГ с местоимения неизвестности, т.е. было бы невозможным.

‘Однажды ночью приглашает **один парень** пару друзей

le-dirat-o

ha-xadaša

для-квартира.GEN-POSS.3MSG

DEF-новая

в свою новую квартиру.’

В примере (58), зафиксированным в корпусе HOG, говорящий не подразумевает под «одним парнем» конкретного известного ему, но не неизвестного слушателю «парня». Более того, он рассказывает о гипотетической ситуации. Здесь *'exad* близко по значению к другому неопределенному местоимению разговорного иврита, *eize*³⁸⁹ ‘какой-то’, которое отсылает к объекту, неизвестному говорящему, и соответственно, как и *'exad*, будет относиться к местоимениям *неизвестности*, согласно определению Е.В.Падучевой³⁹⁰. Неопределенный детерминатив *eize* ‘какой’ (*eizo* ‘какая’) в современном разговорном иврите употребляется для более явного обозначения неопределенной ИГ³⁹¹ (59).

(59) *bederex klal 'axarey še-kvar kaniti mašehu pit'om*
 как правило после что-уже купить.PST.1SG что-то вдруг
 ‘Обычно после того, как я уже купила что-то, (я) вдруг
'ani mocet eize ra'ayon tamaš magniv
 я находить.PRS.FSG какой-то идея реально классный
 нахожу **какую-то** реально классную **идею**.’

³⁸⁹ Иногда в иврите *eize* употребляется с энклитикой *-šehu* в том же значении, но в корпусе HOG таких примеров зафиксировано не было. Однако, учитывая, что *-šehu* встречается только в словах, кодирующих неопределенный и не упоминавшийся в дискурсе ранее референт (*mašehu* ‘что-то’, *mišehu* ‘кто-то’, *mataišehu* ‘когда-то’) оснований предполагать, что маркирование *eizešehu* в позиции прямого дополнения будет отличаться от маркирования *eize*, нет.

³⁹⁰ Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. С.134.

³⁹¹ Идея была впервые высказана в работе Wright S.E., Givón T. The Pragmatics of Indefinite Reference: Quantified Text-Based Studies // Studies in Language. 1987. Vol. 11(1). Pp. 1-33.

В данном случае, употребляя *eize*, говорящий намеренно подчеркивает, что референт ИГ ему не известен и даже не является частью действительности.

Схожей функцией обладает также местоимение *kalšehu* (MSG) и его формы. Оно также отсылает к неизвестному говорящему референту, однако в отличие от именной группы с *eize*, кодирующей единственного, хоть и неизвестного участника ситуации (например, «реально классную идею», пришедшую на ум говорящему в примере (59)), местоимение *kalšehu* в составе ИГ передает безразличие говорящего к выбору референта, кодируемого данной ИГ. Поэтому, несмотря на то, что в некоторых случаях *kalšehu* будет интерпретироваться как синоним *eize*, в большинстве контекстов его будет уместно переводить русскими местоимениями «какой-нибудь», «какой-либо» с похожим значением.

(60) *necivut lo ra'ata kol te'ud ha-moxiax*
управление не видеть.PST.3FSG весь документация DEF-доказывает
'Администрация не видела никакой документации, доказывающей,
še-ha-ršuyot boxanot bakašot kalšehen
что-DEF-власти проверять.PRS.FPL просьбы какие-либо
что власти проверяют **какие-либо просьбы.**'

Принципиально важным для нашего исследования является тот факт, что разница в референциальном статусе³⁹² этих местоимений, также как и особенности значения (единственный возможный неизвестный объект или потенциально любой), по-видимому, не играет роли в лицензировании объектного маркирования, поскольку ИГ с *eize*, *'exad* и *kalšehu*, выступающие в роли прямого объекта, демонстрируют в корпусе НОГ запрет на объектное маркирование (0/6) независимо от конкретного детерминатива в составе.

Именные группы с квантификаторами

³⁹² Подробнее о влиянии референциального статуса на оформление прямого объекта см. Главу 3.

Большая часть квантификаторов входит в состав неопределённых ИГ. Самыми частотными из них являются собственно количественные числительные, которые, присоединяясь в препозиции к неоформленным артиклем формам имен существительных, не требуют изменения формы, например, *šloša yeladim* ‘три мальчика’³⁹³.

К неопределённым детерминативам относятся также большинство других детерминативов, указывающих количество, например: *kcat* ‘немного/чуть-чуть’, *harbe* ‘много’, *kama/mispar* ‘несколько’, которые могут употребляться как в препозиции к неопределённо форме существительного (62), так и независимо от него (61) – в разговорном иврите:

(61) *'axalti harbe*
 есть.PST.1SG много
 ‘Я много съел(а).’

(62) *'axalti kama ugot*
 есть.PST.1SG несколько пирожное.PL
 ‘Я съел(а) несколько пирожных.’

Данные корпуса НОГ подтверждают запрет на маркирование, логично следующий из неопределённого статуса таких конструкций: неопределённые ИГ с количественными числительными и другими квантификаторами, указывающими неточно известное количество, не маркируются, выступая в роли прямого объекта (0/14).

К числу неопределённых квантификаторов, указывающих на частичную задействованность объекта/группы объектов в обозначенной транзитивной клаузой ситуации, относятся дроби (например, *'asirit* ‘десятая

³⁹³ Количественные числительные в разговорном иврите могут употребляться также самостоятельно (*kax šeš* ‘Возьми шесть’). В этом случае вершинное имя опускается, а показатель при необходимости может присоединяться к самому числительному (*ha-šeš ha-'ele* ‘эти шесть (штук)’). Способ маркирования варьируется в зависимости от наличия/отсутствия формального показателя: *kax šeš* ‘Возьми (любые) шесть’ или *kax et ha-šeš ha-'ele* ‘Возьми [АСС] эти шесть’.

часть’)³⁹⁴ и такие квантификаторы как *xelek* ‘часть’, которые образуют конструкция **партитива**.

Как уже было упомянуто в п. 2.3.1. относительно конструкций партитива и способов их маркирования в иврите, рядом исследователей высказываются противоречивые мнения, что подтверждается также данными корпуса НОГ, в соответствии с которым конструкции партитива демонстрируют опциональное маркирование (75% маркированы, 25% — нет), а факторы, его лицензирующие, исследователями либо игнорируются³⁹⁵, либо только начинают изучаться³⁹⁶.

Таким образом, учитывая небольшую частотность партитивных конструкций в общем объеме неопределенных по статусу ИГ в позиции прямого объекта в рассматриваемом корпусе, но высокий процент вариативности маркирования в позиции ПД конструкция партитива будет рассмотрена нами более подробно в Главе 3.

Проведя анализ различных типов именных групп, которые в соответствии с общепринятым мнением требуется интерпретировать как «неопределенные» и которые, соответственно, избегают маркирования, выступая в роли прямых объектов, мы сопоставили эти данные с данными корпуса НОГ и получили следующую картину распределения маркированных и немаркированных ИГ относительно выделенных типов в речи³⁹⁷ (Таблица 5).

Таблица 5. Распределение маркированных и немаркированных неопределенных ИГ в корпусе НОГ

Тип неопределенной именной группы	Маркировано	%
Неоформленное показателем имя	0/471	0%

³⁹⁴ В корпусе НОГ не представлены.

³⁹⁵ Danon G. Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew. Pp. 1071–1116.

³⁹⁶ Hacoen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity. Pp. 1-34.

³⁹⁷ Алексеева М.Е. Тип референциального выражения и определенность. С. 31.

Конструкция сопряженного состояния	0/56	0%
ИГ с количественным числительным	0/11	0%
ИГ с другими квантификаторами	0/3	0%
ИГ без определенного артикля с <i>šel</i>	0/12	0%
ИГ с детерминативом	0/6	0%
Конструкция партитива	3/4	75%
ИТОГО	3/563	<1%

Таким образом, неопределенные ИГ различных типов, кодируя прямой объект, демонстрируют регулярный запрет на маркирование, за исключением конструкции партитива, которая, напротив, демонстрирует очень высокую вероятность маркирования, согласно зафиксированным в корпусе НОГ данным. По сравнению с определенными ИГ неопределенные ИГ, в целом, оформляются более единообразно.

2.3.3. Имена собственные

В соответствии со шкалой определенности в теории оптимальности (п. 1.2.1.), имена собственные находятся даже выше, чем определенные ИГ, уступая только местоимениям, поскольку основной функцией имени собственного является точная идентификация референта. Этот факт тесно связан с постулируемым облигаторным маркированием тех О-участников транзитивной клаузы, которые кодируются с помощью имен собственных: пример (63а), с точки зрения нормативной грамматики является единственным способом оформления прямого объекта, выраженного именем собственным, тогда как пример (63б) неграммотичен.

(63а) *ra'iti 'et dan*
 видеть.PST.1SG ACC Дан
 'Я видел(а) Дана.'

(63б) **ra'iti dan*
 видеть.PST.1SG Дан

При этом, поскольку в подавляющем большинстве случаев³⁹⁸ собственные имена не оформляются показателями определенности, но, тем не менее, воспринимаются как имеющие определенный статус, то способ маркирования таких ИГ, кодирующих прямой объект, не зависит от наличия/отсутствия показателя определенности (64-66).

(64) *pağaṣṣni*   *'et*   *levinson*
 встречать.PST.1PL ACC Левинсон
 'Мы встретили Левинсона.'

(65) *pağaṣṣni*   *'et*   *ha-levinsonim*
 встречать.PST.1PL ACC DEF-Левинсоны
 'Мы встретили Левинсонов³⁹⁹.'

(66) *pağaṣṣni*   *'et*   *yosi ha-raze*
 встречать.PST.1PL ACC Йоси DEF-тощий
 'Мы встретили тощего Йоси.'

Данные корпуса HOG подтверждают описанные выше наблюдения об обязательном маркировании О-участников транзитивной клаузы, кодированных с помощью имен собственных: в корпусе зафиксированы 31 такой контекст, все прямые объекты, выраженные именами собственными, в них маркируются *'et* (31/31).

Таким образом, выступая в роли прямого объекта, имена собственные требуют обязательного оформления маркером аккузатива *'et*, и из всех рассмотренных на данный момент типов референциальных выражений (т.е. определенные и неопределенные ИГ, имена собственные) эта категория

³⁹⁸ Редкие случаи исключений были отражены в п. 1.2.1.

³⁹⁹ Оформляются артиклем, как было сказано в п. 2.3.1., собственные имена в форме множественного числа в том случае, если референтом такой ИГ выступают члены одной семьи, носящие упомянутую фамилию.

является единственным примером строго следования принципам нормативного асимметричного объектного маркирования.

2.3.4. Местоимения

Согласно теории оптимальности, как было указано в п. 1.2.1, местоимения располагаются в самой левой позиции на шкале определенности (5), поэтому, с точки зрения принципа, «все определенные ИГ, кодирующие О-участника в транзитивной клаузе, в современном иврите должны маркироваться», все местоимения подлежат обязательному маркированию. Однако в языкознании уже достаточно давно существует мнение, что «местоимения как класс слов представляют собой неоднородную группу»⁴⁰⁰. В нашем исследовании мы разграничиваем местоимения, которые дополнительно определяют имя существительное, уточняя круг его референции, т.е. выступающие как именные актуализаторы, детерминативы (*sefer ze* ‘эта книга’), и местоимения/местоименные слова, которые самостоятельно кодируют референт (*ten li 'et ze* ‘Дай мне это’). Различные виды местоимений-детерминативов уже рассматривались нами в пп. 2.3.1-2.3.2. В данном разделе мы рассмотрим те местоимения, которые частотно кодируют О-участника ситуации в транзитивной клаузе, не требуя употребления имени существительного, и определим, насколько высокая степень определенности, характерная для всего класса местоимений, согласно шкале определенности, коррелирует со способом объектного маркирования референтов, кодируемых ими.

Указательные местоимения.

Основной функцией указательных местоимений, как и имен собственных (см. п. 2.3.3.), служит идентификация референта в речевом акте. При этом, в отличие от имени собственного, указательное местоимение не называет референта, а «отсылает к тому элементу контекста или ситуации,

⁴⁰⁰ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: УЧПЕДГИЗ, 1947. 784 с.; Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимения // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. 294 с.

который может восполнить недостающие сведения»⁴⁰¹. Под «контекстом или ситуацией» в данном случае может пониматься как речевая составляющая ситуации, т.е. собственно вербальный контекст высказывания, так и внеречевая, включающая различные сопутствующие высказыванию остенсивные указания (например, жесты).

В современном иврите для указания на неодушевленный объект вне ситуации, требующей обозначения противопоставления одного объекта другому (контраста), или при условии физического присутствия референта кодируемого объекта используется местоимение *ze* (MSG) (67). Для одушевленных референтов в этом случае используются объектные местоимения, где показателями рода и числа выступают местоименные суффиксы, присоединяющиеся к форме маркера *'et* (70)⁴⁰². Использование указательных местоимений для кодирования одушевленного референта в таком контексте будет вносить в высказывание оттенок пренебрежительности⁴⁰³. Если высказывание подразумевает противопоставление объектов (68), то употребляется *ze* (MSG) или *'ele* (CP), а если в претексте было упомянуто существительное, то местоимение согласуется с данным существительным по роду (69)⁴⁰⁴.

(67) *kax* *'et ze*
взять.IMP.MSG ACC этот
'Возьми это'.

⁴⁰¹ Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М: Наука, 1988. С.32.

⁴⁰² В случае, если референт, т.е. О-участник ситуации в транзитивной клаузе, должен кодироваться личным местоимением, в иврите используются особые формы объектных местоимений, представляющие собой, по сути, слияние особой формы маркера *'et* (*'ot*) с соответствующими местоименными суффиксами (*'oto* 'его', *'otam* 'их' и т.д.). Поскольку другого способа маркирования таких объектов в иврите не существует, то такого рода маркирование нельзя назвать «дифференцированным», и, соответственно, оно не является предметом рассмотрения в данной работе.

⁴⁰³ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 54.

⁴⁰⁴ Подробнее об указательных местоимениях в иврите см. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 54-56. Ниже используются примеры Л.Глинерта.

(68) *toxal*   *'et ze o 'et ze*
 есть.FUT.MSG   ACC   этот   или   ACC   этот
 ‘Съешь это или это’.

(69) *hine*   *smixot. kaḥ*   *'et zot*
 вот   одеяла   взять.IMP.MSG   ACC   эта
 ‘Вот одеяла. Возьми это (одеяло).’

(70) *lex*   *tiš'al*   *'oto*
 идти.IMP.MSG   спрашивать.FUT.MSG   ACC.3MSG
 ‘Иди, спроси его.’

Для того чтобы указать на референта, присутствовавшего в предшествующем дискурсе, но не в физическом контексте ситуации, современный иврит использует личные местоимения для кодирования субъекта и объектные местоимения с соответствующим местоименным суффиксом — для объекта. В разговорном иврите указание на неодушевленный объект, упоминавшийся в предшествующем высказывании, может быть выражено с помощью местоимения *ze*⁴⁰⁵.

Из приведенных выше примеров, на первый взгляд, очевидно, что вне зависимости от других параметров референта, все референты, кодированные указательными местоимениями, должны маркироваться как однозначно идентифицируемые адресатом. Однако этот факт не подтверждается ни грамматическими описаниями, ни данными корпуса НОГ. Несмотря на то, что указательные местоимения обычно, как и личные местоимения, находятся на вершине иерархии определенности, и можно было бы ожидать, что они подлежат обязательному объектному маркированию, согласно корпусу НОГ, меньше половины референтов, кодирующихся с помощью указательных местоимений (16/33, 48%), маркированы.

⁴⁰⁵ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 51.

Статистические данные о сопоставительной частотности маркирования, при этом, демонстрируют явную корреляцию маркирования и формы указательного местоимения (Таблица 6).

Таблица 6. Частотность объектного маркирования указательных местоимений в корпусе НОГ

Местоимение	Маркировано	Маркировано (%)
<i>ze</i> (MSG)	15/15	100%
<i>zot</i> (FSG)	0/17	0%
<i>'ele</i> (CP)	1/1	100%
Итого	16/33	48%

Статистические данные корпуса позволяют сделать вывод о том, что референты, являющиеся О-участниками ситуации и кодирующиеся указательным местоимением *ze* (MSG), маркируются облигаторно, тогда как местоимение *zot* (FSG), вероятно, имеет некоторое неизвестное ограничение на маркирование, поскольку, согласно данным корпуса, регулярно демонстрирует запрет на маркирование (0/17). Совершенно очевидно, что параметр «определенность ИГ» не может быть фактором, лицензирующим маркирование, в такой ситуации, поэтому требуется рассмотреть данный вопрос более подробно и предположить влияние других факторов на выбор способа кодирования прямого объекта говорящим. Мы вернемся к этому вопросу в Главе 3.

Вопросительные и относительные местоимения

Местоимения *mi* ‘кто’ и *ta* ‘что’ в современном иврите могут выступать как в качестве вопросительных, так и относительных местоимений, что является распространенным для многих других языков, в

связи с чем некоторые исследователи называют такую группу местоимений относительно-вопросительными⁴⁰⁶.

В качестве вопросительного местоимения *mi* 'кто' может быть кореферентно одушевленному референту мужского или женского рода, но только единственного числа, тогда как *ta* – неодушевленному объекту. Оба местоимения типично располагаются как можно ближе к началу предложения, например:

(71) *ta hašavta?*
 что думать.PST.2MSG
 'Что ты подумал?'

С точки зрения критерия определенность/неопределенность эти местоимения обычно не рассматриваются, а в работах, посвященных, например, древнееврейскому языку даже различаются: *mi* может интерпретироваться на определенный элемент, а *ta* как неопределенный⁴⁰⁷. Несмотря на очевидное несоответствие, такое предположение вполне объяснимо, если принять во внимание, что как в современном, так и в древнееврейском языке местоимение *mi* обязательно маркируется показателем аккузатива 'et, который типично маркирует определенные ИГ, тогда как местоимение *ta* в той же позиции не маркируется. Отсюда исследователями делается вывод об «определенности» одного и «неопределенности» второго. Однако вопросительные местоимения более естественно связать с неопределенностью, чем с определенностью, в связи с тем, что говорящему очевидно неизвестно, какой референт подразумевается. Как подтверждение этому, в некоторых языках вопросительные слова выступают также как неопределенные местоимения, поскольку и те, и другие

⁴⁰⁶ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 146.

⁴⁰⁷ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. P. 121 со ссылкой на GKC § 117c (Gesenius W. Gesenius' Hebrew Grammar / E. Kautzsch (ed.). Transl. Arthur E. Cowley. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1910. 598 p.) и IBHS §10.3.1 (Waltke B.K., O'Connor M.P. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1990. 784 p.).

предполагают «информационный пробел»⁴⁰⁸. Вопросительные местоимения типично отражают запрос информации об указанном объекте, тогда как использование неопределенных подразумевает, что дальнейшая информация либо недоступна, либо не имеет значения. Рассмотрим данные корпуса НОГ. Случаи употребления вопросительных местоимений *mi* и *ma* в нем немногочисленны, но подтверждают принципы маркирования, описанные выше: *mi* обязательно маркируется (1/1), тогда как *ma* демонстрирует запрет на маркирование (0/2).

Таким образом, вопросительные местоимения, как и указательные, кодируя прямой объект, демонстрируют явную вариативность маркирования, которая никак не связана со статусом «определенности/неопределенности» референта. В данном случае ситуация противоположная той, что была рассмотрена на примере указательных местоимений, поскольку в отличие от местоимений *ze* и *zot*, которые воспринимаются как «определенные», вопросительные местоимения *mi* и *ma* связаны, скорее, с семантической неопределенностью, но их маркирование также имеет дополнительное ограничение, не объясняемое грамматистами и исследователями.

Более сложная ситуация с относительными местоимениями, служащими вершинами относительных придаточных предложений⁴⁰⁹.

В корпусе НОГ (см. Таблицу 7) зафиксировано 5 контекстов с использованием относительных местоимений и 1 контекст, где местоимение опущено, хотя однозначно восстанавливается.

---

⁴⁰⁸ Bhat D.N.S. Interrogative–Indefinite Puzzle // *Pronouns, Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford. 2007. P. 226.

⁴⁰⁹ В современном иврите существуют и другие виды относительных местоимений, но в данной работе, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть именно местоимений *ma* и *mi*, во-первых, поскольку именно они зачастую выступают в роли прямого объекта, и во-вторых, поскольку в этой роли они проявляют существенную вариативность маркирования.

Таблица 7. Частотность объектного маркирования относительных местоимений в корпусе НОГ

Местоимение	Маркировано	%
Относительное местоимение <i>mi</i>	1/1	100%
Относительное местоимение <i>ma</i>	2/3	67%
Относительное местоимение <i>ma</i> опущено	1/1	100%
Относительное местоимение <i>'ele</i>	1/1	100%
Итого	5/6	83%

В соответствии с представленными данными не только не представляется возможным объяснить вариативность объектного маркирования определенным статусом референциального выражения, кодирующего прямой объект, но также не очевидна корреляция типа местоимения с использованием маркера аккузатива. Тогда как вопросительное и относительное местоимения *mi* «кто», по-видимому, требуют использования маркера *'et*, а вопросительное местоимение *ma* «что» реализует запрет на маркирование, для относительного местоимения *ma* более частотным, судя по данным корпуса, является маркированный способ оформления (3/4), причем даже в том случае, когда само местоимение опускается:

(72) *uxapsu 'et ma še- 'amartem la-hem*
искать.FUT.3PL ACC что который сказать.PST.MPL им
'Они будут искать то, что вы им сказали'.

(73) *uetakni 'et še- nidraš*
исправлять.FUT.3PL ACC который требуемый
'Они исправят (то,) что требуется.'

Относительное местоимение *'ele* 'эти', омонимичное указательному местоимению множественного числа⁴¹⁰, в корпусе маркировано (1/1).

Таким образом, объяснить вариативность объектного маркирования вопросительных и относительных местоимений с точки зрения параметра «определенности/неопределенности» не представляется возможным, поэтому в Главе 3 мы рассмотрим более подробно другие факторы, которые, на наш взгляд, лицензируют маркирование этой категории референциальных выражений.

Возвратные и взаимные местоимения

Наряду с рассмотренными выше указательными и относительными местоимениями возвратные и взаимные местоимения относятся к анафорическим местоимениям. Для возвратных и взаимных местоимений характерно, в частности, употребление в составе той же финитной клаузы, в которой употребляется имя, кодирующее их референт⁴¹¹. К числу возвратных в иврите относится местоимение *'asto*, структурно состоящее из сопряженной формы существительного *'eset* 'кость, сущность' и местоименного суффикса, форма которого изменяется в зависимости от грамматических характеристик имени, кодирующего актора, осуществляющего действие (74).

(74) *hu šina* *'et 'astm-o*
он изменить.PST.3MSG ACC PRO-3MSG
'Он изменил себя.'

Помимо того, что структурно местоимение является определенной ИГ (оформляется показателем в форме суффикса), в соответствии со своей функцией, местоимение *'asto* всегда будет указывать на конкретный референт, упоминание о котором встречалось в предшествующем дискурсе, причем на небольшом расстоянии от самого местоимения. Поэтому оно

⁴¹⁰ Данное явление не редкость в языках мира – очень часто указательные местоимения употребляются как в анафорической, так и в дейктической функции.

⁴¹¹ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 67-68.

интерпретируется как «определенный» объект и обязательно маркируется в формально занимаемой позиции прямого объекта⁴¹². В этом случае мы не находим никаких корпусных данных, противоречащих такому утверждению, поскольку местоимение *'asto* демонстрирует 100% облигаторность маркирования (17/17).

Взаимные местоимения представлены в иврите 4 вариантами, отличающимися друг от друга по степени формальности. Для письменной речи и формального регистра характерны местоимения *iš – xavero/re'ehu* (M), *iša – xaverta/re'uta* (F) и более редкие - *'exad – mišnehu* (M), *'axat – mišneha* (F), для разговорной речи и неформального регистра - *ze – ze* (M), *zo – zo* (F) и *'exad – ha-šeni* (M), *'axat – ha-šniya* (F)⁴¹³.

Особенностью взаимных местоимений в иврите является обязательная интерпозиция требуемого предлога (75) / маркера аккузатива (76).

(75) *hem ne'eman-im ze la-ze.*
они.М   верный-MPL   этот   для-этот
'Они верны друг другу.'

(76) *hem ra'u ze 'et ze.*
они.М   видеть.PST.3PL   этот   ACC   этот
'Они видели друг друга.'

Также как и возвратное местоимение *'asto*, взаимные местоимения требуют маркирования в транзитивной клаузе, как с формально грамматической, так и с семантической точек зрения. Структурно, каждый второй элемент всех взаимных местоимений является определенным (сам по

⁴¹² Местоимение *'asto* может употребляться также в определительной функции для подчеркивания имени существительного, к которому оно относится: *ta'ašimu 'et ha-sar 'asto* 'Вините самого министра'. Такая ИГ может быть интерпретирована только как определенная и должна маркироваться так, как было указано в п. 2.3.1.

⁴¹³ Подробнее о формах и особенностях дистрибуции взаимных местоимений см., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 68-69.

себе – *ze* ‘этот’ или с помощью показателя (*re‘ehu* (суффикс), *ha-šeni* (артикль)). Семантически, условием употребления взаимного местоимения, как правило⁴¹⁴, является наличие в той же финитной клаузе указания на конкретных акторов, осуществляющих действие. Соответственно, оформление взаимных местоимений в такой позиции является обязательным, что подтверждается данными корпуса (5/5).

Неопределенные местоимения

В п. 2.3.2. мы обсуждали использование неопределённых местоимений *‘exad* ‘один’, *eize*⁴¹⁵ ‘какой-то’ и *kalšehu* ‘какой-либо’, которые в современном разговорном иврите, употребляясь с неопределённым именем существительным, указывают на то, что референт такой ИГ не известен участникам речевой ситуации. Такие местоимения в нашей работе интерпретируются как уточняющие круг референции имени детерминативы, а ИГ, включающие неопределённые детерминативы, по данным корпуса НОГ, не маркируются в роли прямого объекта (см. ранее п. 2.3.2).

В данном разделе нами будут рассмотрены неопределённые местоимения, которые могут самостоятельно кодировать О-участника ситуации в транзитивной клаузе. Наиболее частотными местоимениями такого типа в современном иврите выступают *mišehu* ‘кто-то’ и *mašehu* ‘что-то’. Эти местоимения происходят от описанных выше форм вопросительно-относительных местоимений *mi* ‘кто’ и *ta* ‘что’ с помощью присоединения неотделяемой частицы *-šehu*. Они кодируют референт, который на момент речи не может быть идентифицирован говорящим. Единственной информацией, которой владеет говорящий на момент речи, является отождествление референта с одушевленным или неодушевленным объектом.

⁴¹⁴ Возможны контексты, где имена, кодирующие акторов, употребляются в общеродовом или экзистенциальном значении (подробнее такие референциальные статусы будут обсуждаться в Главе 3), например, *lif’amim ’anašim ’ohavim ’exad ’et ha-šeni, aval ze lo maspik* ‘Иногда люди любят друг друга, но этого недостаточно’. Но даже в этом случае маркирование будет обусловлено, по меньшей мере, наличием формального показателя определенности.

⁴¹⁵ Halevy R. Modern Hebrew syntax. Pp. 708-709.

Для одушевленных референтов говорящий может также воспользоваться местоимением *mišehi* (F), если по контексту ситуации очевидно, что речь пойдет о референте женского пола. При необходимости кодировать группу лиц, неизвестных говорящему, будут использованы неопределенные ИГ, например, *kama 'anašim* 'некоторые люди' и т.п. Если в претексте была упомянута группа лиц, то для обозначения одного/любого из них говорящим может быть использовано местоимение *'exad* (M) 'кто-то/какой-нибудь' / *'axat* (F) 'кто-то/какая-нибудь' (обычно с относительным придаточным, уточняющим круг референции, но не делающим референт однозначно идентифицируемым)⁴¹⁶.

В число других неопределенных местоимений для кодирования неодушевленных референтов в иврите входят *davar/dvar-ma* 'что-то/что-нибудь', *'exad* (M) 'какой-нибудь' / *'axat* (F) 'какая-нибудь' - для выделения одного (любого) объекта из группы, на которую указывалось выше в претексте.

(77) *po ugot kaḥ 'axat*
 здесь пирожные.F взять.IMP.MSG одна
 'Здесь пирожные. Возьми одно (какое-нибудь).'

В корпусе НОГ неопределенные местоимения, кодирующие О-участников ситуации в транзитивной клаузе, демонстрируют запрет на маркирование (0/7), причем как местоимения, кодирующие неодушевленный референт (*davar, mašehu*), так и — одушевленный (*mišehu*).

Таким образом, рассмотрев различные разряды местоимений, которые могут кодировать О-участника ситуации в транзитивной клаузе в современном иврите и проанализировав способы оформления прямого объекта, кодируемого различными местоимениями, с помощью данных НОГ корпуса, мы пришли к выводу о том, что способ оформления прямых объектов такого типа, безусловно, коррелирует с характером собственно

⁴¹⁶ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 65-66.

местоименного значения данных единиц, хотя для некоторых местоимений характерна вариативность маркирования даже несмотря на принадлежность к одному и тому же лексико-семантическому разряду (см. Таблицу 8).

Таблица 8. Частотность объектного маркирования местоимений в корпусе НОГ: сводные данные

Лексико-семантический разряд местоимения	Маркировано	%
Указательные местоимения	16/33	48%
Местоимение <i>ze</i>	15/15	100%
Местоимение <i>zot</i>	0/17	0%
Местоимение <i>'ele</i>	1/1	100%
Возвратные местоимения	17/17	100%
Местоимение <i>šneyhet</i>	1/1	100%
Вопросительные местоимения	1/3	33%
Относительные местоимения	5/6	83%
Взаимные местоимения	5/5	100%
Неопределенные местоимения	0/7	0%
Объектные местоимения	122/122	100%
ИТОГО	167/194	86%

Итак, местоимения, кодирующие О-участника ситуации в транзитивной клаузе, демонстрируют наибольшую вариативность объектного маркирования из всех описанных выше типов референциальных выражений, зафиксированных корпусом современного иврита НОГ. Из них вариативность маркирования в большей степени присуща вопросительным местоимениям (только 33% из зафиксированных в корпусе маркировано), указательным местоимениям (только 48% из них маркировано) и относительным местоимениям (83% маркировано). Несмотря на немногочисленность примеров опционального варьирования и

невозможность, соответственно, сделать объективные выводы о принципах варьирования местоимений, кодирующих прямоепрямое дополнение в иврите в целом, результаты, на наш взгляд, наглядно демонстрируют существование дополнительных факторов, лицензирующих вариативность объектного маркирования для определенных разрядов местоимений, помимо фактора «определенность», что и будет являться предметом исследования в Главе 3.

Выводы к Главе 2

В этой главе были изучены основные принципы асимметричного объектного маркирования, отраженные в научных исследованиях и нормативных грамматиках современного языка иврит, а также рассмотрены различные типы референциальных выражений, которые в иврите могут кодировать О-участника ситуации в транзитивной клаузе, распределив их относительно шкалы определенности по четырем категориям (неопределенные ИГ, определенные ИГ, имена собственные и местоимения).

Определенный статус ИГ может отражать, во-первых, определенный артикль; причем ИГ, обладающие определенным статусом, часто представляют собой, так называемые «полидефинитивы», т.е. конструкции, в которых показатели определенности повторяются у каждого элемента ИГ. Во-вторых, определенный статус присваивается генетивным конструкциям, зависимый элемент которых определен любым показателем детерминации (в т.ч. является именем собственным). Определенным статусом обладают также ИГ, состоящие из имени собственного или имени нарицательного с притяжательным суффиксом. Хотя в категорию определенных ИГ входят также ИГ с некоторыми детерминативами, указывающими на семантику определенности, в таких ИГ, как правило, присутствуют другие показатели детерминации (например, определенный артикль). Исключениями выступают детерминатив *'oto* 'тот самый/тот же самый', который не требует обязательного оформления имени существительного в составе ИГ определенным артиклем, а также согласованные с именем существительным

указательные местоимения, которые могут не оформляться определенным артиклем при условии отсутствия артикля у существительного (*sefer ze* ‘эта книга’). Неопределенные ИГ, соответственно, не оформляются показателями детерминации и не могут являться именами собственными; неопределенного артикля в иврите не существует.

Анализ структуры именных групп, показателей определенного статуса и вариативности объектного маркирования асимметричного типа позволяет сделать вывод о том, что в абсолютном большинстве случаев референциальные выражения, кодирующие прямой объект, оформляются маркером аккузатива в соответствии с основными принципами объектного маркирования, т.е. в соответствии с тезисом «все определенные выражения маркируются, все неопределенные — демонстрируют запрет на маркирование». Однако, согласно корпусным данным, только одна категория, «имена собственные», демонстрирует полную согласованность статистических данных с данным принципом, т.е. маркируется облигаторно в 100% контекстов. Остальные категории в разной степени демонстрируют опциональность маркирования в рамках одного или нескольких типов референциальных выражений внутри каждой категории (см. Таблицу 9).

Таблица 9. Корреляция параметра «определенность» и асимметричного объектного маркирования (согласно корпусу НОГ): сводные данные

Категория	Тип референциального выражения	Маркировано
Имена собственные	Имя собственное	100%
Определенные именные группы	Имя существительное с определенным артиклем или притяжательным суффиксом	100%
	ИГ с порядковым или количественным числительным (арт.+)	100%
	ИГ с указательным местоимением (арт.+)	100%
	ИГ с другими детерминативами (опр.+)	100%

	Конструкция сопряженного состояния (опр.+)	99%
	ИГ (арт.+) с <i>šel</i> и ‘двойной генетив’	98%
	ИГ с квантификатором	79%
	ИГ с указательным местоимением (арт.-)	0%
Местоимения	Объектные местоимения	100%
	Возвратные местоимения	100%
	Взаимные местоимения	100%
	Относительные местоимения	83%
	Указательные местоимения	48%
	Вопросительные местоимения	33%
	Неопределенные местоимения	0%
Неопределенные именные группы	Неоформленное показателем имя	0%
	Конструкция сопряженного состояния (неопр.+)	0%
	ИГ (арт.-) с <i>šel</i>	0%
	ИГ с количественным числительным	0%
	ИГ с другими квантификаторами	0%
	ИГ с детерминативом (неопр.+)	0%
	Конструкция партитива	75%

Выдвинем предположение, что для объяснения вариативности асимметричного объектного маркирования в современном иврите необходимо учитывать дополнительные факторы, лицензирующие объектное маркирование помимо параметра «определенность», освященного в этой главе, и для их выявления требуется рассмотреть отдельные типы референциальных выражений, продемонстрировавшие опциональность объектного маркирования, более подробно в Главе 3.

ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В АСИММЕТРИЧНОМ ОБЪЕКТНОМ МАРКИРОВАНИИ

Во второй главе было показано, что определенный статус референциального выражения, традиционно понимаемый в исследованиях по синтаксису иврита как бинарная категория, коррелирующая с наличием/отсутствием формальных показателей детерминации у ИГ, не может быть единственным параметром вариативности ассиметричного объектного маркирования в современном иврите. Задачами данной главы будут выявление набора факторов, лицензирующих объектное маркирование ассиметричного типа в современном иврите, при помощи текстового количественного анализа в рамках корпусно-статистического метода, а также формирование иерархии выявленных факторов и их аргументация в рамках существующих в функционально-типологической литературе взглядов на явление ДОМ. В частности, будет продемонстрировано, что способ оформления О-участника ситуации в транзитивной клаузе зависит от референциального статуса ИГ и от информационного статуса референта, кодированного данной ИГ. В целом, референтные ИГ, кодирующие более активные в дискурсе и, следовательно, когнитивно значимые для слушателя референты будут маркированы с большей вероятностью.

В данной главе мы рассмотрим другие параметры, определяющие степень индивидуализации объекта, которая, как было сказано в Главе 1, непосредственно коррелирует со способом ассиметричного объектного маркирования.

Напомним, по мнению П.Хоппера и С.Томпсон (см п. 1.2.2.), высокая степень индивидуализации соотносится с одушевленностью, определенностью и конкретно-референтным статусом объекта, в т.ч. выраженного именами собственными и формами единственного числа⁴¹⁷, а согласно Дж.Хану, индивидуализированный объект с наибольшей

---

⁴¹⁷ Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. P. 253.

вероятностью будет соответствовать следующим параметрам: определённая ИГ, присутствие квантификатора⁴¹⁸ в составе ИГ и отсутствие возвратного элемента у предиката, референтность и одушевленность референта, его кодирование именем собственным, а также степень активности референта в дискурсе⁴¹⁹. Часть этих параметров, а именно наличие показателей определённости, кодирование референта именем собственным, формами единственного/множественного числа, присутствие квантификатора в составе ИГ и дистрибуция возвратных элементов, на материале языка иврит уже были изучены нами в Главе 2.

В результате анализа корпусных данных (корпус НОГ) выяснилось, что некоторые типы референциальных выражений частотно проявляют опциональность объектного маркирования или демонстрируют несоответствие способа маркирования постулируемым принципам асимметричного объектного маркирования. К таким референциальным выражениям были отнесены следующие: относительные и вопросительные местоимения *mi* и *ma*, указательные местоимения и ИГ с указательными местоимениями, не оформленные определенным артиклем (типа *sefer ze* 'эта книга'), ИГ с квантификатором *kol*, конструкции партитива.

В данной главе мы рассмотрим дискурсивно-прагматические параметры, связанные с категорией «определённость», которые могли бы повлиять на описанные выше результаты для указанных типов референциальных выражений. В частности, мы проанализируем такие часто рассматриваемые в работах, посвященных ДОМ, факторы-лицензоры как: *референциальный статус*⁴²⁰, *одушевленность* референта⁴²¹ такой ИГ, его

⁴¹⁸ У Дж.Хана: «квантификатора».

⁴¹⁹ Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. Pp. 469-470.

⁴²⁰ Тип референциального выражения, кодирующего прямой объект, и референциальный статус таких выражений рассматривают, в частности, А.Л.Мальчуков и П.Де Сварт (Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation. P. 339–355).

⁴²¹ Мнение о том, что одушевленность референта также является, скорее, прагматической характеристикой, которое представляется вполне обоснованным, учитывая следующий ниже анализ объектного маркирования в современном иврите, высказал П.Бекинс

идентифицируемость и *доступность* в дискурсе⁴²². Последние три параметра часто ассоциируются с «информационным статусом референта», о котором еще пойдет речь ниже.

В Главе 3 источниковой базой будут статистические данные, предоставленные, главным образом, исследовательским корпусом НОТ (Hebrew Object Targeted corpus), принципы формирования и методология работы с которым были сформулированы в п. 2.2.

Представленные в Таблице 10 ниже данные корпуса НОТ подтверждают, что выделенные нами категории действительно в той или иной степени демонстрируют опциональное маркирование.

Таблица 10. Частотность маркирования референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование (согласно корпусу НОТ): сводные данные

Тип референциального выражения	Маркировано	%
Относительные местоимения	100/129	78%
ИГ с квантификатором <i>kol</i>	197/316	62%
Указательные местоимения	139/290	48%
Конструкция партитива	59/155	38%
Вопросительные местоимения	31/92	34%
ИГ с указательным местоимением(неопр.+)	6/223	3%
Общий итог	532/1205	44%

применительно к материалу древнееврейского языка (Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. P.126).

⁴²² Соотносить грамматическую категорию определенности с прагматическими параметрами «идентифицируемость» и «доступность» принято в дискурсивной подходе к ДОМ (см., например, Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 388 p.).

Анализируя данные корпуса НОГ, мы выявим роль предложенных факторов для всех типов референциальных выражений, кодирующих О-участника ситуации в транзитивной клаузе в современном языке иврит.

3.1. Референциальный статус ИГ в современном иврите

Важность референциального статуса ИГ для дифференцированного объектного маркирования (ДОМ) была описана нами в Главе 1. Многие исследователи указывали на корреляцию параметров «определенность» и «референциальный статус»⁴²³, в частности на то, что большинство определённых ИГ референтны и можно рассматривать «определённый» как разновидность «референтного»⁴²⁴.

В нескольких исследованиях выстраивается шкала определенности, учитывающая, в том числе, референциальные характеристики ИГ⁴²⁵:

(78) Шкала определенности:

Местоимение > Имя собственное > Определённое имя > Референтное неопределённое имя > Нереферентное имя

Однако в нашей работе мы будем различать «формальную» определенность, выражаемую в современном иврите показателями определенности (детерминации), о которых шла речь в Главе 2, и референциальный статус, поскольку, как будет продемонстрировано ниже, для некоторых типов референциальных выражений такое разграничение критериев будет критически значимо.

Напомним, что под референтностью, как было указано в 1.4.1., мы понимаем «соотнесение и соотнесённость языковых выражений с

⁴²³ См., например, Givón T. Definiteness and Referentiality. Pp. 291–330.; Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. Pp. 274-307; Lambrecht K. Information structure and sentence form ... 388 p.; Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related languages. Pp. 1-40; Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142 и т.д.

⁴²⁴ Givón T. Syntax: an introduction. P. 441.

⁴²⁵ Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. Pp. 435–483; Heusinger K., Kornfilt J. The Case of the Direct Object in Turkish. Pp. 3-44.

внеязыковыми объектами и ситуациями»⁴²⁶, или иначе говоря, с действительностью, а точнее с моделью действительности в сознании участников речевого акта⁴²⁷.

Несмотря на отсутствие подробной классификации способов оформления референтных и нереферентных ИГ в иврите и в целом недостаточную изученность темы референциальности на материале современного иврита, некоторые исследователи используют теоретические разработки данной области лингвистики в своих работах. В частности, по мнению Л.Глинерта, оформление ИГ определенным артиклем (т.е. основным показателем детерминации) призвано проинформировать адресата, что ему известен референт данной ИГ⁴²⁸. Эта осведомленность может приобретаться в результате указания на объект обсуждения, например, с помощью жеста, упоминания объекта в претексте или в последующем дискурсе, а также благодаря концептуальной уникальности объекта (например, *ha-‘olam* ‘мир’, *ha-šemeš* ‘солнце’) или его уникальности в данной ситуации, в данных обстоятельствах (*ha-mištara* ‘(местная) полиция’, *ha-horim* ‘родители’ (одного из собеседников или обсуждаемого лица))⁴²⁹. Говоря об «уникальности» референта, Глинерт подразумевает то, что А.В.Шмелев называет «единственность объекта, удовлетворяющего выбранной номинации»⁴³⁰ в рамках существующего на момент речи денотативного пространства, т.е. того фрагмента внеязыковой действительности, который релевантен для понимания конкретного высказывания.

Такие ИГ, кодирующие однозначно идентифицируемые в прагматически-релевантном денотативном пространстве референты, будут

⁴²⁶ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С.79.

⁴²⁷ Данное уточнение было предложено в работе Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142 и ниже мы продемонстрируем важность этого уточнения для изучения ДОМ в иврите.

⁴²⁸ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 13.

⁴²⁹ Ibid. P. 13-15.

⁴³⁰ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 34-36, 74.

обладать конкретно-референтным статусом⁴³¹, однако могут отличаться по степени идентифицируемости (см. 1.4.2.). В частности, референты упомянутых в дискурсе ранее ИГ будут обладать наибольшей идентифицируемостью («задействованные»), идентифицируемые с помощью ситуативного контекста («вычислимые») – сравнительно меньшей, а неиспользованные ранее в дискурсе, но те, о которых слушающий имеет общее представление как об уникальных объектах, – наименьшей из возможных для данного типа. Именно конкретно-референтные ИГ наиболее частотно сопровождаются в иврите типичными показателями детерминации (определенный артикль, определенный детерминатив, притяжательный суффикс, имя собственное), но, как было указано в п. 1.4.2, выбор говорящего в пользу оформления конкретным показателем будет зависеть от расположения референта в Иерархии данности, т.е. в краткорочной памяти говорящего и адресата⁴³².

Однако определенный артикль может оформлять не только конкретно-референтные ИГ, особенно, если речь идет не про индивидуальные ИГ. В работе Е.В.Падучевой 2017 г. понятие «неконкретно-референтные ИГ» объясняется как включающее, в том числе, *универсальные и родовые ИГ*⁴³³. Универсальные ИГ могут быть представлены как конкретными, так и абстрактными множествами. В первом случае речь идет о множестве объектов, находящихся в общем прагматически обусловленном денотативном пространстве коммуникантов («Все дети уснули»), а во втором – о множестве, составляющим экстенционал указанного имени («Все дети хотят стать взрослыми»).

⁴³¹ В данном исследовании референциальный статус ИГ будет определяться в соответствии с работой Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. 293 с.

⁴³² Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. P. 275.

⁴³³ Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы [Электронный ресурс].

В современном иврите, для кодирования как конкретных, так и абстрактных множеств частотно используется квантификатор *kol* ‘все’, сопровождаемый формой имени во множественном числе: *kol (ha-)sfarim* ‘все книги’. В работе Л.Глинерта 1989 годаг. издания отмечается, что универсальная интерпретация для ИГ, включающих квантификатор *kol*, возможна как в случае, если существительное оформлено показателем определенности, т.е. если «объемлющее» множество состоит из нескольких объектов, введенных в поле зрения адресата речи или однозначно определяемых выбранной дескрипцией, так и в том случае, когда имя не оформлено показателем⁴³⁴. Однако в последние годы все более нормативным является употребление квантификатора *kol* с формой множественного числа в определенном состоянии. Это наблюдение подтверждается данными корпуса НОГ, где 100% (11/11) таких ИГ оформлены либо артиклем, либо притяжательным суффиксом.

Родовое (generic) употребление ИГ подразумевает соотнесенность либо «с классом объектов (с экстенционалом общего имени), либо с эталонным, типичным представителем класса»⁴³⁵. И, несмотря на то, что такие ИГ относятся к неконкретно-референтным, они также могут оформляться артиклем в современном иврите:

(79) *ha-hodim*   *хахатим*

DEF-индийцы   умные

‘Индийцы умные’.

От универсальных родовые ИГ отличаются тем, что не предполагают вовлеченность всех представителей класса, обозначенного именем, а, напротив, допускают исключения.

Однако при употреблении ИГ с родовым статусом определенный артикль может и не употребляться⁴³⁶:

⁴³⁴ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 72.

⁴³⁵ Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы [Электронный ресурс].

⁴³⁶ Этот и предыдущий примеры см. Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 20-21.

- (80) *'ahavti*   *hod-im*
 любить.PST.1SG   индийцы
 'Мне понравились индийцы'.

Более того, оформление данной ИГ определенным артиклем, не только потребует употребления маркера аккузатива, но и, по-видимому, заставит по-другому интерпретировать высказывание:

- (81) *'ahavti*   *'et*   *ha-hodim.*
 любить.PST.1SG   ACC   DEF-индийцы
 'Мне понравились (эти) индийцы'.

В данном случае ИГ естественным образом приобретает конкретно-референтный статус, который позволяет предположить, что говорящий познакомился/встретился с определенным множеством лиц, обозначаемым как «индийцы», и данным высказыванием выражает свое к ним отношение.

Отметим, что квантификатор *kol* может употребляться не только для обозначения «объемлющего» множества⁴³⁷. При употреблении с именем существительным в форме единственного числа, кодирующим референт с конкретно определенной референцией и оформленным, соответственно, показателем определенности (например, артиклем), вся ИГ также приобретает конкретно-референтный статус и значение полноты охвата⁴³⁸:

- (82) *kol*   *ha-sefer*
 весь   DEF-книга
 «вся книга»

⁴³⁷ Термин «объемлющее множество» употребляется А.Д.Шмелевым в Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С.85-86.

⁴³⁸ Согласно А.Д.Шмелеву, в русском языке также наблюдается параллелизм параллелизм в употреблении форм единственного и множественного числа с квантификаторами «все» и «весь». В частности, в таких примерах как «выпил все молоко (все сливки)» (Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С.85-86).

При необходимости подчеркнуть полный охват объекта действием в постпозиции к имени используется детерминатив *kulo* (М) (*kula* (F)) «целиком».

Наличие/отсутствие показателя определенности (определенного артикля) у существительного в ИГ с квантификатором *kol* будет играть ключевую роль для интерпретации всей ИГ. Употребление *kol* с неопределенным именем существительным в форме единственного числа требует индивидуального рассмотрения элементов множества, участвующих в рассматриваемой ситуации, т.е., в терминологии А.Д.Шмелева выражает значение «выделенности»⁴³⁹, соответствующему русскому слову «каждый».

(83) *kol sefer*
 весь книга
 ‘каждая книга’

Причем в данном случае множество, из которого выделен объект речи, может быть как известным адресату и конечным (рус. «каждый»), так и бесконечным, подразумевая все множество объектов, называемых данным именем (близко к семантике рус. «всякий/любой»⁴⁴⁰). В отличие от русского языка, различие значений «каждый» (индивидуально рассматриваемый элемент открытого или ограниченного множества («Каждая книга привносила в мою жизнь что-то новое»)) и «всякий» (собирательное понимание всех элементов принципиально неограниченного множества («Всякая книга опережает опыт читателя»))⁴⁴¹ на лексическом уровне в иврите не производится, в любом из приведенных выше примеров правомерным будет употребление словосочетания *kol sefer*. Однако выявить

⁴³⁹ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 87.

⁴⁴⁰ «Любой» на иврит можно перевести также с помощью детерминатива *kalšehu*, однако он имеет тенденцию употребляться преимущественно в устной речи.

⁴⁴¹ Более подробно о семантических различиях слов, соответствующих русским «каждый», «всякий», «любой» см., например, Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. С. 79-94; Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 83-88; Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы [Электронный ресурс] и т.д.

точное значение такой ИГ и, соответственно, ее референциальный статус⁴⁴², позволяет контекст.

- (84) *im tiš'alu kol xatan bar micva*
 если спрашивать.FUT.2PL весь жених бар-мицва
 ‘Если вы спросите **любого празднующего бар-мицву**,
ma ha-davar še-hu haxi mexake
 что DEF-вещь который-он наиболее ждать.PRS.MSG
 чего **он** больше всего ждет,
hu yagid la-xem matanot
 он сказать.FUT.3MSG DAT-2MPL подарки
он скажет вам — подарки’.

В данном примере единственной возможной интерпретацией выражения *kol xatan bar micva* является именно «любой празднующий бар-мицву», поскольку индивидуальное рассмотрение каждого объекта (в данном случае, опрос каждого празднующего бар-мицву мальчика) невозможно, да и не предполагается контекстом высказывания. Соответственно, ИГ *kol xatan bar micva* мы будем воспринимать как ИГ с универсальной референцией, а анафорические местоимения *hu* (MSG) как имеющую *переменную* референцию в релевантном-денотативном пространстве с обобщенным значением⁴⁴³.

А.Д.Шмелев, однако, также связывает такой тип высказываний с «переменным денотативным пространством», которое «задается поочередно выбираемыми элементами некоторого введенного в рассмотрение множества»⁴⁴⁴. Соответственно, Шмелев вводит понятие «*дистрибутивной*

⁴⁴² Согласно Е.В.Падучевой, в случае указания на дистрибутивную множественность (например, рус. «каждый») ИГ воспринимается как конкретно-референтная, а построенная на базе общего имени с открытым экстенционалом, т.е. подразумевающая неограниченное открытое множество («любой»), – как универсальная (Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. С. 96).

⁴⁴³ Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы [Электронный ресурс].

⁴⁴⁴ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 98.

определенности» для случаев, когда референт будет определяться однозначно в каждом отдельно взятом денотативном пространстве (например, «Конь иногда сбивает седока»), и «дистрибутивной неопределенности», для случаев, когда в каждом из меняющихся денотативных пространств имеет место неопределенная референция (например, «У любых двух людей найдется тема для разговора») ⁴⁴⁵.

Например, дистрибутивная определенность имеет место в высказываниях, где уточнение референта происходит с помощью притяжательного суффикса, отсылающего к упомянутому в претексте множеству:

- (85) *batey*   *ha-din*   *ha-rabanim*   *ka-cafui*
 дом.GEN   DEF-закон   DEF-раввинские   как-ожидаемо
 ‘раввинские суды, как и ожидалось,
yaf’ilu   *’et*   *kol*   *kox-am*
 делать.FUT.3PL ACC   все   сила-POSS.3MPL
 приложат **все свои силы**’

В данном случае ИГ *batey ha-din ha-rabbanim* ‘раввинские суды’ имеет конкретно-референтный статус в переменном денотативном пространстве, поскольку подразумевается, что *каждый* конкретный суд (даже если он не упоминался ранее в претексте и не адресат не может все их однозначно идентифицировать) приложит все *свои* силы, чтобы не допустить описанной в претексте ситуации.

Референциальный статус ИГ может кодироваться не только с помощью определенного артикля или его отсутствия. Как референтные, так и не референтные ИГ могут оформляться с помощью детерминативов: *sefer ze* (‘эта книга’, определенный конкретно-референтный статус), *sefer ’xad* (‘одна книга/какая-то книга’ в ситуации, когда говорящий знает, о чем речь, а для

⁴⁴⁵ Там же. С. 98-99.

слушающего референт неизвестен, слабоопределенный референтный), *eizešehem sfarim* ('какие-то книги', неопределенный референтный), *šum sefer* ('никакая книга', нереферентный статус)⁴⁴⁶.

Важнейшим фактором при определении референциального статуса ИГ вообще и, в том числе, ИГ с *kol* является употребления ИГ в контексте отрицания. Причем в случае, если отрицание заключено в семантике глагола, то *kol* чаще всего формирует ИГ универсальной референции (86), а если отрицается само действие, выражаемое глаголом, то ИГ будет считаться нереферентной (87).

(86)	<i>haras</i>		<i>kol</i>	<i>efšarut</i>
	разрушать.PST.3MSG		весь	возможность
	'Он разрушил любую возможность.'			
(87)	<i>hu</i>	<i>lo</i>	<i>kibel</i>	<i>kol tašlum</i>
	он	не	получать.PST.3MSG	весь плата
	'Он не получил никакой платы.'			

Нереферентными будут считаться также ИГ, выраженные отрицательными местоимениями (например, *klum* 'ничего', *af 'exad* 'никто') и ИГ с детерминативами в форме местоимениями отрицательной полярности, например, *kalšehu* ('какой-либо') при условии употребления в условном или вопросительном предложении, а также *af* и *šum* в отрицательных предложениях.

Как следует из вышесказанно, референциальный статус ИГ тесно связан с формальным статусом определенности, который выражают различные показатели детерминации. В частности, многие референтные ИГ

⁴⁴⁶ Некоторые из перечисленных ИГ могут приобретать другие статусы в зависимости от контекста. Например, в высказывании *hu hevi eizešehem sfarim* ('Он принес какие-то книги') ИГ получит слабоопределенный референтный статус. Но, например, ИГ с детерминативом *šum* будут обладать нереферентным статусом всегда, поскольку всегда будут употребляться в контексте «снятой утвердительности», а именно в отрицательных предложениях.

(как определенные конкретно-референтные, так и неконкретно-референтные: универсальные и родовые) будут оформляться определенным артиклем или другими показателями. Точно также нереферентный статус связан с неопределенным состоянием ИГ, и, соответственно, ИГ со статусом нереферентных или подразумевающие свободный выбор референта и употребляющиеся в отрицательных контекстах или контекстах со снятой утвердительностью, не будут оформляться показателями детерминации.

Проверим данное утверждение на данных корпуса НОГ (см. Таблицу 11).

Таблица 11. Корреляция параметра «референциальный статус» и асимметричного объектного маркирования (согласно корпусу НОГ) (p-value < .00001).

Тип именной группы	Маркировано	% маркированных
Референтные ИГ	530/672	79%
Нереферентные ИГ	61/508	12%
Общий итог	591/1180	50%

В соответствии с Таблицей 11, несмотря на равное количество маркированных и немаркированных ИГ, кодирующих прямой объект в корпусе НОГ, дифференциация по их референциальному статусу очевидна: референтные ИГ маркируются в 6,6 раз чаще, чем нереферентные. Параметр *p-value*⁴⁴⁷, вычисленный для указанных в таблице данных, также доказывает несомненную корреляцию между маркированностью ИГ, кодирующей О-участника ситуации в транзитивной клаузе, и ее референциальным статусом.

⁴⁴⁷ Параметр *p-value* (уровень значимости) в этой и последующей таблицах отражает результат теста «хи-квадрат» (chi-square), использующийся в статистических исследованиях для определения вероятности того, что указанная корреляция является случайностью. Значение *p-value* менее 0,05 указывает на то, что вероятность случайной корреляции между переменными меньше 5%, что обычно считается статистически значимым. Подробнее о методе подсчета и использовании уровня значимости в корпусных исследованиях см., например, Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: диссертация: диссер. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. М., 2014. 321 с.

Однако, во многих случаях в связи с тем, что многие референтные группы могут маркироваться показателями определенности, невозможно установить, какой фактор лицензирует маркирование, «статус определенности» или «референциальный статус». Например, ИГ, оформленные притяжательным суффиксом, артиклем или являющиеся именами собственными, на основании данных корпуса НОГ, кодируя прямой объект, маркируются облигаторно (377/377) и при этом все они обладают референтным статусом, что не позволяет точно установить, какой из двух факторов оказывает большее влияние на способ маркирования.

Однако, как будет показано ниже, в некоторых случаях референциальный статус оказывается критически важным для понимания выбора способа кодирования референта и оформления кодирующего его референциального выражения, выступающего в роли прямого объекта.

3.1.1. Конструкция сопряженного состояния

Рассмотрим генетивные конструкции с сопряженной формой имени, которые описывались в разделе 2.3.1. Мы указали, что, по мнению Г.Данон, существует несоответствие между семантической и грамматической определенностью некоторых конструкцией сопряженного состояния, например (88-89)⁴⁴⁸.

(88) *'oved ha-bniya šavar 'et ha-xalon.*
 рабочий.GEN DEF-стройка разбить.PST.3MSG ACC DEF-окно
 'Рабочий стройки разбил окно.'

(89) *hu lakax 'et girzan ha-yad.*
 он взять.PST.3MSG ACC топор.GEN DEF-рука
 'Он взял ручной топор.'

⁴⁴⁸ Danon G. The Hebrew Object Marker and Semantic Type; Danon G. Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew.

В обоих описываемых контекстах ИГ, кодирующие О-участника ситуации, не встречаются в предшествующем или последующем дискурсе, что позволяет считать их малозначимыми и, на первый взгляд, неиндивидуализированными объектами, которые, тем не менее, оформляются определенным артиклем. Г.Данон считает обе этих ИГ семантически неопределенными и поэтому объясняет такое несоответствие между семантической неопределенностью и маркированием с помощью маркера аккузатива прямого объекта «синтаксическим Падежом»⁴⁴⁹. Но на наш взгляд, корни этого явления лежат в области референциальности. В частности, и в (88), и в (89) оба референта будут неизвестными для говорящего и адресата, но кодирующие их ИГ будут референтными. Референциальная соотнесенность осуществляется в данном случае через ассоциации с другими определенными референтами, относящимися к конкретной описываемой ситуации, т.е. объект индивидуализируется своим участием в ситуации, описанной высказыванием⁴⁵⁰. В первом случае через ассоциацию с конкретной стройкой, упоминавшейся ранее в претексте (*ha-bniya* ‘DEF-стройка’): ИГ при этом будет иметь слабоопределенный или неопределенный референтный статус – в зависимости от знаний и намерений говорящего. А во втором случае референтность достигается через описание ситуации, в которой, как понимает участник коммуникации, под рукой героя оказался вполне конкретный объект, референт которого кодирует конкретно-референтная ИГ (*girzan ha-yad* ‘ручной топор’). Ситуативный контекст, позволяющий установить конкретно-референтный статус данной ИГ формирует в сознании интерлокуторов релевантное денотативное пространство, на основе которого происходит идентификация референта ИГ. Однозначная идентификация на основе ассоциативного контекста предполагает обязательную единичность референта в рамках релевантного

---

⁴⁴⁹ Ibid.

⁴⁵⁰ См. понятие «ассоциативная определенность» в п. 1.4.1.

денотативного контекста⁴⁵¹. При этом соотнесенность данного денотативного пространства с физическим контекстом ситуации не является принципиально значимой, поскольку релевантное денотативное пространство выстраивается в сознании участников речевого акта, и упоминаемые в дискурсе референты тем или иным образом соотносятся с *моделью этой действительности*⁴⁵².

Таким образом, конструкции сопряженного состояния, оформленные определенным артиклем, референты которых не упоминались участниками речевого акта в претексте и не знакомы из их жизненного опыта (ср. *the sun*), могут являться неопределенно-референтными, слабореферентными и даже конкретно-референтными при условии презумпции существования и единичности в общем релевантном денотативном пространстве, сформировавшимся в сознаниях интрелокуторов.

Итак, оформление такого рода неопределенных и слабоопределенных референтных ИГ показателями детерминации вполне объяснимо, а фактором-лицензором облигаторного объектного маркирования может служить как формальный определенный статус ИГ, так и референтный статус ИГ. И хотя мы склоняемся к мнению, что наличие формальных показателей все еще играет решающую роль в ДОМ типичных ИГ, однако эти показатели, в свою очередь, обусловлены референтным статусом ИГ.

3.1.2. Именные группы с квантификатором *kol*

Другим примером, позволяющим отметить очевидную корреляцию между референциальным статусом ИГ и способом маркирования выраженным этой ИГ прямого объекта является вариативность маркирования местоимения всеобщности *kol*, кодирующего референт самостоятельно и соответствующего русскому местоимению «все».

⁴⁵¹ Кагирова В.А. Определенный артикль в современном восточноармянском языке: типология и диахрония: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20; СПб., 2013. 26 с.

⁴⁵² Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках. С. 59-142.

В соответствии с грамматикой Л.Глинерта, в качестве прямого дополнения могут употребляться две формы местоимения: с определенным артиклем (*ha-kol*) и без него (*kol*), но в обоих случаях такой объект не маркируется⁴⁵³:

- (90) *ra'iti*   (*ha-*)*kol*.
          видеть.PST.1SG   (DEF-)весь
          ‘Я видел(а) всё.’

В целом, употребление двух форм для указания на бесконечное множество («всё»), а также практически полный запрет на маркирование объекта, кодируемого таким образом, подтверждается данными корпуса НОТ⁴⁵⁴. Корпус демонстрирует также тенденцию регулярного употребления формы *kol*, как вершины придаточного предложения, формально ограничивающего бесконечное множество:

- (91) *e'ese*   *kol*   *še-*   *be-*   *yad-ai*
       делать.FUT.1SG   весь что в-   руки-POSS.1SG
       ‘Я сделаю все, что в моих руках.’

- (92) *nisiti*   *kol*   *še-*   *be-*   *yexolt-i*
       пытаться.PST.1SG   весь что в-   возможность.GEN-POSS.1SG
       ‘Я пробовал (сделать) все, что в моих силах.’

Похожее значение относительных придаточных наблюдается во всех 6 контекстах, употребления *kol*. Местоимение *ha-kol* также частотно кодирует Пациенс глагола ‘*asa* ‘делать’, однако в большинстве случаев (9/10) не требует присоединения придаточного предложения, как-либо ограничивающего указанное множество. Вместо относительного придаточного за местоимением следует формулировка цели того действия, которое описывает финитная форма глагола, вводящаяся союзом *kdey*

---

⁴⁵³ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 94.

⁴⁵⁴ В корпусе НОГ самостоятельного употребления местоимения *kol* зафиксировано не было.

«чтобы», а также обстоятельство действия или его бенефициант, кодирующийся с помощью предложной группы. Как ни странно, но регистр речи также, по-видимому, не оказывает существенного влияния, на выбор способа кодирования референта: *kol* – 4 в формальном регистре, 3 — в неформальном, *ha-kol* – 6 в формальном регистре, 4 — в неформальном. Таким образом, представляется, что ни одна из перечисленных характеристик не оказывают влияния на способ объектного маркирования данного местоимения всеобщности.

Из 17 контекстов употребления *kol/ha-kol* маркируется только один (6%), в котором употребляется *ha-kol*. С одной стороны, наличие определенного артикля, может показаться достаточным основанием для маркирования, однако в остальных 9 контекстах *ha-kol* не маркируется, несмотря на наличие показателя. Мы видим объяснение такой вариативности в различном референциальном статусе местоимений в этих контекстах. В 16 контекстах статус местоимений *kol/ha-kol* является универсальным, и только в 1 – конкретно-референтным. Именно этот единственный контекст демонстрирует наличие маркера аккузатива *'et* (93).

В описании рецепта приготовления салата употребляется высказывание:

(93) *koceciṁ* *'et* *he-'alim* *u-me'arbevīm* *'et* *ha-kol*
 резать.PRS.MPL ACC DEF-листья и-смешивать.PRS.MPL ACC DEF-всё
 'Режем (эти) листья и смешиваем (это) всё.'

Местоимение *ha-kol* в (93) является анафорическим и указывает на перечисленные ранее в претексте ингредиенты. Соответственно, оно обладает конкретно-референтным статусом, который, на наш взгляд, в данном примере и лицензирует объектное маркирование.

Аналогично обязательное объектное маркирование демонстрируют другие ИГ с квантификатором *kol*, имеющие конкретно-референтный статус (Таблица 12).

Таблица 12. Частотность объектного маркирования именных групп с квантификатором *kol*, имеющих конкретно-референтный статус в корпусе НОТ

Референциальное выражение	Маркировано	%
<i>kol ze</i> 'всё это'	7/7	100%
<i>kol 'elu</i> 'все эти'	2/2	100%
<i>kulanu/kulo</i> 'все мы/весь он'	7/7	100%
<i>kol 'exad me-</i> 'каждый из...'	1/1	100%
<i>ha-kol</i> 'всё'	1/1	100%
<i>kol</i> + ИГ(опр.+)	106/107	99%
ИТОГО	124/125	99%

Для большинства референциальных выражений в Таблице 12 не вполне ясно, насколько облигаторное объектное маркирование обусловлено именно конкретно-референтным статусом ИГ. Как мы указали, конкретно-референтными в данном случае будут называться ИГ, которые отсылают к известному множеству или объекту целиком, и большинство из них в языке иврит будут иметь определенный статус, маркированный показателями детерминации. Данные Таблицы 12 демонстрируют практически абсолютное совпадение конкретно-референтных ИГ, ИГ с определенным статусом и ИГ, подлежащих обязательному объектному маркированию (124/125 маркировано). Единственным исключением, а именно определенной конкретно-референтной ИГ, которая, тем не менее, не была маркирована маркером аккузатива, стала ИГ в заголовке интернет-сайта. Как было указано в п. 2.1, «телеграфный стиль» заголовков и других текстов, требующих сокращения, может допускать пропуск аккузативного маркера, что, видимо, и произошло в данном контексте. Соответственно, определить, какой из двух факторов (грамматическая определенность или конкретный

референциальный статус) будет обуславливать выбор способа маркирования для данных референциальных выражений затруднительно.

Рассмотрим выражение *kol 'exad me-* 'каждый из...'. В контексте (94) данная ИГ будет интерпретироваться как конкретно-референтная ИГ, т.к. все референты указанного множества известны из претекста и действие транзитивного глагола будет распространяться на каждый элемент множества:

(94) <i>lenaseax</i>		'et <i>ktav</i>	<i>ha-išum</i>
формулировать.INF	ACC	документ	DEF-обвинение
‘(чтобы) сформулировать (этот) обвинительный акт			
<i>hi bikša</i>	<i>lefaked</i>	'et	<i>kol 'exad</i>
она просить.PST.3FSG	приказывать.INF	ACC	весь один
она просила предъявить (обвинение) каждому			
<i>me-arba 'at</i>	<i>ha-ne'ešamim</i>	<i>al-xelk-o</i>	<i>bilvad ba-paraša</i>
из-четыре.GEN	DEF-обвиняемые	на-часть-	только в-DEF-дело
		POSS.3MSG	
из четырех подсудимых только по его части в (этом) деле’			

Сравним данный контекст (94), где референциальное выражение указывает на индивидуализированную группу объектов, упомянутых в предшествующем дискурсе, в которой каждый из объектов будет претерпевать действие, обозначаемое глаголом транзитивной клаузы, и нижеследующий гипотетический контекст (95), в котором референциальное выражение *kol 'exad me-* имеет универсальное значение и не маркируется аккумулятивом.

(95) <i>kdey</i>	<i>še-kol</i>	<i>'exad me-hem</i>	<i>yevi</i>
чтобы	что-весь	один	из-них
			приводить.FUT.3MSG
‘для того, чтобы каждый из них ⁴⁵⁵ привел			

⁴⁵⁵ Данная ИГ не подразумевает конкретного множества лиц, известных адресату из контекста. Предыдущее высказывание дает понять, что речь идет о находящемся в поле зрения коммуникантов, но неопределенном круге лиц с открытым экстенционалом: «Да,

<i>rešimat</i>	<i>šemot</i>	“ <i>manhigeu</i>	<i>ha-mexa 'a</i> ”	
список.GEN	имена	лидер.MPL.GEN	DEF-протест	
список имен «лидеров протеста»				
<i>ve-ye 'afyen</i>		<i>kol</i>	<i>'exad</i>	<i>me-hem</i>
и-характеризовать.FUT.3MSG	все	один	из-них.MPL	
и охарактеризовал каждого из них... ’				

В примере (95) говорящим не только используется контекст снятой утвердительности (сослагательное наклонение и гипотетическая ситуация, которую говорящий считает маловероятной, что очевидноочевидно из контекста высказывания), но и множество, к которому относится выражение «каждого из них» не является конкретно-референтным, несмотря на употребление определенного артикля (*manhigeu ha-mexa 'a* ‘лидеры DEF-протеста’). Как было описано выше, наличие артикля не обязательно предполагает конкретно-референтный статус ИГ, а в данном случае автор сам применяет дополнительное средство, указывающее на неопределенность референтов множества ‘лидеры протеста’, давая возможность трактовать данное множество как открытый экстенционал, — заключает данную ИГ в кавычки. И, таким образом, структурно одинаковые ИГ в примерах (94) и (95) маркируются принципиально различно.

Однако корпус НОТ демонстрирует бóльшую вариативность объектного маркирования ИГ с квантификатором *kol*, в которых формальной вершиной относительного придаточного становится относительное местоимение *mi* или *ta*, кодируя референт конструкцией типа «всё то, что...» / «все те, кто...» (см. Таблицу 13).

вполне вероятно, что благодаря государственной политике они станут более открытыми для споров».

Таблица 13. Частотность объектного маркирования конструкций с квантификатором *kol* и последующим относительным местоимением в корпусе НОТ

Тип референциального выражения	Маркировано	%
<i>kol mi še</i> - ‘каждый/все кто ...’	4/4	100%
<i>kol ma še</i> - ‘всё что ...’	11/20	55%
Общий итог	15/24	63%

Из 4 маркированных референциальных выражений, включающих местоимение *mi* ‘кто’, 3 обладают конкретно-референтным статусом, и 1 – универсальным. Тогда как из 11 маркированных включающих местоимение *ma* ‘что’ конкретно-референтным статусом обладает 10, а универсальным — 1. Таким образом, с одной стороны, мы еще раз подтверждаем гипотезу, изложенную выше, что референциальный статус ИГ является одним из факторов-лицензоров асимметричного объектного маркирования в современном иврите. А с другой стороны, выдвигаем предположение о наличии дополнительного параметра, который мог бы объяснить, почему, согласно корпусным данным, конструкции, включающие местоимение *mi* ‘кто’, маркируются в роли прямого объекта в несколько раз чаще, чем аналогичные по структуре, статусу определенности и референциальному статусу конструкции, включающие местоимение *ma* ‘что’⁴⁵⁶. Проанализируем этот вопрос ниже, в п. 3.2.

3.1.3. Конструкция партитива

Интересным примером влияния референциального статуса ИГ на способ объектного маркирования является также конструкции партитива. В Главе 2 было установлено, что конструкция партитива демонстрирует

⁴⁵⁶ Напомним, что похожая картина была зафиксирована на основании данных корпусе НОГ на примере относительных и вопросительных местоимений без употребления квантификатора *kol* (см. п. 2.3.4).

высокую степень опциональности асимметричного объектного варьирования, в целом, и наибольшую в категории, если рассматривать формально неопределенные ИГ (75% (3/4) было маркировано). Согласно предложенной авторами А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут методике, экспериментальным путем было установлено, что «уровень одобрения» маркированных с помощью *'et* партитивных конструкций среди участников (носителей иврита) составляет 3,5-3,72 из 5 баллов, согласно предложенной авторами методике⁴⁵⁷. Результаты отличались в зависимости от типа конструкции партитива и способа объектного маркирования, но можно заметить, что уровень приемлемости для носителей находился примерно в промежутке между 70-74%, что очень близко к результату, полученному для случайно взятых конструкций партитива, согласно корпусу НОГ (75%).

А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут рассматривают данный вопрос, исходя из парадигмы формального синтаксиса, опираясь на работы израильского лингвиста Г.Данон. Как мы уточняли в Главе 2, Г.Данон рассматривает определенность в современном иврите как синтаксическую характеристику, наличие которой не всегда коррелирует с семантической/прагматической определенностью⁴⁵⁸. Авторы работы, соответственно, придерживаются схожих взглядов, и хотя статистически результаты экспериментов А.Хакоэн, О.Каган и Д.Плаут совпадают с полученными в данном исследовании на материале корпуса НОГ, Мы предлагаем другое объяснение опциональному маркированию партитива, связанное именно с прагматическими факторами и прежде всего, с референциальным статусом выражений, кодирующих прямой объект.

Рассмотрим полученную статистику маркирования различных конструкций партитива в корпусе НОТ (Таблица 14).

Таблица 14. Частотность объектного маркирования конструкций

⁴⁵⁷ Hachohen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity. Pp. 1-34.

⁴⁵⁸ Danon G. Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew. Pp. 1071–1116.

партитива в корпусе НОТ

Тип референциального выражения	Маркировано	%
ИГ с количественными числительными	57/76	75%
<i>'exad/'axat</i> + ПГ(опр.+) 'один из...'	57/73	78%
<i>šloša</i> + ПГ(опр.+) 'три из ...'	0/3	0%
ИГ с отыменными квантификаторами	2/79	3%
<i>xelek</i> + ПГ(опр.+) 'часть из...'	2/77	3%
<i>xelek</i> + ПГ(неопр.+) 'часть из...'	0/1	0%
<i>xeci</i> + ПГ(опр.+) 'половина из ...'	0/1	0%

Прежде всего, данная статистика говорит о том, что, несмотря на примерно одинаковое количество партитивных конструкций с количественными числительными и с отыменными квантификаторами, ИГ с количественными числительными маркируются в несколько раз чаще (57 vs 2, соответственно). Однако также очевидно, что высокая частотность маркирования в первой категории объясняется регулярным маркированием ИГ с числительным *'exad* 'один' (*'exad* маркируется в 57/73 контекстах, тогда как *šloša* 'три' не маркируется (0/3). Таким образом, мы можем сделать два вывода: во-первых, по некоторым причинам конструкции партитива с числительным *'exad* частотно маркируются, выступая в роли прямого объекта. И, во-вторых, фактором настолько частотного маркирования, также как и фактором преимущественного запрета на маркирование для остальных конструкций не может считаться грамматическая определенность данных референциальных выражений, поскольку вершина каждого из словосочетаний не оформлена показателем определенности, а предложные группы (ПП)⁴⁵⁹ являются определенными все, за одним исключением.

⁴⁵⁹ С формальной точки зрения, определенный статус предложной группы в любом случае не мог бы быть основанием определенности референциального выражения в целом.

Рассмотрим данные результаты с позиции референциального статуса найденных ИГ (Таблица 15).

Таблица 15. Частотность объектного маркирования конструкций партитива относительно параметра «референциальный статус» в корпусе НОТ

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтные ИГ	52/91	57%
Конкретно-референтная ИГ	19/19	100%
Референтная дистрибутивная ИГ	1/1	100%
Неопределенная референтная ИГ	19/34	56%
Слабоопределенная референтная ИГ	13/37	35%
Нереферентные ИГ	8/64	13%

Согласно данным Таблицы 15, референтные ИГ в целом, кодируя О-участника ситуации, маркируются примерно в 4 раза чаще, чем нереферентные, а конкретно-референтные и, возможно, дистрибутивные, подлежат обязательному объектному маркированию. Последний факт, в том числе, объясняет высокую вероятность объектного маркирования референциального выражения *'exad me* 'один из...' (57/73, 75%), поскольку это единственное из перечисленных выражений, существенный процент которых интерпретируется как конкретно-референтные ИГ (19/73, 26%). В этом случае оно облигаторно маркируется маркером аккузатива (19/19, 100%).

В случае конкретно-референтного употребления конструкции партитива, например, *'exad me* 'один из...', она является дескрипцией, которой, по мнению говорящего, соответствует только один конкретный объект действительности. Тем самым удовлетворяется не только презумпция существования и единичности, обязательная для выражения определенной референции, но и подтверждается необязательность совпадения

денотативного пространства с пространством физическим, т.к. для выбора говорящим способа оформления, соответствующего референтному употреблению дескрипции, достаточно, чтобы говорящий был уверен, что указанный референт – единственный, ей соответствующий.

(96) *ha-'adam ha-rišon še-hirba dagim tropiim*
 DEF-человек DEF-первый что-разводить. рыбы тропические
 PST.3MS

‘Первым человеком, который разводил тропических рыб

be-'iropa haya pyer karbonyer še-hekim
 в-Европа быть.PST.3MSG Пьер Карбонье что-основывать.PST.3MS
 в Европе, был Пьер Карбонье, который основал

'et 'axad ha-akvariumin ha-ciburiyim ha-rišonim
 ACC один.GEN DEF-аквариумы DEF-общественные DEF-первые
один из первых публичных аквариумов

be-paris bi-šnat 1850
 в-Париж в-год.GEN 1850
 в Париже в 1850 году.’

В примере (96) дескрипция *'axad ha-akvariumin ha-ciburiyim ha-rišonim* ‘один из первых публичных аквариумов’ однозначно указывает на референт, который говорящий считает реально существующим и единственным, соответствующим этому описанию. Поэтому говорящий делает выбор в пользу маркирования данного референциального выражения, несмотря на отсутствие формальных показателей детерминации.

Интересно, что референциальное выражение *'exad me* ‘один из...’ выступает в некоторых случаях как катафорическое, поскольку референт, на который оно указывает, впервые обозначается не в предыдущем, а в последующем отрывке дискурса (97).

(97) *macati 'et 'exad mi-mixake ha-šana*
 находить.PST.1SG ACC один из-игры.GEN DEF-год

‘Я нашел одну из (лучших) игр года...

al Into the Breach kibalti hamlatsot od be-merts
 o Into the Breach получать. PST.1SG рекомендации еще в-март
 (игру) Into the Breach мне рекомендовали еще в марте.’

В примере (97) мы также будем интерпретировать конструкцию партитива как референтную, которая удовлетворяет— для говорящего — как презумпции существования, так и презумпции единичности, поэтому он маркирует данное референциальное выражение маркером аккузатива. Но говорящий, очевидно, не может быть уверен, что адресат также однозначно идентифицирует подразумеваемый им референт, поэтому после данной дескрипции, имеющий слабоопределенный статус, в следующем высказывании следует ИГ, называющая референт непосредственно: «*Into the Breach*». Таким же образом, видимо, происходит выбор способа маркирования в других примерах слабоопределенных референтных ИГ, 35% из которых маркируются, кодируя прямой объект (см. Таблицу 15).

Такой способ кодирования нового референта в дискурсе (в частности, с помощью атрибутивной дескрипции, как в примере (97))⁴⁶⁰, согласно терминологии А.Д.Шмелева, называется «уточняющей идентификацией»⁴⁶¹. Учитывая стремление говорящего уточнить информацию о введённом в дискурс новом референте, можно предположить, что данный референт будет важен для последующего дискурса, поэтому упомянутый выше способ кодирования выполняет так называемую «интродуктивную функцию»⁴⁶².

⁴⁶⁰ Такой способ кодирования представлен в современном иврите не только конструкциями партитива, но часто употребляется и применительно к собственно именным группам.

⁴⁶¹ «Уточняющей идентификации» А. Шмелев противопоставляет «поясняющую идентификацию» объекта, когда говорящий сообщают дополнительную информацию о упомянутом ранее референте, например: «Чарский был один из коренных жителей Петербурга» (Пушкин) (Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 188).

⁴⁶² Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // Труды международного семинара Диалог’2002. Т.1.

Маркер прямого дополнения, таким образом, помогает дополнительно сконцентрировать внимание адресата на этом, только что введенном в релевантное денотативное пространство, референте. Подробнее о намерениях говорящего, тема-рематическом статусе ИГ и топикальности речь пойдет ниже (см. п. 3.4.).

Обратим также внимание на то, что дистрибутивная определенность, возникающая в дистрибутивных референтных ИГ, требует обязательного маркирования таких ИГ в роли прямого объекта. При этом дистрибутивная референтность часто встречается в высказываниях, где релевантное денотативное пространство не является частью физической реальности, к которой применимы стандартные принципы оценки истинности/ложности, в частности, в контекстах со снятой утвердительностью. Но отсылка к такому гипотетическому контексту невольно создает в сознании слушателя модель действительности, которая становится частью релевантного денотативного пространства на время коммуникации. Маркируя ИГ, кодирующие абстрактные, неконкретные референты, как того требует дистрибутивная определенность таких референтов, говорящий тем самым ставит их на одну плоскость с конкретными референтами, кодирующимися аналогично. Такой прием, судя по большому объему подобных контекстов в корпусе НОГ, успешно применяется в рекламных текстах. Например, в (98) приведен пример рекламного объявления, демонстрирующего положительные стороны сотрудничества с определенной компанией, занимающейся организацией транспортировки вещей при переезде.

- (98) *hat'ama. simu lev ki 'atem boxrim*
 приспособливание власть.IMP.PL сердце что вы.PL выбрать.PRS.MPL
 'Адаптивность. Обратите внимание, что вы выбираете
movil še-yaxol levace 'a hat'ama

перевозчик что-мочь.FUT.3MSG выполнить.INF приспособливание

перевозчика, который сможет организовать соответствие

šel ha-cevet ha-ciюд ve-masa'it ha-hovala

POSS DEF-команда DEF-оборудование и-грузовик.GEN DEF-перевозка

команды, оборудования и грузовика [для] транспортировки

la-craxim šela-xem.

DAT-потребности POSS-2MPL

вашим потребностям.'

Достаточно неожиданными были результаты анализа некоторых ИГ нереферентного или неконкретно-референтного статуса. Такой статус характерен для универсальных и родовых ИГ, а также в контексте снятой утвердительности, например, в повелительных предложениях, вопросах, с отрицанием и модальными словами (*хочет, должен, может* и т.д.)⁴⁶³. В таких контекстах может подразумеваться единственный существующий референт («Заведомо кто-нибудь из вас его знает»)⁴⁶⁴, но данный референт не является конкретным, тем более известным интерлакуторам.

Однако в корпусе НОТ зафиксированы несколько примеров, где референциальное выражение, кодирующее такой неконкретный и заведомо неизвестный интерлокуторам референт с помощью конструкции партитива, выступая в роли прямого объекта, маркируется, причем происходит это только с одним референциальным выражением *'exad me-* 'один из...' (7/7, 100%). Например, в (99):

(99) *le-xol ha-maxalot še-muc'ot ha-yom maspik*

для-все DEF-болезни что-предложены сегодня достаточно

'Для всех заболеваний, которые сегодня предлагаются (в списках клиник для проверки), достаточно

⁴⁶³ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. С. 94; Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы [Электронный ресурс].

⁴⁶⁴ Пример Е.В.Падучевой. Там же.

<i>livdok</i>	<i>'et</i>	<i>'exad</i>	<i>mi-bney</i>	<i>ha-zug</i>
проверить.INF	ACC	один	из-сыновья.GEN	DEF-пара
проверить одного из супругов				
<i>li-ršimat</i>	<i>ha-bdikot</i>	<i>ha-mumlecet</i>		
для-список	DEF-анализы	DEF-рекомендованный		
по рекомендованному списку анализов.'				

В примере (99) референциальное выражение *'exad mi-bney ha-zug* 'один из супругов' употребляется именно в контексте снятой утвердительности. Даже в рамках данного релевантного денотативного пространства очевидно, что речь не идет о конкретном референте, а, наоборот, подразумевается референт «любой из супругов».

Но, тем не менее, по-видимому, очевидная из контекста *единичность* подразумеваемого референта может стать основанием для маркирования кодирующего его выражения. Косвенно это подтверждается тем фактом, что именно выражение, включающее в состав числительное *'exad* 'один', демонстрирует в корпусе НОТ наибольшую склонность к маркированию (78%). Тогда как остальные выражения, обладающие значением частичности, но имплицитно подразумевающие соотнесенность не с единичным объектом, а с множеством/группой объектов, либо не маркируются (*šloša* – 0/3, *heci* – 0/1), либо маркируются очень редко (*xelek* – 2/77).

3.1.4. Указательные местоимения

Во второй главе мы пришли к выводу, что фактор «определенность» не может быть параметром вариативности объектного маркирования указательных местоимений *ze* (MSG) и *zot* (FSG), поэтому требуется рассмотреть данный вопрос более подробно и предположить влияние других факторов на выбор способа оформления прямого объекта, кодируемого этими местоимениями, говорящим.

Рассмотрим, что может являться причиной вариативности объектного маркирования, с точки зрения нормативной грамматики современного иврита

и согласно корпусным данным. В современном иврите местоимения *ze*, *zot* (и реже – *'ele* (CP)) могут служить как дейктическими, так и анафорическими местоимениями. По мнению с Л.Глинерта, например, как *ze* так и *zot* могут относиться к неодушевлённому (редко и только в неформальном регистре – одушевленному) референту или к целому предложению⁴⁶⁵. Однако, выступая в роли прямого объекта, данные местоимения, обладающие, по умолчанию, одинаковым статусом с позиции определенности, ведут себя совершенно по-разному. Референт, кодированный местоимением *ze*, согласно данным корпусов НОГ и НОТ, подлежит обязательному маркированию, тогда как, референт, кодированный местоимением *zot*, в подавляющем большинстве случаев (в корпусе НОТ — 1/152⁴⁶⁶) не маркируется (данные корпуса НОГ см. в Таблице 6). Можно было бы предположить структурную особенность, связанную с историческим развитием объектного маркирования в иврите, но, на наш взгляд, система в данном случае более сложная.

Базой для вариативности, по нашему мнению, является тот факт, что референты, кодируемые этими местоимениями, не являются гомогенными. Местоимения *ze* и *zot* не просто указывают на определенный объект, выбранный из какого-либо множества, но имеют дополнительные особенности значения и дистрибуции. Например, в разговорном иврите указательное местоимение *ze* (M) может заменять собой личное местоимение *hu* (M) для снятия неоднозначности референции, которая может возникнуть из-за того, что местоимение *hu* (M) потенциально может обозначать обоих участников ситуации⁴⁶⁷ (100):

(100) *'ortenberg pagaš 'et 'exad mi-talmid-ai le-še'avar*
 Ортенберг встречать.PST.3MSG ACC один из-ученики-мои бывший
 ‘Ортенберг встретил одного из моих бывших учеников,

⁴⁶⁵ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P.56.

⁴⁶⁶ Единственный случай маркирования референта, закодированного местоимением *zot*, в корпусе НОТ будет проанализирован ниже.

⁴⁶⁷ Подробнее об этой теме см., например, Givón T. Syntax: A functional-typological introduction. 417 p.

noydek ve-ze siper lo še-hu mexapes
 Нойдек и-этот рассказывать.PST.3MSG ему что-он искать.PRS.MSG
 Нойдека, и тот рассказал ему, что ищет
'oved še-ya 'azor lo be-mif'al-o
 работник что-помогать.FUT.3MSG ему в-завод-его
 работника, который поможет ему на его заводе.'

Местоимение *ze* в примере (100) указывает на второй по степени активации референт («Нойдек»)⁴⁶⁸. Но это явление характерно только для разговорного регистра. Чаще всего, указательные местоимения, кодируют следующие три типа референтов.

Во-первых, местоимения *ze*⁴⁶⁹ 'этот (MSG)' и *'ele* 'эти' (CP) могут кодировать референт (или группу референтов – для *'ele*), присутствующий в физическом контексте ситуации и однозначно идентифицируемый участниками речевого акта, но не названный выше в контексте (101).

(101) *(suzi menasa lehaklik 'et ha- 'ecba 'ot.)*
 Сьюзи пытаться. PRS.FSG щелкнуть.INF ACC DEF-пальцы
 '(Сьюзи пытается щелкнуть пальцами.)
tatxil lispor kše tišma 'et ze.
 начинать.IMP.SG считать.INF когда слышать. FUT.2MSG ACC этот
 Начинай считать, когда услышишь это.'

Причем, данные местоимения, обычно не используются для кодирования референта-человека (вместо этого употребляются личные местоимения *hu*, *hi* и т.д.), а в случае такого использования высказывание

⁴⁶⁸ Ср. с местоимением «тот» в русском языке: «Сын не решился рассказать отцу_i об этом происшествии, чтобы тот_i не наказал его»

⁴⁶⁹ *Zot* в таком контексте обычно не употребляется.

приобретает уничижительное значение. Маркирование обоих местоимений в этом случае является обязательным⁴⁷⁰.

Во-вторых, местоимения *ze*, *zot* и *'ele* могут выступать как анафорические, причем в этом случае употребляемое местоимение согласуется с родом указанного имени существительного (102).

- (102) *efšar lekabel 'et ha-matkon šel batista*
 можно получить.INF ACC DEF-рецепт POSS Батиста
 ‘Можно (нам) получить рецепт Батисты,
bevakaša kdey še-nuxal lenasot
 пожалуйста чтобы что-мочь.FUT.1PL пытаться.INF
 пожалуйста, чтобы мы могли попробовать
'et ze ba-bayt.
 ACC этот в.DEF-дом
 его дома.’

Такое употребление характерно для разговорного регистра, что подтверждают данные корпусов (10/10 в корпусе НОТ — в разговорном стиле), и используется для выражения контраста между несколькими референтами, известными из вербального или ситуативного контекста, или для фокусирования внимания адресата на конкретном референте⁴⁷¹ (например, в (102) говорящий подразумевает, что он бы хотел попробовать приготовить *именно* этот рецепт, хотя в претексте упоминались несколько рецептов). Нормативная грамматика требует обязательного объектного маркирования таких референтов⁴⁷², причем как кодированных местоимением *ze*, так и местоимением *zot*.

⁴⁷⁰ Этот факт дополнительно подтверждает выдвигаемый ниже в п. 3.2 тезис о том, что одушевленность является важным фактором ДОМ в современном иврите для определенных типов референциальных выражений.

⁴⁷¹ Кибрик А.А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 79-90.

⁴⁷² Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 56.

Наконец, третьим типом референтов, которые могут кодироваться указательными местоимениями, выступает *пропозициональные референты*, т.е. пропозиции, упомянутые к претексте, отсылку к которым и кодируют соответствующие местоимения. Пропозициональные антецеденты кодируются только местоимениями *ze* и *zot*⁴⁷³. Иногда конкретное местоимение устойчиво употребляется во фразеологических оборотах, например, в устной речи (часто в локусе хезитации) *'eix 'omrim 'et ze* 'как это говорится' (букв. 'как это говорят'), когда человек колеблется, подбирая слова, или хочет оставить впечатление колебания.

Л.Глинерт, указывает, что фактором, разграничивающим употребление данных местоимений для отсылки в пропозициональному антецеденту, может являться регистр речи – формальный характерен для *zot* и неформальный - для *ze*⁴⁷⁴. Это наблюдение, однако, нельзя считать однозначно подтвержденным данными обоих исследовательских корпусов. Несмотря на то, что оба местоимения, действительно, преимущественно употребляются именно в указанном Л. Глинерте регистре (90% в неформальном - для *ze* и 69% в формальном – для *zot* в корпусе HOG), частотность употребления этих местоимений в нехарактерном для каждого из них регистре (10% и 31% соответственно) указывает на то, что, по-видимому, в современном иврите ограничение на употребление определенного указательного местоимения, соответствующего регистру речи, в позиции прямого дополнения, зафиксированное в грамматике Л. Глинерта 1989 года, постепенно становится менее жестким, и два местоимения начинают смешиваться в речи.

Таким образом, в обобщенном виде систему употребления указательных местоимений, кодирующих прямой объект, и особенности их маркирования можно отразить следующим образом (Таблица 16):

---

⁴⁷³ Ibid. Pp. 56-58.

⁴⁷⁴ Ibid.

Таблица 16. Частотность объектного маркирования указательных местоимений: сводные данные

Тип референциального выражения	Разговорный регистр	Формальный регистр	Маркирование
Дейктическое местоимение	<i>ze</i>	<i>ze</i>	+
	<i>'ele</i>	<i>'ele</i>	+
Анафорическое местоимение	<i>ze</i>	<i>ze</i>	+
	<i>zot</i>	<i>zot</i>	+
	<i>'ele</i>	<i>'ele</i>	+
Местоимение, кодирующее пропозициональный антецедент	<i>ze</i>		+
		<i>zot</i>	—

Данные Таблицы 16 показывают, что референты, кодируемые местоимениями *ze* и *'ele*, требуют обязательного маркирования независимо от того, какой тип референта они кодируют. Тогда как референты, кодируемые местоимением *zot*, проявляют большую вариативность. Более того, способ оформления прямого объекта, кодируемого указательными местоимениями (в т.ч. *'ele*), напрямую зависит от типа референта, который они кодируют. В том случае, когда местоимение *zot* кодирует пропозициональный антецедент, оно демонстрирует запрет на маркирование.

Этот принцип подтверждается данными корпуса НОТ и предлагает объяснение, почему запрещенное в 151 случае маркирование местоимения *zot*, кодирующего прямой объект, в 1 случае все же реализуется. Контекст, демонстрирующий маркирование местоимения *zot* показателем аккузатива, является единственным в корпусах НОТ и НОГ случаем, где *zot* указывает не на пропозициональный антецедент, а на активированную в претексте ИГ (103):

(103) *im mahut ha-'adam hi 'alimut lemašal*

если сущность.GEN DEF-человек COP насилие например
 ‘Если человеческая суть (есть), например, насилие,
yeš ledake ’et zot gam be-koax
 есть подавлять.INF ACC эта даже в-сила
 ее нужно подавлять, даже силой.’

Таким образом, в процессе речи, сталкиваясь с необходимостью сделать референциальный выбор, чтобы кодировать референт, активированный в дискурсе, с помощью указательного местоимения, говорящий делает выбор, исходя из следующих параметров: 1) тип кодируемого референта и способ его кодирования в дискурсе (ИГ / пропозиция), 2) грамматические характеристики ИГ, кодирующей данный референт в предшествующем дискурсе (род и число, если речь идет о референте, кодированном ИГ), 3) регистр речи. Маркирование указательного местоимения, кодирующего прямой объект, активированный в предшествующем дискурсе или в ситуативном контексте и однозначно опознаваемой всеми участниками речевого акта, таким образом, является обязательным. Исключением является сочетание двух факторов, создающих ограничение на маркирование: структурная характеристика местоимения как местоимения *zot* (FSG) и тип обозначаемого им референта: пропозициональный антецедент.

Таким образом, в п. 3.1 нами была доказана корреляция фактора «референциальный статус» и способа кодирования О-участника ситуации в транзитивной клаузе в современном иврите (см. Таблицу 11), а также относительно этого фактора были проанализированы различные типы референциальных выражений, кодирующие прямой объект в корпусе НОТ. Результаты анализа отражены в Таблице 17⁴⁷⁵.

⁴⁷⁵ Условные обозначения в таблице: «+» данный фактор оказывает влияние, «++» влияние данного фактора позволяет объяснить выявленные ранее несоответствия, «+/-» влияние данного фактора вероятно, «—» влияние не зафиксировано или невозможно по умолчанию.

Таблица 17. Влияние определенности и референциальных характеристик на оформление референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование: сводные данные

Тип выражения	Определенность	Референциальные характеристики	
		Релевантность	Характеристики
Конструкция сопряженного состояния	+	++	Референтный / нереферентный статус
<i>kol/ha-kol</i>	—	++	Универсальный / конкретно-референтный статус
<i>kol</i> с ИГ <i>kol 'exad me-</i>	+	+	Универсальный / конкретно-референтный статус
<i>kol</i> с указательным местоимением	+	+	Только конкретно-референтный статус
<i>kol</i> с относительным местоимением	—	++	Универсальный / конкретно-референтный
Партитив	+/-	+	Конкретно-референтный и дистрибутивный / неопределенный, слабоопределенный и нереферентный статус
ИГ с количественным числительным			Единичность / не единичность объекта
Указательное местоимение	—	++	Именной / пропозициональный antecedent

3.2. Одушевленность

На материале древнееврейского языка было выдвинуто предположение, что указательные местоимения особенно чувствительны к одушевленности

референта⁴⁷⁶. Данное предположение, изначально выдвинутое М.Малесса, на материале корпусных данных было подтверждено П.Бекинсом, который установил, что указательные местоимения, указывающие на референта «человек», маркируются в древнееврейском тексте в 100% случаев, в то время как местоимения, относящиеся к абстрактным объектам (в том числе, выраженным клаузой, а не ИГ), маркируются нерегулярно⁴⁷⁷.

Рассмотрим корреляцию между одушевленностью референтов и способом маркирования кодирующих их референциальных выражений в современном иврите (Таблица 18)⁴⁷⁸.

Таблица 18. Корреляция параметра «одушевленность референта» и объектного маркирования (согласно корпусам НОГ и НОТ) (p-value для каждого из корпусов < .00001): сводные данные

Тип референта	Корпус НОГ		Корпус НОТ	
	Маркировано	%	Маркировано	%
Одушевленные референты	65/68	96%	133/170	78%
Неодушевленные референты	511/1080	47%	267/752	36%
Общий итог	576/1148	47%	400/922	43%

Как и в случае с фактором «референциальный статус» (см. п. 3.1.), установить точно, в какой мере фактор одушевленности референта лицензирует маркирование определенных и неопределенных ИГ, кодирующих некий референт, представляется очень сложной задачей. Главным образом потому, что многие референциальные выражения,

⁴⁷⁶ Malessa M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. 248 p., Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. 287 p.

⁴⁷⁷ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. P.116.

⁴⁷⁸ Из таблицы 18 ниже исключены данные по референциальным выражениям, отсылающим к пропозициональным антецедентам, в связи с отсутствием у них характеристики «одушевленность/неодушевленность».

кодирующие одушевленный референт, также подлежат обязательному объектному маркированию согласно фактору формальной определенности и/или референтности. Например, формы квантификатора *kol* с местоименными суффиксами (3PL, 1CP), указывающими на референта (*kulanu* ‘все мы’, *kulam* (‘все (люди)’) кодирует только одушевленные референты, но помимо этого также обладает определенным статусом (благодаря показателю детерминации) и является конкретно-референтной ИГ (4/4 маркированы в корпусе НОТ). Соответственно, степень влияния каждого фактора в момент выбора говорящим способа оформления ИГ такого типа остается неясной.

Однако влияние фактора одушевленности может объяснить некоторые несоответствия в асимметричном объектном маркировании тех типов референциальных выражений, которые демонстрируют опциональность маркирования или статус определенности, который как было показано в Главе 2, не коррелирует напрямую со способом их маркирования в роли прямого объекта. Особенно показательным влияние этого фактора будет на примере вопросительных и относительных местоимений, которые продемонстрировали высокую степень вариативности асимметричного объектного маркирования (33% и 67% соответственно) при анализе данных корпуса НОГ (см. п. 2.3.4.2), которую невозможно объяснить влиянием фактора определенности, интерпретируемого как наличие/отсутствие формальных показателей детерминации.

3.2.1. Вопросительные местоимения

Местоимения *mi* ‘кто’ и *ta* ‘что’ противопоставляются друг другу за счет смыслового противопоставления «одушевленность/неодушевленность», которое в современном иврите, в сущности, сводящемуся к противопоставлению «относящийся к человеку / относящийся к не-человеку».

(104) *'et mi tazmin*

la-xafla?

ACC кто приглашать.FUT.2MSG на.DEF-праздник

‘Кого ты пригласишь на праздник?’

(105) *ta ze mištane?*

что этот менять.PRS.MSG

‘Что это меняет?’

Тезис о дифференцированном объектном маркировании вопросительных местоимений *ta* ‘что’ и *mi* ‘кто’ под влиянием фактора одушевленности референта, как и влияние данного фактора на частотность маркирования ИГ, выступающих в роли прямого объекта, в целом, была убедительно доказана П.Бекинсом на материале древнееврейского языка⁴⁷⁹.

На материале современного иврита данный тезис не находит опровержения, как в грамматических описаниях⁴⁸⁰, так и согласно корпусу НОТ (Таблица 19).

Таблица 19. Частотность объектного маркирования вопросительных местоимений в корпусе НОТ

Референциальное выражение	Маркировано	%
Вопросительное местоимение <i>mi</i> ‘кто’	30/30	100%
Вопросительное местоимение <i>ta</i> ‘что’	1/62	2%
ИТОГО	31/92	34%

Статистические данные позволяют с уверенностью утверждать, что основным фактором, лицензирующим ДОМ асимметричного типа в

⁴⁷⁹ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. 287 p.

⁴⁸⁰ Напомним, что грамматические описания, упомянутые нами в п. 2.3.4.2, постулируют вариативность маркирования данных местоимений, но не называют фактором варьирования «одушевленность» (см., например, Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp. 270-279).

современном иврите для прямых объектов, кодированных вопросительными местоимениями, является фактор «одушевленность референта»⁴⁸¹.

Однако, несмотря на достаточно строгое распределение маркированных и немаркированных объектов между двумя местоимениями (*mi* – маркируется облигаторно, *ta* – демонстрирует практически полный запрет на маркирование), 1 контекст с местоимением *ta* демонстрирует отклонение от указанного выше принципа, что дает основание предположить наличие дополнительного фактора, лицензирующего опциональное маркирование для вопросительного местоимения, кодирующего неодушевленный референт. Этот случай будет подробнее рассмотрен ниже в п. 3.4.

3.2.2. Относительные местоимения

Как было сказано в п. 2.3.4., местоимения *mi* и *ta* также могут выступать как относительные местоимения, служащие вершинами относительных придаточных предложений. Распределение маркированных и немаркированных объектов, кодированных с помощью относительных местоимений *ta* и *mi* на материале данных корпуса НОТ показано в Таблице 20.

Таблица 20. Частотность объектного маркирования относительных местоимений в корпусе НОТ

Референциальное выражение	Маркировано	%
Относительное местоимение <i>mi</i>	67/79	85%
Относительное местоимение <i>ta</i>	33/50	66%
Общий итог	100/129	78%

Очевидно, что, несмотря на существование релевантного для вопросительных местоимений *mi* и *ta* фактора одушевлённости,

⁴⁸¹ Алексеева М.Е. Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений) // Litera. 2023. № 6. С. 214.

лицензирующего обязательное маркирование местоимений, кодирующих одушевлённые референты, в случае с относительными местоимениями этот фактор не лицензирует обязательное маркирование выражения, кодирующего одушевленный референт (67/79, 85%). Более того, существенная вариативность (33/50, 66%) наблюдается и в случае с маркированием местоимения *ta*, кодирующим неодушевленные референты. Соответственно, мы можем предположить существование дополнительного фактора (или несколько факторов), влияющих на оформление прямого объекта в таких случаях.

Этим фактором не может быть грамматическая определенность референта, поскольку для относительных местоимений не существует показателей детерминации.

Параметр «одушевленность» референта, который для вопросительных местоимений *ti* и *ta* является основным фактором-лицензором объектного маркирования, для относительных местоимений, по-видимому, является менее значимым⁴⁸².

Ограничение на маркирование этого типа референциальных выражений, возможно, связано с более тонким механизмом, отражающим мнение говорящего о реальности/ирреальности референта в рамках релевантного денотативного пространства, т.е. с референциальным статусом, рассмотренном нами выше, в п. 3.1. При этом объектное маркирование относительных местоимений также как и в других случаях, описанных выше, требует соблюдения презумпции *существования* и *единичности* указанного референта. Даже, если данные характеристики являются не безусловным фактом, а смоделированы представлением говорящего о действительности. Сравним примеры (106) и (107) ниже:

---

⁴⁸² Уровень значимости (p-value) все еще находится в допустимых значениях для признания значимости параметра одушевленности (p-value .012654 < .05), но он является существенно менее значимым для относительных местоимений, чем для вопросительных, у которых уровень значимости фактора «одушевлённость» < .00001.

(106) *karati le-milcarit ani roca le hazmin*
 звать.PST.1SG для-официантка я хотеть.PRS.FS заказать.INF
 G

'et ma še-hu hizmin!
 ACC что который-он заказать.PST.3MSG

‘Я позвала официантку: ‘Я хочу заказать **то, что он заказал!**’

(107) *hem yexolim liftoax po 'ohel*
 они.M мочь.PRS.MPL открыть.INF здесь палатка

‘Они могут открыть здесь палатку

be-'emca ha-šxuna ve-lehatxil levašel
 в-середина.GEN DEF-район и-начинать.INF готовить.еду.INF

посреди квартала и начать готовить,

lišxot kan parot ve-la'asot 'et ma
 резать.скот.INF здесь коровы и-делать.INF ACC что

резать коров здесь и делать **то,**

še-hem 'osim šam (be-atyopiya)

что-они.M делать.PRS.MPL там в-Эфиопия

что они делают там (в Эфиопии)!

В примере (106) мы видим дейктическое употребление местоимения *ma*, поскольку оно явно указывает на известный из ситуативного контекста и, возможно, из предшествующего дискурса конкретный однозначно опознаваемый участниками коммуникации референт. В примере (107) приведено мнение жителя района Бар-Иегуда в Кирьят-Малахи о членах его сообщества, выходцах из Эфиопии. Референт дескрипции «*то, что они делают там*» в общем случае вряд ли можно признать конкретным, идентифицируемым однозначно всеми участниками коммуникативной ситуации, особенно если в дискурсе он упоминается впервые (как это происходит в данном случае). Однако говорящий в данном случае убежден,

конкретным человеком невозможно, в том числе потому, чем разных рабочих (вероятно, группами) «привозили» разные работодатели. Однако в заданном контексте выстраивается модель действительности, где для каждого «привезенного» в Израиль рабочего существует единственный работодатель, обеспечивший ему въезд в Израиль, тем самым обеспечивается презумпция существования и единичности референта. Таким образом, в рамках данного денотативного пространства атрибутивная дескрипция *mi še-hevi 'otam la-'arec* обладает дистрибутивным (референтным) статусом и, соответственно, маркируется в роли прямого объекта.

Частным случаем референтного употребления относительных местоимений является также *псевдо-диалогичный контекст*, в рамках которого говорящий обращается к аудитории как к непосредственно присутствующему члену коммуникативного акта. В этих случаях нереальные ситуации, в которых упоминаются различные референты, относящиеся к аудитории (или к обобщенной группе «говорящий+аудитория», реализующуюся через употребление местоимений «мы», «наш» и т.д.), интерпретируются как реальные, т.е. формируют *модель действительности*, в которой говорящий обращается непосредственно к реальному собеседнику, а упоминаемые в этом контексте референты приобретают референтный статус и, соответственно, маркируются. В примере (109) коммерческий веб-сайт публикует рекомендации, что именно следует приобретать в подарок матери.

- (109) *tuxlu*   *lehištatef*   *ve-lirxoš*   *la*
 мочь.FUT.2PL   участвовать.INF   и-приобретать.INF   ей
 'Вы сможете сброситься и приобрести ей
matana   *yekara*   *ve-'eHutit,*   *kax*   *yihye*   *la-xem*
 подарок   дорогой   и-качественный   так   быть.FUT.3MSG   у-вас.PL
 дорогой и качественный подарок, так вам будет
harbe   *yoter*   *kal*   *lirkhoš*   *'et*   *ma*

намного более легкий приобрести.INF ACC что
 намного проще приобрести для нее то,

še-be-'emet rcitem.

что-в-истина хотеть.PST.2MPL

что вы действительно хотели.'

Несмотря на то, что текст в примере (109) обращен к бесконечному множеству потенциальных покупателей, у каждого из которых референт описания *'et ma še-be-'emet rcitem* 'то, что вы действительно хотели' будет разным, контекст подразумевает единичность референта для каждого покупателя и такая дистрибутивная определенность, видимо, позволяет маркировать прямой объект показателем аккумулятива.

Анализ корпусных данных также показал, что важным фактором для определения референциального статуса относительных местоимений является очевидное или скрытое отражение говорящим своей уверенности / неуверенности в реальности обозначаемого референта или выражение сомнения относительно факта его существования. Например, употребление ограничительных конструкций («по крайней мере, по нашему скромному мнению») также как и других оборотов, выражающих сомнение адресанта («не знаю, так ли это») или отрицающих реальность сказанного выше («хотя я так не считаю») достаточно регулярно коррелирует с нереферентным употреблением относительных местоимений.

Исходя из отмеченной тенденции, референциальный статус относительных местоимений определялся нами в том числе, исходя из степени уверенности говорящего в реальности референта в соответствии со следующей классификацией: референтный статус присваивался в том случае, если референт определялся как реальный для говорящего, нереферентный — если говорящий идентифицирует его как «нереальный» или выражает сомнение в его реальности.

Результатом такого подхода стало статистическое подтверждение значимости корреляции между референциальным статусом относительных местоимений и частотностью их объектного маркирования⁴⁸³ (Таблица 21).

Таблица 21. Корреляция параметра «референциальный статус» и объектного маркирования относительных местоимений (согласно корпусу НОТ) (p-value < .00001)

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус относительного местоимения	100/106	94%
Нереферентный статус относительного местоимения	0/23	0%

Несмотря на очевидно высокий уровень корреляции⁴⁸⁴ между вариативностью объектного маркирования и референциальным статусом рассматриваемых дескрипций, сочетание двух факторов-лицензоров, а именно референциального статуса и одушевленности референта, позволяет получить еще более однозначные результаты (Таблица 22).

Таблица 22. Корреляция параметров «референциальный статус», «одушевленность» и объектного маркирования относительных местоимений (согласно корпусу НОТ) (p-value < .00001)

Референциальный статус	Маркировано	%
Референтный статус (одушевленный р-т)	67/67	100%
Референтный статус (неодушевленный р-т)	33/39	85%
Нереферентный статус (одушевленный р-т)	0/12	0%

⁴⁸³ Алексеева М.Е. Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений). С. 217.

⁴⁸⁴ Что подтверждает параметр «уровень значимости» (p-value < .00001).

Нереферентный статус (неодушевленный р-т)	0/11	0%
---	------	----

Отраженные в Таблице 22 данные наглядно демонстрируют, что самая высокая (100%) вероятность объектного маркирования наблюдается для дескрипций, обладающих референтным статусом и кодирующим одушевленный референт: они маркируются в 100% контекстов (67/67). Референтные дескрипции, кодирующие неодушевленный референт, имеют немного меньшую вероятность объектного маркирования — в 85% (33/39), тогда как нереферентные дескрипции, кодирующие как одушевленные, так и неодушевленные референты, демонстрируют запрет на маркирование в роли прямого объекта (0/12, 0/11 соответственно).

Именно влиянием второго фактора-лицензора, референциального статуса, объясняется выявленная в пп. 3.2.1.-3.2.2. разница в маркировании вопросительных и относительных местоимений: асимметричное объектное маркирование вопросительных местоимений лицензируется, в подавляющем большинстве случаев, только параметром одушевленности референта (100% маркирование для одушевленного (30/30), и 2% для неодушевленного (1/62)⁴⁸⁵), тогда как объектное маркирование относительных местоимений лицензируется сочетанием параметров «референциальный статус» и «одушевленность референта».

3.3. Идентифицируемость и данность референта

В Главе 1 мы подробно изучили один из основных рассматриваемых в научной литературе факторов-лицензоров ДОМ, а именно «идентифицируемость», которую можно определить как способность слушателя идентифицировать референт употребленного в дискурсе референциального выражения. Обычно этот параметр измеряется различением «данных» и «новых» референтов в дискурсе, но Э.Принс⁴⁸⁶

⁴⁸⁵ Фактор, лицензирующий единичный случай отклонения от заявленного принципа маркирования, составивший 2% расхождения, будет обсуждаться ниже.

⁴⁸⁶ Prince E. Toward a taxonomy of given-new information. Pp. 223-255.

предложила расширенную шкалу с четырьмя степенями идентифицируемости референтов (12), которую кратко можно представить следующим образом:

(110) Шкала идентифицируемости Э.Принс:

Задействованные > вычисляемые > неиспользованные > новые

Задействованные, т.е. упоминавшиеся ранее в дискурсе, референты легче всего идентифицировать. Как правило, неупоминавшиеся в дискурсе референты вводятся неопределенной ИГ (*blog* ‘блог’ в примере (111)), а задействованные впоследствии кодируются определенной ИГ (*ha-blog* (DEF-блог) в примере (111)) или местоимением.

(111) *ba-rega*   *še-’atem*   *maxlitim*   *liftoax*   **blog**,
 в.DEF-момент   что-вы.MPL   решить.PRS.MPL   открыть.INF   блог
 ‘В (тот) момент, когда вы решаете открыть **блог**,
kedai   *kodem kol*   *lehavin*
 стоит   прежде всего   понимать.INF
 стоит, прежде всего, понять,
ma   *ha-matara*   *šel*   **ha-blog**
 что   DEF-цель   POSS   DEF-блог
 какова цель (**этого**) **блога**.’

Данные корпуса НОТ демонстрируют, что наблюдается статистически значимая корреляция (*p-value* <.00001) между статусом референта в дискурсе и объектным маркированием кодирующего его референциального выражения (Таблица 23). А именно: упоминавшиеся в дискурсе ранее референты маркируются в роли прямого объекта со значительно большей вероятностью (89% против 43% для новых референтов).

Таблица 23. Корреляция параметра «статус референта в дискурсе» и объектного маркирования кодирующего его референциального выражения (согласно корпусу НОГ) (p-value < .00001)

Статус референта в дискурсе	Маркировано	%
Упомянувшийся в дискурсе референт	168/189	89%
Не упомянувшийся в дискурсе референт	423/991	43%

Однако, как упоминалось выше (в т.ч. в п. 1.4.1.), анафорическая известность, т.е. дискурсивный статус референта, не является обязательным условием кодирования данного референта определенной ИГ. Известность может быть также *ассоциативной*, т.е. основанной как на анафорических, так и на семантических связях с другим референтом, употреблённым в претексте, а также дейктической, *или ситуативной*, определяемой условиями коммуникации. Наряду с последней существует также известность объекта, принадлежащего к общему фонду знаний говорящего и слушающего, называемая *анперцепционная известность*⁴⁸⁷ (112).

- (112) *tafkid-o*   *šel*   *ha-‘irua*   *ha-opozicioni*   *hu*
задача-POSS.3MSG   POSS   DEF-событие   DEF-опозиционный   COP
‘Задача оппозиционного события
bediyuk   *kaze*   *lehacig*   *’et*   *ha-mciut*
именно такой представить.INF   ACC   DEF-реальность
именно такова: представить **реальность**
be-ofen   *yašir*   *pašut*   *alternativi*
в-способ   прямой   простой   альтернативный
прямым, простым, альтернативным способом.’

Даже не будучи задействованным в предшествующем дискурсе, референт ИГ *ha-mciut* (DEF-реальность) ‘реальность’ однозначно опознается

⁴⁸⁷ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 74.

адресантом. Такие ИГ будут относиться к категории «неиспользованные» по шкале идентифицируемости Э.Принс (110).

Однако более показательной, нежели шкала идентифицируемости Э.Принс, представляется шкала данности⁴⁸⁸, которая, как было сказано в п. 1.4.2., предлагает подробный алгоритм анализа когнитивного статуса референтов в дискурсе.

(113) Шкала данности:

в фокусе внимания > активированный > знакомый > однозначно опознаваемый > референтный > опознаваемый тип

Данная иерархия отражает степень присутствия референта в памяти интрелокуторов. Для каждой из ступеней шкалы характерен особый тип референциального выражения. Личные местоимения, а также объектные местоимения, если речь идет о выступающих в роли прямого объекта референтах, в современном иврите будут кодировать референт в фокусе внимания коммуникантов, активированные референты будут кодироваться указательными местоимениями, ИГ с указательными местоимениями(опр.+) (например, *ha-sefer ha-ze* 'DEF-эта DEF-книга') и – реже, просто ИГ с определенным артиклем. Знакомый референт, т.е. тот который некоторое время назад был в фокусе внимания говорящих или был активированным, а на момент речи все еще может быть опознан адресатом, но не находится в фокусе внимания, на наш взгляд, тяготеет к кодированию ИГ с указательным местоимением, неоформленным определенным артиклем (например, *sefer ze* 'эта книга'), хотя может кодироваться и ИГ с определенными детерминативами.

Референциальные выражения типа *sefer ze* (ИГ+УказМ(арт.-)), также как и особенности их объектного маркирования, были рассмотрены нами в п. 2.3.1. В результате, данные корпуса HOG подтвердили существующий в

⁴⁸⁸ Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. P. 275.

грамматических описаниях тезис, что, кодируя О-участника ситуации в транзитивной клаузе, такие ИГ не маркируются аккузативом (НОГ: 0/8). Такое противопоставление именных групп типа ИГ+УказМ(арт.-), которые избегают объектного маркирования, облигаторно маркирующимся в роли прямого объекта именным группам типа ИГ+УказМ(арт.+) вызывает закономерные вопросы исследователей⁴⁸⁹. Однако, на наш взгляд, *снижение статуса референта по шкале данности*, т.е. появление в зоне внимания интерлокуторов «потенциальных помех» (по терминологии Т.Гивона) между фокусирующим на себе внимание полидефинитивом типа *ha-sefer ha-ze* (DEF-книга DEF-эта) и гораздо менее «заметным» в дискурсе выражением *sefer ze* может объяснить отсутствие маркирования второго выражения. Особенно, если принять во внимание также другие дискурсивно-прагматические особенности такого типа референциальных выражений, которые будут рассмотрены ниже.

Однозначно опознаваемые в дискурсе референты наиболее часто кодируются с помощью различных типов ИГ с определенным артиклем (за исключением ИГ типа ИГ+УказМ(арт.+), которая была названа выше, как маркер активированного референта).

Наименьшей степенью «данности» в данной иерархии обладают референты, названные авторами референтами «опознаваемого типа» (*type identifiable*), т.е. объекты, для обозначения которых говорящему достаточно воспользоваться неопределенной ИГ, а для интерпретации, которых в дискурсе, адресату достаточно быть знакомым с классом объектов, которые обозначаются данной ИГ.

Исходя из названий категорий и проанализировав в пп. 3.1.-3.2. корреляцию между асимметричным объектным маркированием и референциальным статусом, логично предположить, что шкала данности,

---

⁴⁸⁹ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. Pp.96-97; Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase. Pp. 319-363.

позволяющая определить степень идентифицируемости референта в дискурсе, должна коррелировать с параметром «референциальный статус».

Данные, отраженные в Таблице 24 ниже, в целом, подтверждает этот вывод, хотя соотношение между степенью данности референта в дискурсе и референциальным статусом кодирующего его референциального выражения нельзя назвать точным⁴⁹⁰.

Таблица 24. Частотность объектного маркирования относительно дискурсивного и референциального статусов именной группы в корпусе НОГ

Дискурсивный и референциальный статус	Маркировано	%
В фокусе внимания (КР)	122/122	100%
Активированный (КР)	201/204	99%
Знакомый (КР)	120/128	94%
Однозначно опознаваемый (КР, род., унив., атриб.)	203/221	92%
Референтный (род., унив., атриб.)	54/157	34%
Опознаваемый тип (НР, атриб.)	17/481	4%

Таким образом, корпусные данные позволяют выявить явную границу между: 1) обязательным объектным маркированием для самых доступных в памяти коммуникантов референтов, имеющих статус «в фокусе внимания» (100%) и «активированный» (99%); 2) высоким уровнем вероятности объектного маркирования для референтов, вышедших из зоны внимания коммуникантов, но все еще сохраняющихся в памяти в статусе «знакомый» (94%) и для неупомянутых в предшествующем дискурсе, но однозначно опознаваемых референтов (92%); и наконец, 3) низким уровнем вероятности объектного маркирования референтных⁴⁹¹ (34%) и нереферентных ИГ (4%).

⁴⁹⁰ Пояснения к сокращениям в Таблице 24: КР — конкретно-референтный статус, род. — родовой статус, унив. — универсальный статус, атриб. — атрибутивный статус, НР — нереферентный статус.

⁴⁹¹ Но не конкретно-референтных, а родовых, универсальных и атрибутивных ИГ.

Обратимся теперь к выдвинутому нами выше предположению, что референциальное выражение типа «ИГ+УказМ(арт.-)» (*sefer ze* ‘эта книга’) необязательно будет выступать как конкретно-референтная группа, тождественная по свойствам и значению ИГ, оформленной определенным артиклем (*ha-sefer ha-ze* ‘DEF-эта DEF-книга’), но будет различаться с последней по степени данности кодированного ею в дискурсе референта.

Иногда высказывается мнение, что ограничением на дистрибуцию данных типов ИГ с указательным местоимением (оформленной артиклем и неоформленной артиклем) выступает регистр речи, т.е. оформленные артиклем ИГ тяготеют к разговорному регистру, а неоформленные — к формальному. Это предположение, согласно полученным корпусным данным, действительно имеет под собой основания, но не коррелирует напрямую с вариативностью объектного маркирования. В частности, согласно корпусу НОТ, действительно, только 4% (8/223) конструкций типа ИГ+УказМ(арт.-) употребляются в неформальном регистре, но регистр речи не может считаться фактором, лицензирующим маркирование напрямую.

Причина такого вывода заключается, в частности, в том, что корпус НОТ фиксирует многочисленные примеры того, что эти два типа конструкций встречаются в текстах одного и того же стиля с разницей в одно—два предложения (114).

- (114) *be-marbit*   *ha-sibuxim*   *ha-kalim*   *ha-'elu*   *nitan*
 в-большинство   DEF-осложнения   DEF-легкие   DEF-эти   можно
 ‘С большинством **этих незначительных осложнений** можно
letapel   *be-lo koši.*   *'aval*   *ha-sikun*   *le-sibuxim*
 заботиться.INF   в-не трудность   однако   DEF-риск   для-осложнения
yoter   *recinim*   *kayam.*   *kol*   *'axat*
 более   серьезные   существует.PRS.3MSG   весь   одна
 без труда справиться. Однако существует **риск более серьезных осложнений**. Любая (женщина),

še-šokelet *la'avor* *SRS xayevet*
 что-взвешивать.PRS.FSG проходить.INF SRS должна
 рассматривающая (возможность) сделать (операцию) SRS, должна
lehavin *sikunim* *'ele.*
 понимать.INF риски эти
 понимать **эти риски.**'

В примере (114) пропозиция, включающая конструкцию типа ИГ+УказМ (арт.-) *sikunim 'ele* ('эти риски'), не следует непосредственно за первым упоминанием референта *sikun le-sibuxim yoter recinim* 'риск более серьезных осложнений'. Между ними говорящий включает пропозицию с уже активированным в предшествующем дискурсе референтом *SRS* '(операция) SRS', тем самым отводя неконкретно-референтную ИГ *sibuxim yoter recinim* 'более серьезные осложнения' на задний план и снижая вероятность ее маркирования на основании фактора доступности референта.

Более того, референциальное расстояние⁴⁹² между кодирующими референт ИГ часто превышает (иногда в несколько раз) одну пропозицию (115) и (116).

(115) *roce* *lehasbir* *kihazmanat* *sratim* *betašlum*
 хотеть.PRS.MSG объяснять.INF что заказ.F.GEN фильмы за плату
 'Хочу пояснить, что заказ **платных фильмов**
uexola *lehe'asot* *'ax* *ve-rak* *be-'emca'ut*
 мочь.PRS.FSG делаться.INF только и-только в-помощь.GEN
 может осуществляться только с помощью
kod *sodi* *'ašer* *nivxar* *'al yedey*
 код секретный который выбираться.PRS.MSG на руки.GEN
 секретного кода, который выбирается
ha-lakoax *ve-kax* *hu* *o* *mi* *mi-ta'am-o*

⁴⁹² Подробнее вопрос референциального расстояния будет рассматриваться ниже в п. 3.4.

DEF-клиент и-так он или кто от-вкус-POSS.3MSG

клиентом, и, таким образом, он или кто-то от его имени

še-nimsar lo ha-kod ha-sodi

что-быть.переданным.PST.3MSG ему DEF-код DEF-секретный

(кому был передан (этот) секретный код)

yexolim le hazmin sratim 'ele

мочь.PRS.MPL заказать.INF фильмы эти

могут заказать **эти фильмы.**'

(116) *yeš našim 'ani muxana le ha'id 'al kaḥ*

есть женщины я готова свидетельствовать.INF о так

'Есть **женщины**, я готова засвидетельствовать это

be-beyt mišpat yeciratiyot yoter mi-gvarim

в-дом.GEN суд изобретательный.FPL более от-мужчины

в суде, более изобретательные, чем мужчины.

'ani yoda 'at še-ha-gvarim lo ma'aminim

я знать.PRS.FSG что-DEF-мужчины не верить.PRS.MSG

Я знаю, что мужчины (в это) не верят,

'aval kanir'e pašut medubar ba-gvarim

но видимо просто речь.идет в.DEF-мужчины

но, видимо, речь просто идет о мужчинах,

še- 'od lo ragši našim 'ele

что-еще не встречать.PST.3MPL женщины эти

которые еще не встречали **этих женщин.**'

В данных примерах, которые являются вполне характерными для иврита, первичное упоминание референта, оформленное референциальными выражениями *sratim betašlum* 'платные фильмы' (115) или *našim* 'женщины' (116) отстоит от кореферентных им *sratim 'ele* 'эти фильмы' (115) или *našim 'ele* 'эти женщины' (116) настолько далеко, что последние не могут считаться

все еще находящимися «в фокусе внимания» интерлокуторов и даже «активированными». Вероятно, дискурсивный статус выражений *sratim 'ele* ‘эти фильмы’ (115) и *našim 'ele* ‘эти женщины’ (116) будет, скорее, интерпретироваться как «однозначно опознаваемый».

Пример (116) коррелирует с описанным А.Д.Шмелевым в русском языке противопоставлением экзистенциальных и родовых ИГ, например, как в следующем примере: «Некоторые логики разбираются в лингвистике. Они (или Эти логики) обладают хорошим языковым чутьем»⁴⁹³. Как и в указанном примере (116) на иврите, первое упоминание открытого множества «некоторые логики» является экзистенциальной ИГ, а повторное (которое также как и в иврите может кодироваться с помощью ИГ с указательным местоимением) – родовой.

Показательно, что А.Д.Шмелев напрямую сопоставляет противопоставление экзистенциальных и родовых ИГ, использующихся для кодирования открытых множеств, противопоставлению по определенности — неопределенности в индивидуальных ИГ⁴⁹⁴. Родовые ИГ (*našim 'ele* ‘эти женщины’ (116)) в этом случае соответствуют неопределенным ИГ, что также может стать вкладом в понимание запрета на объектное маркирование референциальных выражений типа ИГ+УказМ(арт-).

Однако, несмотря на преобладающую тенденцию запрета на объектное маркирование референциальных выражений типа ИГ+УказМ(арт-), в корпусе НОТ зафиксированы 5 случаев маркирования данного типа ИГ показателем аккузатива (5/222, 2%). Рассмотрим возможные причины этого явления более подробно.

Все 5 контекстов присоединяют форму местоимения *zo* (FSG)⁴⁹⁵, которая является одной из двух форм указательного местоимения женского

⁴⁹³ Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. С. 79.

⁴⁹⁴ Там же. С. 78.

⁴⁹⁵ Всего в корпусе НОТ зафиксировано 89 контекстов, где прямой объект кодируется неоформленной артиклем ИГ с указательным местоимением *zo*. Только 5 из этих ИГ маркировано показателем аккузатива (5/89, 6%).

рода в современном иврите на ряду с *zot* (FSG). Четыре из пяти референциальных выражений выступают анафорой к пропозициональным antecedентам. Имя существительное в такой конструкции в большинстве случаев является абстрактным именем, таким как *pe'ilut* 'деятельность', '*emda* 'позиция', *ta'ana* 'утверждение', *giša* 'подход' и т.п. Соответственно, такие ИГ как *pe'ilut zo*, '*emda zo*, *ta'ana zo*, *giša zo* (117) могут быть легко заменены на местоимение *zot*, также типично отсылающие к пропозициональному antecedенту и не маркирующиеся в роли прямого объекта (см. п. 3.1.4.).

- (117) *ha-moxer*   *yoce*   *me-ha-kita*   *ve-ha-lako 'ax*
 DEF-продавец   выходить.PRS.MSG   из-DEF-класс   и-DEF-клиент
 [речь идет о тренировочном упражнении в классе]
 'Продавец выходит из класса, а клиент
uaxad   'im   *še'ar*   *ha-kita*   *boxrim*
 вместе   с   остаток   DEF-класс   выбрать.PRS.MPL
 вместе с остальным классом выбирают
'et   *ha-prit*   *li-kniya*   *nitan*   *levace'a*
 ACC   DEF-предмет   для-покупка   можно   выполнять.INF
 предмет для покупки. Можно провести
pe'ilut   *zo*   *ke-taxarut*.
 деятельность   эта   как-соревнование
 эту деятельность (это) как соревнование.'

Как дополнительный аргумент взаимозаменяемости конструкции такого типа и местоимения *zot* при условии, что референтом выступает пропозициональный актанта, корпус предлагает именно такую замену в следующем предложении данного отрывка дискурса (118).

- (118) *'ešar*   *la'asot*   *zot*   'al   *zman*
 можно   делать.INF   эта   на   время

‘Можно сделать это на время.’

Однако, несмотря на это, неоформленные определенным артиклем ИГ с указательным местоимением *zo* (FSG), выступающие в роли прямого объекта, в отличие от местоимения *zot* (FSG), демонстрируют опциональность объектного маркирования — 6% (5/89) таких конструкций маркировано показателем аккузатива в корпусе НОТ. В п. 3.4. нами будет изучен последний потенциальный фактор-лицензор асимметричного объектного маркирования в современном иврите, а именно «топикальность референта», который может оказывать влияние на вариативность объектного маркирования ИГ с указательным местоимением *zo*.

3.4. Доступность и топикальность референта

В работе Дж.Гандела, Н.Хедберга и Р.Закарски, посвященной активности референта в дискурсе, рассматривается корреляция между степенью данности референта и параметром «топикальность»: референты «в фокусе внимания», по мнению авторов будут с большей вероятностью являться темами (топиками) в последующем дискурсе⁴⁹⁶.

Понятие топикальности было подробно рассмотрено нами в п.1.4.3., где, в том числе, было отмечено, что в рамках функционально-типологических работ топикальность считается одним из факторов-лицензоров ДОМ. Поэтому для определения топикальности референтов, выступающих О-участниками ситуации в транзитивных клаузах, корпуса НОГ и НОТ были размечены по параметрам «доступность (активность) референта» и принадлежности референциального выражения, кодирующего прямой объект, к теме или реме высказывания.

Как уже обсуждалось в п. 1.4.2, для анализа предсказуемости появления того или иного референта в дискурсе, т.е. с целью измерения

---

⁴⁹⁶ Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. Pp. 279.

непрерывности, или доступности, темы (топика), в работе Т.Гивона⁴⁹⁷ были предложены три параметра:

1. Референциальное расстояние (РР),
2. Потенциальные помехи (ПП),
3. Сохранение в правом контексте (сохранение в ПК).

Т.Гивон предположил, что высокая активность референта, выступающего в качестве темы, делает его появление более предсказуемым и, следовательно, для его кодирования потребуется меньше языкового материала⁴⁹⁸. И наоборот, если референциальное расстояние между кореферентами ИГ велико или в дискурсе присутствуют помехи, то адреса труднее вызвать в памяти референт темы и тем больше «кодирующего» материала потребуется⁴⁹⁹.

В соответствии с этим подходом, а также следуя методике работы с материалом на древнееврейском языке, предложенной П.Бекинсом⁵⁰⁰, для задействованных в предшествующем дискурсе референтов, которые могут рассматриваться как темы, были сформированы три категории, различающиеся по степени доступности референта: 1) высокая степень доступности (сохранение в ПК > 0 и РР = 1-3), 2) средняя степень доступности (сохранение в ПК > 0 или РР = 1-3), 3) низкая степень доступности (сохранение в ПК = 0 и РР $> 1-3$).

Как показано в Таблице 25 ниже, сводный анализ референциального расстояния и сохранения референта в правом контексте для задействованных в предшествующем дискурсе референтов, показал, что более высокая степень доступности коррелирует с более высокой вероятностью объектного маркирования, нежели средняя и низкая степени. Однако высокая

⁴⁹⁷ Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction. Pp. 1-41.

⁴⁹⁸ Сравним, например, кодирование референта со статусом «в фокусе внимания», 'oto – 'ego', где количество языкового материала минимально.

⁴⁹⁹ Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction. P. 18.

⁵⁰⁰ Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition 'et in Biblical Hebrew. 287 p.

вероятность объектного маркирования (90%) у референтов низкого уровня доступности говорит о том, что данная корреляция не является фактором, непосредственно лицензирующим асимметричное объектное маркирование в современном иврите. Низкий уровень значимости для данных результатов ($p = .44$) это подтверждает.

Таблица 25. Корреляция степени доступности референтов, задействованных в предшествующем дискурсе, и объектного маркирования (согласно корпусу НОГ) ($p = .44$)

Степень доступности референта	Маркировано	%
Высокая степень	186/187	99%
Средняя степень	76/93	82%
Низкая степень	9/10	90%
Общий итог	335/356	94%

Рассмотрим, какие дополнительные факторы, помимо доступности референта, оказывают влияние на маркирование задействованных в предшествующем дискурсе референтов.

Средняя степень доступности демонстрирует 80% вероятности объектного маркирования (76/93). Дальнейший анализ показывает, что эти 17 немаркированных объектов кодированы указательным местоимением *zot* (FSG), кореферентным пропозициональному актанту. Соответственно, дополнительным фактором, лицензирующим, в данном случае, запрет на объектное маркирование, является тип референта и структурная особенность местоимения *zot*, не принимающего маркер аккузатива при условии кореферентности пропозициональному актанту (см. п. 3.1.4.).

Низкая степень доступности референта демонстрирует 90% вероятности объектного маркирования (9/10). 9 маркированных референтов представлены различными типами референциальных выражений, в

частности, оформленными артиклем или притяжательным суффиксом генетивными конструкциями (5/9), ИГ с квантификатором (2/9) и ИГ с указательным местоимением типа «ИГ+УказМ(арт.+))» (2/9). Но всех их объединяет одинаковый референциальный статус, а именно – конкретно-референтный, который, как было показано в 3.1. является одним из важнейших факторов, лицензирующих асимметричное объектное маркирование в современном иврите. Единственный не маркированный референт с низким уровнем доступности, согласно корпусу НОГ, кодируется неконкретно-референтной ИГ, что также является показательным (в п. 3.3 было показано, что неконкретно-референтных ИГ обычно демонстрируют запрет на объектное маркирование исходя из низкого уровня данности и идентифицируемости в дискурсе).

Анализируя доступность референтов на материале корпуса НОТ, включающего все типы референциальных выражений, продемонстрировавших опциональное маркирование в корпусе НОГ, мы получили результаты, схожие с изложенными в Таблице 25. Однако, по-видимому, степень доступности референта в этом случае имеет еще меньшее значение. Самая низкая вероятность маркирования коррелирует со средней степенью доступности референтов (30%, 124/292), причем подавляющее большинство немаркированных референтов кодируется либо также указательным местоимением *zot* (FSG) (130/292), отсылающим к пропозициональному актанту и типично не маркирующимся в этом случае, либо ИГ типа «ИГ+УказМ(арт.-))» (159/292), которая также типично не маркируется, по-видимому, в связи с низкой степенью данности референта в дискурсе.

Итак, для 99% (289/292) немаркированных референтов средней степени доступности факторами, лицензирующими запрет на маркирование, выступают тип референта и степень данности референта в дискурсе. Оставшийся 1% (3/292) представлен относительным местоимением *ta*, факторами-лицензорами для объектного маркирования которого, как было

показано в пп. 3.1-3.2., выступают его референциальный статус и одушевленность референта.

Референты высокой и низкой степени доступности, кодирующиеся референциальными выражениями, демонстрирующими опциональность объектного маркирования (НОТ корпус), маркируются с большей вероятностью (47% и 89% соответственно), но факторами, лицензирующими запрет на маркирование, также выступает, по-видимому, не уровень топиальности, а тип и активность референта в дискурсе и референциальный статус кодирующего референт выражения.

Таким образом, топиальность референта, видимо, не является существенным фактором в определении стратегии асимметричного объектного маркирования в современном иврите. Однако уровень доступности референта может помочь объяснить дихотомию указательных местоимений *ze* (MSG) и *zot* (FSG), демонстрирующих мало объяснимую с точки зрения других факторов (кроме типа референта, рассмотренного нами в п. 3.1.) дифференциацию объектного маркирования.

Как правило, эти местоимения, кореферентные пропозициональным актантам, обладают средней или высокой степенью доступности. В контекстах для *zot* (152 в корпусе НОТ) упоминание кодируемого местоимением референта встречается на минимальном референциальном расстоянии от первичного упоминания, т.е. следует непосредственно в следующей клаузе, и, как правило, не сохраняется в правом контексте (132/152). Тогда как референт, кодируемый с помощью *ze* имеет склонность употребляться на референциальном расстоянии не менее 1 клаузы (иногда до 5-6 клауз (6/134), т.е. восприятию могут мешать потенциальные помехи), хотя часто сохраняется в правом контексте (40/134, из них 13 по 2 и более упоминания). Таким образом, по параметрам «референциальное расстояние» и «наличие потенциальных помех» большую топиальность имеют референты, кодированные местоимением *zot*.

В соответствии с мнением А.А. Кибрика, которому принадлежит целый ряд когнитивных исследований в области дискурса, активация референта требует значительного ментального усилия и, следовательно, больших кодирующих средств⁵⁰¹. Следовательно, если, с точки зрения говорящего, референт, на который указывает местоимение *zot* обладает высокой степенью топиальности и был упомянут в предшествующей клаузе, то он и так находится в фокусе внимания коммуникантов и кодировать его дополнительно с помощью маркера *'et* нет необходимости, тогда как обладающие меньше топиальностью и дальше отстоящие от первичного упоминания в дискурсе референты местоимения *ze* как раз требуют больших ментальных усилий для активации и соответствующего кодирования.

Возможно, однако, что в разговорном иврите *ze* в данный момент активно вытесняет *zot*, в т.ч. из типичных для этого местоимения устойчивых конструкций⁵⁰², и принципы дистрибуции и объектного маркирования двух местоимений продолжают смешиваться в сознании носителей.

Дополнительным фактор, который, как было упомянуто в п. 2.3.1, по-видимому, все же является строгим ограничением на объектное маркирование неодушевленного референта, выраженного вопросительным местоимением *ta*, проявляется в следующем (в примере приведен допрос лечащего врача пациентки, пережившей домашнее насилие, и его ответ на вопрос о том, что, по ее описанию произошло):

- (119) *'et ze hi ken ta'ana 'ax lo 'ones*
 ACC этот она да утверждать.PST.3FSG но не изнасилование
 [ответ] 'Это она, да, утверждала, но не (про) изнасилование.'
'et ma ta'ana?
 ACC что утверждать.PST.3FSG

⁵⁰¹ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. № 5. 1994. С. 137.

⁵⁰² В корпусе встретилось выражение *ta ze 'omer* в значении 'что это значит', которое в общепринятом варианте звучит как *ta zot 'omeret*.

[вопрос] ‘**Что** она утверждала?’

Такие вопросы Л. Глинерт называет “echo-questions”⁵⁰³ (вопросы, повторяющие часть предыдущего высказывания собеседника), и в них, действительно, даже вопросительное местоимение *та*, кодирующее неодушевленный референт, которое обычно не маркируется в этой позиции, подлежат обязательному маркированию аккузативом, если выступает в роли прямого объекта. В рамках современного функционально-типологического подхода это явление хорошо объясняет рассмотренный нами фактор «топикальность референта», поскольку обязательным условием для такого употребления вопросительного местоимения является то, что кодируемый им неодушевленный референт должен соответствовать следующим условиям: 1) он должен быть упомянут в предшествующем отрывке дискурса, т.е. известен как говорящему, так и адресату; 2) задающий вопрос интерокутор должен просить предоставить о нем дополнительную, уточняющую или более развернутую информацию; 3) предполагается, что, скорее всего, информация будет предоставлена, и референт сохранит активность также и в правом контексте (в рамках следующего высказывания, как минимум).

Такие же условия применимы и к другим референциальным выражениям (помимо вопросительного местоимения *та*), которые в силу воздействия разных факторов демонстрируют запрет на объектное маркирование в обычных условиях, но будут маркироваться в условиях высокой топикальности референта. Например, единственный случай объектного маркирования нереферентной ИГ показателем аккузатива, зафиксированный в корпусах НОГ и НОТ (120), объясняется именно воздействием фактора «топикальность». В примере (120) адресант задает аудитории риторический вопрос, какими из обсуждавшихся в претексте интернет-сайтов стоит руководствоваться и кому из потенциальных экспертов задавать вопросы, и сам отвечает: «никому из них».

⁵⁰³ Glinert L. The Grammar of Modern Hebrew. P. 272.

(120) 'az matay carix likro ve-'et mi šo'alim?

так когда нужно читать.INF и-ACC кто спрашивать.PRS.PL

‘Так когда нужно читать [эти сайты] и кого [вам] спрашивать?’

ha-tšuva pšuta 'et 'af 'exad me-hem.

DEF-ответ простой ACC никто один из-них

‘Ответ прост: **никого из них.**’

Как и в примере (119), риторический вопрос в (120) можно сравнить с попыткой получить уточняющую информацию об известных из предшествующего дискурса референтах. Более того, появление одного из которых в данном контексте кажется достаточно предсказуемым, как в непосредственном ответе на вопрос, так и в следующем за ответом высказывании: аудитория ожидает, что в ответе на вопрос будет назван конкретный интернет-сайт или эксперт из обсуждавшихся ранее, и далее последует объяснение, почему следует руководствоваться именно его мнением. Тем самым задается высокая степень топиальности потенциального референта (в реальном ответе референт отсутствует) и именно она, видимо, лицензирует маркирование показателем аккузатива, никогда не маркируемого в обычных контекстах нереферентного выражения 'af 'exad me-hem ‘никто из них’. Нехарактерное маркирование, как представляется, используется адресантом как своеобразный *риторический прием*, привлекающий внимание аудитории к его ответу на поставленный вопрос.

Подводя итоги, отметим, что, в целом, для большинства референциальных выражений, кодирующих прямые объекты в современном иврите, фактор топиальности не является значимым. Однако топиальность может быть фактором-лицензором асимметричного объектного маркирования в сравнительно редких случаях диалогичной (или псевдо-диалогичной как в (120)) речи, когда прямым объектом выступает референт с

высоким уровнем топиальности или если появление в дискурсе референта с высоким уровнем топиальности является предсказуемым.

Выводы по Главе 3

В данной главе при помощи статистических данных двух исследовательских корпусов современного иврита (Hebrew Object General corpus и Hebrew Object Targeted corpus) нами были изучены различные дискурсивно-прагматические факторы, лицензирующие объектное маркирование ассиметричного типа в современном иврите. Влияние этих факторов было проанализировано с помощью корпусных данных, полученных по всем типам референциальных выражений, которые, как было показано во второй главе исследования, демонстрируют опциональность ассиметричного объектного маркирования: ИГ с квантификатором *kol*, конструкции партитива, ИГ с согласованным указательным местоимением, не оформленные определенным артиклем, указательные местоимения, самостоятельно кодирующие О-участника ситуации в транзитивной клаузе, вопросительные и относительные местоимения. Отдельно были рассмотрены также генетивные конструкции с формами сопряженного состояния, относительно объектного маркирования которых в литературе сформировались противоречивые мнения.

В качестве факторов-лицензоров были рассмотрены: референциальный статус ИГ, одушевленность референта, степень идентифицируемости и данности референта, а также доступность и топиальность референта.

С помощью инструментов и методик корпусно-статистического метода, в том числе используя статистический параметр *p-value* «уровень значимости», позволяющий объективно оценить значимость корреляции между рассматриваемыми параметрами, было доказано, что референциальный статус выражения, кодирующего прямой объект, и несколько дискурсивно-прагматических характеристик, объединяемых понятием «информационный статус референта», несомненно, являются

факторами объектного маркирования О-участника ситуации в транзитивной клаузе. В понятие «информационный статус референта» вошли такие факторы-лицензоры ДОМ как одушевленность, идентифицируемость и доступность, которые с помощью дополнительных параметров «уровень данности» и «уровень топикальности» референта были рассмотрены в пп. 3.2.-3.4.

Относительно фактора «референциальный статус» было показано, что референтный статус ИГ (особенно, конкретно-референтный статус) тесно связан с определенным статусом ИГ, который, как было исследовано во второй главе, выражают различные показатели детерминации, тогда как нереферентный (в т.ч. в отрицательных контекстах или контекстах со снятой утвердительностью) — с неопределенным статусом ИГ. Поэтому, несмотря на статистически доказанную значимость фактора «референциальный статус» (см. Таблицу 11) для большей части референциальных выражений, обладающих способностью присоединять показатели детерминации (артикле, притяжательные суффиксы и т.п.), определить точный механизм, регулирующий ДОМ ассиметричного типа, и точную роль референциального статуса в нем затруднительно.

Однако для всех типов референциальных выражений, продемонстрировавших опциональность маркирования в корпусе НОГ, фактор референциального статуса убедительно доказал свою значимость в той или иной степени. В частности, для конструкций сопряженного состояния, в которых вершинное имя получает определенный статус благодаря определенному статусу своего зависимого имени, но при этом не является «семантически определенным», как замечали некоторые исследователи, этот фактор позволяет указать причину маркирования показателем аккузатива: такие ИГ маркируются, поскольку обладают референтным (зачастую — конкретно-референтным) статусом в рамках сформированного в сознании интерлокуторов релевантного денотативного

пространства, построенного на ассоциативной связи с упомянутыми ранее в дискурсе референтами.

На примере ИГ с квантификатором *kol* 'весь/все/всякий/каждый', а также местоимения всеобщности *kol/ha-kol* 'всё' было наглядно продемонстрировано, что конкретно-референтный статус является условием облигаторного объектного маркирования, тогда как выражения, имеющие универсальный статус, демонстрируют опциональность маркирования.

Анализ категории «конструкции партитива» позволил сделать вывод об особом значении параметра «единичность», типично включаемого в понятие референтного статуса. Выяснилось, что вероятность объектного маркирования асимметричного типа существенно повышается для ИГ, имеющих в составе числительное *'exad* 'один', в результате чего объектное маркирование конструкций партитива, включающих предложную группу и числительное «один» (например, *'exad me-het* 'один из них') составило 78% (согласно корпусу НОТ).

Также на основании корпусных данных был сделан вывод о лицензировании падежного оформления прямого объекта, кодируемого указательными местоимениями, факторами «тип референта» и «уровень топикальности референта». Тогда как местоимения, кодирующие известные из вербального или ситуативного контекста референты, требуют обязательного объектного маркирования независимо от употребленной формы местоимения, маркирование местоимений, кодирующих пропозициональные референты, различается. Более высокая степень топикальности референта, кодируемого местоимением *zot* (FSG), требует меньших ментальных усилий адресата для идентификации референта в дискурсе по сравнению с менее топикальным референтом местоимения *ze* (MS). Этот факт позволяет объяснить отсутствие маркера аккузатива перед местоимением *zot* и его обязательное наличие перед местоимением *ze*.

С помощью корпусно-статистического метода исследования удалось подтвердить также влияние фактора одушевлённости референта на

вариативность объектного маркирования асимметричного типа в современном иврите (см. Таблица 18). Особенно показательное влияние этого фактора выявлено на примере вопросительных и относительных местоимений. Нами был сделан вывод, что одушевленность референта является основным фактором, лицензирующим ДОМ асимметричного типа для прямых объектов, кодированных вопросительными местоимениями, и одним из двух факторов, лицензирующих ДОМ асимметричного типа для относительных местоимений. Относительные местоимения, таким образом, демонстрируют вариативность объектного маркирования на основании сочетания факторов «референциальный статус» и «одушевленность».

В данной главе на основе данных исследовательских корпусов была также выявлена корреляция между способом кодирования референциального выражения, выступающего в роли прямого объекта, и степенью активности референта в дискурсе, измеряемой согласно шкале данности. В частности, были выделены три категории референтов, отличающиеся различной вероятностью объектного маркирования: 1) облигаторное объектное маркирование характерно для самых доступных в памяти коммуникантов референтов, имеющих статус «в фокусе внимания» (100%) и «активированный» (99%); 2) высокий уровень вероятности объектного маркирования - для вышедших из зоны внимания коммуникантов, но все еще сохраняющихся в памяти референтов в статусе «знакомый» (94%) и для неупомянутых в предшествующем дискурсе, но однозначно опознаваемых референтов (92%); и, наконец, 3) низкий уровень вероятности объектного маркирования - для референтных (34%) и неконкретно-референтных или нереперентных ИГ (4%).

Параметр топикальности референта, по-видимому, не оказывает существенного влияния на вариативность объектного маркирования асимметричного типа в современном иврите, однако может быть релевантен для некоторых категорий референциальных выражений в некоторых обстоятельствах. В частности, топикальность может быть фактором-

лицензором асимметричного объектного маркирования для типично не маркируемых вопросительных местоимений и референциальных выражений других типов, которые в случае высокой степени топикальности кодируемого ими референта в определенном виде дискурса могут быть маркированы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Асимметричное объектное маркирование описывает феномен, в котором второй аргумент двухвалентного глагола реализуется в грамматической роли прямого объекта, но морфосинтаксическое кодирование этого актанта варьируется между нулевым и маркируемым показателем аккузатива. Феномен асимметричного объектного маркирования в современной функционально-типологической литературе принято рассматривать в терминах «дифференцированного объектного маркирования» (ДОМ), которое, в свою очередь, является частным случаем более широкого явления дифференцированного маркирования актантов.

Большая роль в функционально-типологических исследованиях, посвященных дифференцированному маркированию актантов, отводится различению понятий «субъект» и «объект», отражающих грамматические отношения, или грамматические роли, ассоциированные с определенными морфосинтаксическими, семантическими и прагматическими характеристиками, и понятий «Агенс» и «Пациенс», называющими семантические роли, которые описывают отношения между предикатом и его актантами. Отмечается также, что категории субъекта и объекта имеют и дискурсивно-прагматические ассоциации, которые проявляются, в частности, в типичном для каждой грамматической роли уровне топикальности (устойчивой связи между синтаксической позицией и коммуникативным статусом топика (темы)): высокая топикальность характерна для субъектов, средняя — для объектов.

Существующие сегодня в научной литературе подходы к дифференцированному маркированию объектов по-разному объясняют вариативность объектного маркирования (принципом экономии, различительности, иконичности) и предлагают различные факторы, которые могут регулировать (лицензировать) дифференцированное объектное маркирование. Главным образом, уделяется внимание ДОМ асимметричного типа. Среди называемых исследователями факторов присутствуют как

собственно характеристики объекта, например, определенность (иногда объединяемый с параметром «референциальный статус»), одушевленность, топиальность, так и характеристики предиката или клаузы: значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение. Среди наиболее влиятельных подходов на сегодняшний день находятся теории оптимальности, представленная в работе Дж. Эйссен, и теория транзитивности П.Хоппера и С.Томпсон. Дж.Эйссен предполагает основополагающую роль определенности и одушевленности, тогда как П.Хоппер и С.Томпсон предполагают корреляцию между наличием показателей объектного маркирования и различными параметрами транзитивности, в частности, индивидуализацией объекта, видо-временными и акциональными характеристиками глагола и степенью охвата объекта. Другие исследователи уделяет большее внимание тому или иному фактору (например, М.Хаспельмат — референциальности и прагматическим характеристикам актантов), однако наблюдается общая тенденция к выделению нескольких уровней, требующихся для изучения ДОМ: чаще всего, семантического, прагматического и дейктического. Поэтому в большинстве современных работ, изучающих дифференцированное объектное маркирование, авторы рассматривают не один, а несколько параметров, по которым происходит ко-варьирование.

Для симметричного объектного маркирования характерен широкий набор семантических факторов, лицензирующих вариативность оформления, а для асимметричного типа приоритетным фактором, мотивирующим вариативность объектного маркирования, считается «индивидуализация объекта», под которой типично подразумеваются параметры «определенность» и «одушевленность», измеряемые с помощью шкал определенности и одушевленности, соответственно.

Определенность является сложным и многогранным понятием в современной лингвистической литературе. С одной стороны, говорят о формальных показателях грамматической определенности, в том числе

используя термин «детерминатив», представляющий важный элемент структуры именной группы, по мнению одних исследователей, или процесса актуализации понятия, по мнению других исследователей. С другой стороны, изучаются различные аспекты референциальности, и определенность оценивается, исходя из типа информации, на основе которой адресат идентифицирует объект. Таким образом, различаются ситуативная (или дейктическая), анафорическая и ассоциативная определенность.

Влияние прагматических факторов ДОМ основываются на том факте, что референциальный выбор говорящего зависит от когнитивной системы человека и, прежде всего, от такого механизма как рабочая, или кратковременная память. Основной принцип формулируется так: если референт в рабочей памяти говорящего (и, по предположению говорящего, также в рабочей памяти адресата), «высоко активирован», то выбор делается в пользу редуцированного референциального средства, если же уровень активации референта невысок, то говорящий скорее использует полную именную группу. На основании этого принципа лингвисты разрабатывают несколько иерархий, предлагающих алгоритм анализа когнитивного статуса референтов в дискурсе (шкала идентифицируемости Э.Принс и шкала данности Дж.Гандел, Н. Хедберга и Р.Закарски). Совместно с параметром «непрерывность топика», отражающим степень топикальности референта, подсчитываемым по методике предложенной Т.Гивоном (референциальное расстояние, потенциальные помехи и сохранение в правом контексте), параметры идентифицируемости и степени данности позволяют оценить дискурсивный статус референта. Дискурсивный статус является еще одним фактором, потенциально регулирующим вариативность асимметричного объектного маркирования.

На материале семитских языков, в частности, библейского арамейского, древнееврейского и амхарского, явление ДОМ изучалось, прежде всего, с точки зрения влияния параметров транзитивности, в том числе индивидуализации объекта (Дж.Хан, П.Бекинс). Для современного

иврита, как одного из номинативно-аккузативных языков, существуют две основные модели варьирования способов кодирования О-участника ситуации в транзитивной клаузе: асимметричная модель ДОМ, которая характеризуется вариативностью типа АСС vs Ø (маркер аккузатива или нулевой показатель) и симметричная модель ДОМ, которая характеризуется вариативностью двух различных ненулевых маркеров, включая маркер аккузатива. Симметричная модель в настоящий момент крайне мало изучена, но, по-видимому, вариативность в ней лицензируется семантическими параметрами транзитивности. Согласно общепринятой точке зрения, единственным фактором, регулирующим асимметричный тип ДОМ в современном иврите, является «определенность ИГ».

Согласно шкале определенности Дж.Эйссен, все референциальные выражения, которые могут кодировать О-участника ситуации в транзитивной клаузе, можно распределить по четырем категориям: неопределенные ИГ, определенные ИГ, имена собственные и местоимения.

Определенный статус ИГ может отражать, во-первых, определенный артикль; причем ИГ, обладающие определенным статусом, часто представляют собой, так называемые «полидефинитивы», т.е. конструкции, в которых показатели определенности повторяются у каждого элемента ИГ. Во-вторых, определенный статус присваивается генетивным конструкциям, зависимый элемент которых определен любым показателем детерминации (в т.ч. является именем собственным). Определенным статусом обладают также ИГ, состоящие из имени собственного или имени нарицательного с притяжательным местоименным суффиксом. Хотя в категорию определенных ИГ входят также ИГ с некоторыми детерминативами, указывающими на семантику определенности, в таких ИГ, как правило, присутствуют другие показатели детерминации (например, определенный артикль) помимо детерминатива. Исключениями выступают детерминатив *'oto* 'тот (же) самый', который не требует обязательного оформления имени существительного в составе ИГ определенным артиклем, а также

согласованные с именем существительным указательные местоимения, которые могут не оформляться определенным артиклем при условии отсутствия артикля у существительного (*sefer ze* ‘эта книга’). Неопределенные ИГ, соответственно, не оформляются показателями детерминации и не могут являться именами собственными; неопределенного артикля в иврите не существует.

Если общепринятая точка зрения на вариативность объектного маркирования в иврите верна и регулирует ее, действительно, определенность референциального выражения, то можно предположить обязательное объектное маркирование местоимений, имен собственных и определенных ИГ, а также запрет на маркирование неопределенных ИГ. Однако, согласно корпусным данным, полученным в результате данного исследования, только одна категория, «имена собственные», демонстрирует полную согласованность статистических данных с этим принципом – 100% маркирование в качестве прямого дополнения. Остальные демонстрируют опциональность маркирования в рамках одного или нескольких типов референциальных выражений внутри каждой категории. Соответственно, для объяснения вариативности объектного маркирования асимметричного типа необходимо учитывать другие факторы-лицензоры, которые рассматриваются в научной литературе.

Анализ статистических данных двух исследовательских корпусов современного иврита (Hebrew Object General corpus и Hebrew Object Targeted corpus) позволил выявить дополнительные дискурсивно-прагматические факторы, лицензирующие объектное маркирование асимметричного типа в современном иврите. Влияние этих факторов было проанализировано с помощью корпусных данных, полученных по всем типам референциальных выражений, которые демонстрируют опциональность асимметричного объектного маркирования: ИГ с квантификатором *kol*, конструкции партитива, ИГ с согласованным указательным местоимением, не оформленные определенным артиклем, указательные местоимения,

самостоятельно кодирующие О-участника ситуации в транзитивной клаузе, вопросительные и относительные местоимения. Отдельно были рассмотрены также конструкции сопряженного состояния, относительно объектного маркирования которых в литературе сформировались противоречивые мнения.

В качестве факторов-лицензоров были рассмотрены: референциальный статус ИГ, одушевленность референта, степень идентифицируемости и данности референта, а также доступность и топиальность референта.

Референциальный статус выражения, кодирующего прямой объект, и несколько дискурсивно-прагматических характеристик, объединяемых понятием «информационный статус референта» являются факторами, регулирующими асимметричное объектное маркирование О-участника ситуации в транзитивной клаузе. В понятие «информационный статус референта» вошли такие факторы-лицензоры ДОМ как одушевленность, идентифицируемость и доступность, рассматриваемые с помощью дополнительных параметров «уровень данности» и «уровень топиальности» референта.

Референтный референциальный статус (особенно, конкретно-референтный статус) тесно связан с определенным статусом ИГ, тогда как нереферентный (в т.ч. в отрицательных контекстах или контекстах со снятой утвердительностью) связан с неопределенным статусом ИГ. Данные корпуса доказали статистическую значимость фактора «референциальный статус» для референциальных выражений, которые могут принимать показатели определенности. Но для большинства таких референциальных выражений трудно доказать, что основной мотивирующий фактор не связан со статусом формальной определенности.

Однако для некоторых типов выражений различие между состоянием определенности и референциальным статусом оказалось критически важным для объяснения вариативности объектного маркирования, которое ранее считались «непоследовательным». Был сделан вывод о том, что конструкции

сопряженного состояния, которые формально имеют определенный статус, но в контексте могут интерпретироваться как «семантически неопределенные» из-за низкого уровня текстуальной значимости, могут быть маркированы, поскольку имеют референциальный (часто конкретный референтный) статус в рамках соответствующего денотативного пространства, формируемого в сознании собеседников, которое строится на ассоциативной связи с упомянутыми ранее в дискурсе референтами. Различие в референциальном статусе оказалось также важным для маркирования ИГ с квантором *kol* 'все/весь', а также местоимения универсальности *kol/ha-kol* 'всё': именные группы с конкретно-референтным статусом в таких случаях требует обязательного маркирования аккузативом, тогда как выражения, имеющие универсальный статус, как правило, маркируются опционально.

Важной составляющей референциального статуса, оказывающей влияние на морфосинтаксическое оформление прямого объекта, является параметр «единичность референта». Особенно показателен этот параметр на примере конструкций партитива, вероятность объектного маркирования которых существенно повышается для ИГ, имеющих в составе числительное *'exad/'axat* 'один'.

Также на основе анализа корпусных данных был сделан вывод о лицензировании падежного оформления прямого объекта, кодируемого указательными местоимениями, факторами «тип референта» и «уровень топикальности референта». Тогда как местоимения, кодирующие известные из вербального или ситуативного контекста референты, требуют обязательного объектного маркирования независимо от употребленной формы местоимения, маркирование местоимений, кодирующих пропозициональные референты, различается. Более высокая степень топикальности референта, кодируемого местоимением *zot* (FSG), требует меньших ментальных усилий адресата для идентификации референта в дискурсе по сравнению с менее топикальным референтом местоимения *ze*

(MSG), что позволяет объяснить отсутствие маркера аккузатива перед местоимением *zot* и его обязательное наличие перед местоимением *ze*.

Дополнительным фактором, регулирующим вариативность объектного маркирования асимметричного типа, является «одушевлённость референта». Уровень влияния данного фактора неодинаков для различных типов референциальных выражений. Особенно показательно влияние этого фактора на примере вопросительных и относительных местоимений. Одущевленность референта является основным фактором, лицензирующим ДОМ асимметричного типа для прямых объектов, кодированных вопросительными местоимениями, и одним из двух факторов, лицензирующих ДОМ асимметричного типа для относительных местоимений. Относительные местоимения демонстрируют вариативность объектного маркирования на основании сочетания факторов «референциальный статус» и «одушевленность».

Для современного иврита также характерна корреляция между способом кодирования референциального выражения, выступающего в роли прямого объекта, и степенью активности референта в дискурсе, измеряемой согласно шкале данности. В частности, выделяются три категории референтов, отличающиеся различной вероятностью объектного маркирования: 1) облигаторное объектное маркирование характерно для самых доступных в памяти коммуникантов референтов, имеющих статус «в фокусе внимания» и «активированный»; 2) высокий уровень вероятности объектного маркирования — для вышедших из зоны внимания коммуникантов, но все еще сохраняющихся в памяти референтов в статусе «знакомый» и для неупомянутых в предшествующем дискурсе, но однозначно опознаваемых референтов; и, наконец, 3) низкий уровень вероятности объектного маркирования — для слабо-определенных референтных и неконкретно-референтных или нереферентных ИГ.

Параметр топикальности референта, по-видимому, не оказывает существенного влияния на вариативность объектного маркирования

асимметричного типа в современном иврите, однако может быть релевантен для некоторых категорий референциальных выражений в некоторых обстоятельствах. В частности, топиальность может быть фактором-лицензором асимметричного объектного маркирования для типично не маркируемых вопросительных местоимений (*ma* 'что') и референциальных выражений других типов, которые в случае высокой степени топиальности кодируемого ими референта в определенном виде дискурса могут быть маркированы.

Таким образом, опираясь на достижения современной функционально-типологической лингвистики и используя методы сравнительного и объяснительного описания, контекстного анализа и статистического анализа корпусных данных, нами было установлено, что явление асимметричного объектного маркирования в современном иврите является многогранным феноменом, для объяснения которого требуется учитывать не только формальные характеристики маркируемой именной группы, но и влияние широкого круга дискурсивно-прагматических факторов, связанных, в том числе, с когнитивными процессами порождения и восприятия речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**На русском языке**

1. Алексеева М.Е. О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. №1. С. 107-113.
2. Алексеева М.Е. Основные принципы объектного маркирования в современном иврите: определенность и дифференцированное маркирование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 3. С. 107-113.
3. Алексеева М.Е. Тип референциального выражения и определенность как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите // Litera. 2023. № 5. С. 27-36.
4. Алексеева М.Е. Одушевленность и референциальный статус как факторы асимметричного объектного маркирования в современном иврите (на примере вопросительных и относительных местоимений) // Litera. 2023. № 6. С. 210-220.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 1995. 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора А. А. Холодовича. Материалы. СПб., 2006. С. 15-27.
7. Аркадьев П.М. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // Вопросы языкознания. 2005. №4. С. 101-120.
8. Аркадьев П.М. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995) / Отв. редактор М. Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 74-92.

9. Аркадьев П.М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 34-62.
10. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы/ АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.
11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; Ред., вступ. статья и примеч. Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
12. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высш. школа, 1966. 200 с.
13. Берникова О.А., Редькин О.И. Компаративный анализ наиболее частотных глаголов и их производных в тексте Корана и современном арабском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. 14(4). С. 648-666.
14. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: УЧПЕДГИЗ, 1947. 784 с.
15. Воейкова М.Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. / Ред. М.Д. Воейкова, Е.Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2015. С. 3-17.
16. Гадилия К.Т. Категория определенности и неопределенности в контексте предикатно-аргументной структуры предложения в некоторых западноиранских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 82-90.
17. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Ч. I, 2 изд. М., 1986. 220 с.
18. Горина О.Г. Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб., 2014. 321 с.

19. Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. №4. С.159-164.
20. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. 1988. С.153–211.
21. Ельмслев Л. О категориях личности–неличности и одушевленности–неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 114-152.
22. Есперсен О. Философия грамматики / Есперсен О.; пер. с англ. В.В. Пассека, С.П. Сафроновой. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 408 с.
23. Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 252 с.
24. Кагирова В.А. Определенный артикль в современном восточноармянском языке: типология и диахрония: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20; СПб., 2013. 26 с.
25. Кибрик А.А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 79-90.
26. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.
27. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. М.: 2003. 90 с.
28. Кибрик А.А. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // Глагольная деривация / В.А. Плунгян и С.Г. Татевосов (ред.). М.: JaSK. 2008. С. 127-148.
29. Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // Исследования по теории грамматики / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. С. 131-166.

30. Кибрик А.А., Плунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления. 4-е изд. / А.А.Кибрик, И.М.Кобозева, И.А.Секерина (ред.). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 276-339.
31. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования: сборник научных трудов / ред. В.Д. Соловьев. М.: Институт психологии РАН, 2006. Вып. 1. С. 138-158.
32. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
33. Кибрик А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и “аномальная” упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. №4. С. 27-57.
34. Кибрик А. Е. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: Свидетельства арчинского языка // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 32-67.
35. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. 719 с.
36. Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16-45.
37. Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дисс.... канд. филол. наук. М., 1979. 225 с.
38. Коношенко М.Б. Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка. Труды института лингвистических исследований. СПб: Наука, 2009. Т. V. № 2. С. 42-75.

39. Коношенко М. Дифференцированное маркирование актантов в юго-западных и южных языках манде // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. №3. С. 393-413.
40. Крылов С.А., Падучева Е. В. Местоимения // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. 294 с.
41. Крылов С. А. Семантическая роль как элемент метаязыков общей и специальной типологии // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Храковский В. С. , Мальчуков А. Л, Дмитренко С. Ю. (ред.). М., 2004. С. 49-53.
42. Кукатова О.А. Типология семантических ролей актантов предикатов в современной лингвистической науке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. №1 (447). С. 89-97.
43. Левицкий Ю.А. Некоторые вопросы теории актуализации (функции слов-указателей): дисс... канд. филол. наук / Ю.А. Левицкий. М.: МГУ, 1970. 288 с.
44. Лютикова Е. А. Дифференцированное маркирование аргументов в формальных моделях падежа // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2017. Том XIII. №3. С. 11-40.
45. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // *Вопросы языкознания*. 2016. № 6. С. 113-127.
46. Мельчук И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук ; общ. ред. Е. Н. Саввина, Н. В. Перцова ; пер. с фр. В. А. Плунгян. – Москва - Вена: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Морфологические значения. 544 с.
47. Муравьёва И.А. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // *Исследования по теории грамматики* / В.А. Плунгян (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. С. 321-421.
48. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // *Категория определенности-*

неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 119–175.

49. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука. 1985. 293 с.

50. Падучева Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 2. С. 18-30.

51. Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–43.

52. Падучева Е.В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101-116.

53. Падучева Е.В. Референциальный статус именной группы // Русская корпусная грамматика, 2017. [Электронный ресурс] URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Референциальный_статус_именной_группы / (дата обращения 30.05.2023).

54. Подлеская В.И. Именная группа // Русская корпусная грамматика, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusgram.ru/new/chapter/label/Именная_группа/ (дата обращения 10.06.2023).

55. Потапенко С.И. Риторический аспект функционирования детерминантов английского языка: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Киев, 1991.

56. Ронько Р.В. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Ронько Роман Витальевич. М., 2018. 136 с.

57. Русских А. Кодирование посессивности с терминами родства в русском языке как референциальный выбор // Русская филология. 30. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2019. С. 230-239.

58. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М: Наука, 1988. 151 с.
59. Сердобольская Н.В. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бесермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. №2. С. 205-215.
60. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 106-124.
61. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59-142.
62. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 796 с.
63. Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения: диссертация ... доктора филологических наук в форме науч. доклада: 10.02.20. М., 2003. 78 с.
64. Толдова С.Ю., Сердобольская Н.В. Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // Труды международного семинара Диалог'2002. Т.1. Теоретические проблемы / А.С. Нариньяни (ред.) М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/toldova/> (дата обращения 19.06.2023).
65. Усманов К. Категория определенности-неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1979. 24 с.
66. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С.496-531.
67. Храковский В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1973. 289 с.
68. Циммерлинг А.В. Топикальность и неканонические подлежащие в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи.

Сборник материалов международного научного симпозиума / Сост. Е.К. Мельникова, ред. Ж.К. Гапонова, отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 344-354.

69. Широких Е.А. Проблема семантической классификации английских неопределенных детерминативов // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 262-271.

70. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК, 2002. 496 с.

71. Яковенко О.В. Когнитивно-семантические свойства детерминативов в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 Пятигорск, 2005. 201 с.

На иностранных языках:

72. Abney S. The Noun Phrase in Its Sentential Aspect. MIT PhD dissertation. Cambridge, 1987. 363 p.

73. Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. 21(3). Pp. 435–483.

74. Albrecht C. 't vor dem Nominativ und be idem Passiv // *ZAW* 47. 1929. Pp. 274-283.

75. Amberber M. Differential Subject Marking in Amharic // *Perspectives on Cognitive Science, Competition and Variation in Natural Languages* / M. Amberber, H. De Hoop (eds.). 2005. Pp. 295-317.

76. Aoun J.E., Benmamoun E., Choueiri L. *The Syntax of Arabic*. Cambridge University Press, 2010. 258 p.

77. Armon-Lotem S., Avram I. The autonomous contribution of syntax and pragmatics to the acquisition of the Hebrew // *UG and External Systems: Language, Brain and Computation* / Di Sciullo A.M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 171–184.

78. Bashir E. Beyond split ergativity: subject marking in Wakhi // *Proceedings of the 22nd Regional Meeting (CLS 22)*. Chicago: Chicago Linguistic Society. 1986. Pp. 14-35.

79. Bayanati S., Toivonen I. Humans, Animals, Things and Animacy // *Open Linguistics*. 2019. Vol. 5(1). Pp. 156-170.
80. Beavers J. On affectedness // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. No. 29. Pp. 335-370.
81. Bekins P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition *'et* in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College–Jewish Institute of Religion. 2012. 287 p.
82. Bekins P. The Use of Differential Object Marking in Northwest Semitic // *Kleine Untersuchungen zur Sprache des Alten Testaments und seiner Umwelt* 20. 2016. Pp. 3-50.
83. Bhat D.N.S. Interrogative–Indefinite Puzzle // *Pronouns, Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory*. Oxford, 2007. Pp. 226–249.
84. Blake B. J. Case. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 248 p.
85. Borer H. The construct in review // *Studies in Afro-asiatic grammar / Lecarme J., Lowenstamm J, Shlonsky U. (eds.)*. The Hague: Holland Academic Graphics. 1996. Pp. 36-61.
86. Borer H. Deconstructing the construct // *Beyond Principles and Parameters / Johnson K., Roberts I. Kluwer (eds.)*. Dordrecht. 1999. Pp. 43–89.
87. Borik O., Espinal M. T. On definite kinds // *Recherches linguistiques de Vincennes*. Vol. 41. 2012. Pp. 123–146.
88. Borochofsky Bar-Aba E. Towards A Description Of Spoken Hebrew // *Hebrew Studies*. National Association of Professors of Hebrew (NAPH). 2005. Vol. 46. Pp. 145–67.
89. Bošković Ž. What will you have, DP or NP? // *Proceedings of NELS, 37 / E. Elfner, M. Walkow (eds.)*. Amherst, MA: GLSA, 2008. Pp. 101–114.
90. Bossong G. Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 185 p.
91. Bossong G. Differential object marking in Romance and beyond // *New analyses in Romance linguistics, selected papers from the XVIII Linguistic*

Symposium on Romance languages 1988 / D. Wanner and D. Kibbee (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1991. Pp. 143-170.

92. Bresnan, J., Kanerva J. Locative inversion in Chichewa: A case study of factorization of grammar. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20(1). Pp. 1-50.

93. Bruening B. Selectional asymmetries between CP and DP suggest that the DP Hypothesis is wrong // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* / Laurel MacKenzie (ed.). Vol. 15(1): 5. 2009. Pp. 26-35.

94. Carlson G., Sussman R., Klein N., Tanenhaus M. Weak definite noun phrases // *Proceedings of NELS 36* / C.Davis, A.R. Deal, Y. Zabbal (eds.). Amherst, MA: GLSA. 2006. Pp. 179–196.

95. Chafe W. L. Language and Consciousness // *Language*. Vol. 50(1). 1974. Pp. 111–133.

96. Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // *Subject and topic* / Li C. N (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 25-55.

97. Chafe W. Cognitive constraints on information flow // *Coherence and grounding in discourse* / Tomlin R. (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1987. Pp. 21–52.

98. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press. 1994. 392 p.

99. Chierchia G. Reference to kinds across languages // *Natural Language Semantics*. Vol. 6. 1998. Pp. 339–405.

100. Christophersen P. The Articles. A study of their theory and use in English. London: Oxford University Press, 1939. 206 p.

101. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.

102. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 420 p.

103. Coffin E.A, Bolozky Sh. A Reference Grammar of Modern Hebrew.

Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 447 p.

104. Comrie B. Ergativity // *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language* / Lehmann W.P. (ed.). Austin: University of Texas Press, 1978. Pp. 329-394.

105. Comrie B. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 264 p.

106. Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 331 p.

107. *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference* / C.Hofherr, P. Zribi-Hertz, A. Zribi-Hertz (eds.). Leiden: Brill, 2014. 397 p.

108. Dahl Ö., Fraurud K. Animacy in grammar and discourse // *Reference and referent accessibility* / T.Fretheim and J.K.Gundel (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1996. Pp. 47-64.

109. Dalrymple M. *Lexical functional grammar (Syntax and Semantics. Vol 34.)*. New York: Academic Press. 2001. 461 p.

110. Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 247 p.

111. Danon G. *Syntactic Definiteness in the Grammar of Modern Hebrew* // *Linguistics*. Vol 39(6). 2001. Pp. 1071–1116.

112. Danon G. *Case and Formal Definiteness: the Licensing of Definite and Indefinite Noun Phrases in Hebrew*. PhD thesis, Tel-Aviv University. 2002. 243 p.
[Электронный ресурс] URL: <http://faculty.biu.ac.il/~danong1/papers/Danon2002-dissertation.pdf> (дата обращения: 29.09.2009).

113. Danon G. *The Hebrew Object Marker and Semantic Type* // *Proceedings of IATL 17* / Falk Y. (ed.). 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/17/Danon.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

114. Danon G. *Caseless nominals and the projection of DP* // *Natural Language & Linguistic Theory*. Vol. 24(4). 2006. Pp. 977–1008.

115. Danon G. *Definiteness spreading in the Hebrew construct state* // *Lingua*. 2008. Vol. 118(7). Pp. 872-906.

116. De Hoop H., Malchukov A. Case-marking strategies // *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol 39. Pp. 565–587.
117. De Hoop H., Narasimhan B. Differential case-marking in Hindi // *Competition and variation in natural languages: The case for case* / M. Amberber, H. de Hoop (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 321-345.
118. De Swart P., De Hoop H. Shifting animacy // *Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 44(1-2). Pp. 1-23.
119. *Determiners and Quantifiers: Functions, Variation, and Change* / C. Gianollo, K. von Stechow, M. Napoli (eds.). Leiden: Brill. 2021. 319 p.
120. *Differential Subject Marking. Studies in Natural Language and Linguistic Theory* / de Hoop H., de Swart P. (eds). Springer, Dordrecht. 2009. 312 p.
121. Dik S.C. *The Theory of Functional Grammar. Part 1*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. 433 p.
122. Dixon R.M.W. Ergativity // *Language*. 1979. Vol. 55(1). Pp. 59-138.
123. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67(3). Pp. 547-619.
124. Enç M. The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22 (1). Pp. 1—25.
125. Falk Y.N. Case: Abstract and Morphological // *Linguistics*. 1991. Vol. 29(2). Pp. 197–230.
126. Fillmore C.J. The case for case // *Universals in linguistic theory* / E. Bach, R. T. Harms (eds.). Vol. 1-88. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. Pp. 1-25.
127. Fodor J., Sag I. Referential and quantificational indefinites // *Linguistics and Philosophy*. 1982. Vol. 5. Pp. 355–398.
128. Foley W.A., Van Valin R.D. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 432 p.
129. Francez I., Goldring K. Quantifiers in Modern Hebrew // *Handbook of quantifiers in natural language, Studies in Linguistics and Philosophy*. Vol. 90 / E.Keenan and D.Paperno (eds.). Berlin: Springer, 2012. Pp. 347-397.

130. Garr W.R. Affectedness, aspect, and Biblical Hebrew 'et // *Zeitschrift für Althebraistik*. Vol.4/2. 1991. Pp. 119-134.
131. Gesenius W. *Gesenius' Hebrew Grammar* / E. Kautzsch (ed.). Transl. Arthur E. Cowley. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1910. 598 p.
132. Gianollo C., Heusinger K., Napoli M. Reference and Quantification in Nominal Phrases: The Current Landscape and the Way Ahead // *Determiners and Quantifiers: Functions, Variation, and Change* / C. Gianollo, K. von Heusinger & M. Napoli (eds.). Leiden: Brill, 2022. Pp. 1-28.
133. Givón T. Definiteness and referentiality // *Universals of human language* / Greenberg J.H., Ferguson C.A., Moravcsik E.A. (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1978. Vol. 4. Pp. 291-330.
134. Givón T. On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // *Theoretical issues in the grammar of Semitic languages (MIT Working Papers in Linguistics 3)* / Borer H., Aoun Y. (eds.). Cambridge, MA: MIT, 1981. Pp. 233-255.
135. Givón T. Topic continuity in discourse, an introduction // *Topic continuity in discourse: A quantitative crosslanguage study (Typological Studies in Language, vol. 3)* / ed. by T. Givón. Amsterdam: Benjamins, 1983. Pp. 1-41.
136. Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. II. Amsterdam, 1990. 417 p.
137. Givón T. The Grammar of Referential Coherence as Mental Processing Instructions // *Linguistics*. 30. 1992. Pp. 5-56.
138. Givón T. *Syntax: an introduction*. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 500 p.
139. Giusti G. The categorial status of determiners // *The new comparative grammar*. London: Longman, 1997. Pp. 95-123
140. Glinert L. *The Grammar of Modern Hebrew*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
141. Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse // *Language*. 1993. Vol. 69(2). Pp. 274-307.

142. Hacoen A., Kagan O., Plaut D. Differential Object Marking in Modern Hebrew: Definiteness and partitivity // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021. Vol. 6(1). Pp. 1-34.
143. Halevy R. Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew: Cross-language comparison with English, German and Spanish // *On Interpreting Construction Schemas* / N.Delbecque, B.Cornillie (eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2008. Pp. 61-102.
144. Halevy R. Modern Hebrew syntax // *Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics* / G. Khan (ed.). Vol. 3. Brill: Leiden, 2013. Pp. 707-722.
145. Halliday M.A.K. *Introduction to Functional Grammar*. Oxford University Press, 2004. 689 p.
146. Harder P. Determiners and Definiteness: Functional semantics and structural differentiation // *Essays in nominal determination: from morphology to discourse management* / H.H.Muller, A.Klinge (eds.). Amsterdam, 2008. Pp. 1-27.
147. Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 368 p.
148. Haspelmath M. Differential place marking and differential object marking // *STUF - Language Typology and Universals*. Vol. 72. No. 3. 2019. Pp. 313-334.
149. Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits // *Linguistics*. Vol. 59. No. 1. 2021. Pp. 123-174.
150. Hawkins J.A. *Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction*. London: Croom Helm, 1978. 316 p.
151. heTenTen21 corpus [Электронный ресурс] URL: <https://www.sketchengine.eu/hetenten-hebrew-corpus/> (дата обращения: 15.09.2022).
152. Heusinger K. Specificity and definiteness in sentence and discourse structure // *Journal of Semantics* 19(3). 2002. Pp. 245–274.
153. Heusinger K., Kornfilt J. The Case of the Direct Object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology. *Turkish Languages*, 9. 2005. Pp. 3-44.
154. Heusinger K., Kornfilt J. Partitivity and case marking in Turkish and related

- languages // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2017. Vol. 2(1). Pp. 1-40.
155. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. Pp. 251–299.
156. Ionin T. This is Definitely Specific: Specificity and Definiteness in Article Systems // *Natural Language Semantics*. 2006. Vol. 14(2). Pp. 175–234.
157. Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. 2007. Vol. 83(1). P. 74—109.
158. Janssen B., Meir N., Baker A., Armon-Lotem Sh. On-line comprehension of Russian case cues in monolingual Russian and bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew children // *Proceedings of the 39th annual Boston University conference on language development / Grillo E., Jepson K. (eds.)*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2015. Pp. 266–278.
159. Brustad K. *The Syntax of Spoken Arabic: A Comparative Study of Moroccan, Egyptian, Syrian and Kuwaiti Dialects*. Georgetown University Press, 2000. 464 p.
160. Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. 175 p.
161. Keenan, E. L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8(1). Pp. 63-99.
162. Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 47(3). 1984. Pp. 468-500.
163. Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1(3). Pp. 279-346.
164. Kiparsky P. Partitive case and aspect // *The projection of arguments /M. Butt, W. Geuder (eds.)*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1998. Pp. 265-307.
165. Kittilä S. Remarks on the basic transitive sentence // *Language Sciences*. 2002. Vol. 24(2). Pp. 107–130.
166. Kittilä S. Case and the typology of transitivity // *The Oxford handbook of*

- case / A. Malchukov, A. Spencer (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 356-365.
167. Kolliakou D. Monadic definites and polydefinites: their form, meaning and use // *Journal of Linguistics*. 40. Vol. 2004. Pp. 263-323.
168. Krámský J. The article and the concept of definiteness in a language. The Hague, 1972. 212 p.
169. Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 388 p.
170. Lazard G. *L'Actance*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 265 p.
171. Lazard G. Le marquage différentiel de l'objet // *Language typology and language universals: An international handbook* / M.Haspelmath, E.König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Vol. 2. Berlin, 2001. Pp. 873–885.
172. Leu T. *The Internal Syntax of Determiners*. New York University PhD dissertation. 2008. 224 p.
173. Li C.N., Thompson S. Subject and topic: A new typology of language // *Subject and topic* / ed. C.N. Li. New York: Academic Press. 1976. Pp. 457-489.
174. Longobardi G. How comparative is semantics? A unified parametric theory of bare nouns and proper names // *Natural Language Semantics*. 2001. Vol. 9. Pp. 335–369.
175. Lyons Ch. *Definiteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 380 p.
176. Malchukov A. Case pattern splits, verb types, and construction competition // *Competition and variation in natural languages: the case for case* / M. Amberber, H. de Hoop (eds.). London & New York: Elsevier, 2005. Pp.73-117.
177. Malchukov A., de Swart P. Differential case marking and actancy variation // *The Oxford Handbook of Case* / A. Malchukov, A. Spencer (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 339–355.
178. Malchukov A.L., de Hoop H. Tense, aspect, and mood based differential case marking // *Lingua*. 2011. Vol. 121(1). Pp. 35-47.

179. Malchukov A.L. Animacy shifts and resolution of semantic conflicts: A typological commentary on Shifting animacy by de Swart & de Hoop // *Theoretical Linguistics*. 2018. Vol. 44(1-2). Pp. 47-55.
180. Malessa M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. Assen: Van Gorcum, 2006. 248 p.
181. Næss Å. Prototypical Transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 2007. 240 p.
182. Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992. 358 p.
183. Ornan U. The Nominal Phrase in Modern Hebrew. Part 1. Introduction and article. Jerusalem, 1965. 42 p.
184. Pinker S. Language, Cognition, and Human Nature. Selected Articles. Oxford: Oxford University Press, 2013. 392 p.
185. Plaut D., Hacoen A. The acquisition of Hebrew Differential Object Marking: Between production and comprehension // *Journal of Child Language Acquisition and Development*. 2022. Vol. 10(4). Pp. 627-652.
186. Primus B. Cases and Thematic Roles: Ergative, Accusative and Active. Berlin, New York: Max Niemeyer Verlag, 1999. 285 p.
187. Prince E. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical pragmatics* / Peter Cole (ed.). New York: Academic Press, 1981. Pp. 223-255.
188. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. and Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. London, 1985. 1779 p.
189. Rappaport Hovav M., Levin B. The English dative alternation: The case for verb sensitivity // *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. Pp. 129-167.
190. Ritter E. A head-movement approach to construct-state noun phrases // *Linguistics*. 1988. Vol. 26. Pp. 909-929.
191. Ritter E. Two functional categories in noun phrases: evidence from Modern Hebrew // *Perspectives on phrase structure: heads and licensing (Syntax and Semantics 25)* / Rothstein S. D. (ed.). New York: Academic Press, 1991. Pp. 37-62.

192. Rubin A.D. *Studies in Semitic grammaticalization*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2005. 177 p.
193. Ruigendijk E., Friedmann N. On the relation between structural case, determiners, and verbs in agrammatism: A study of Hebrew and Dutch // *Aphasiology*. 2008. Vol. 22(9). Pp. 948–969.
194. Russell B. *Logic and Knowledge*. London: Allen and Unwin, 1956. 256 p.
195. Saydon P.P. Meanings and uses of the particle 't // *Vetus Testamentum*. 1964. Vol. 14. Pp. 192-210.
196. Schwarzschild R. Singleton indefinites // *Journal of Semantics*. 2002. Vol. 19. Pp. 289–314.
197. Siloni T. Noun raising and the structure of noun phrases // *Papers from the Third Student Conference in Linguistics (MIT Working Papers in Linguistics 14)* / Bobaljik J.D., Bures T. (ed.). Cambridge, MA: MIT, 1991. Pp. 255-270.
198. Siloni T. *Noun phrases and nominalizations*. Ph. D. thesis, Department de linguistique generale, University De Geneve, 1994. 235 p.
199. Siloni T. *Noun phrases and nominalizations: The syntax of DPs* 40. Dordrecht: Springer Science & Business Media, 1997. 232 p.
200. Siloni T. Construct states at the PF interface // *Linguistic Variation Yearbook*. Vol. 1. / Pica P., Rooryck J. (eds.). John Benjamins, Amsterdam, 2001. Pp. 229–266.
201. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian National University, 1976. Pp. 112-171.
202. Sinnemäki K. A typological perspective on Differential Object Marking // *Linguistics*. 2014. Vol. 52(2). Pp. 281–313.
203. Shimelman A. *A grammar of Yauyos Quechua*. Berlin: Language Science Press, 2017. 359 p.
204. Shlonsky U. Hebrew construct state nominals, Arabic verb-initial clauses and the head movement constraint. L'Université du Québec à Montréal, 1991. 181 p.

205. Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: A study of Quantifier Float in Hebrew // *Lingua*. 1991. Vol. 84. Pp. 159–180.
206. Shlonsky U. *Clause Structure and Word Order in Hebrew and Arabic*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 304 p.
207. Stowell T. Determiners in NP and DP // *Views on phrase structure / K.Leffel, D.Bouchard (eds.)*. Berlin: Springer, 1991. Pp. 37–56.
208. Szabolcsi A. Functional categories in the noun phrase // *Approaches to Hungarian 2 / I. Kenesei (ed.)*. Szeged: JATE, 1987. Pp. 167–190.
209. Szabolcsi A. The Noun Phrase // *Syntax and Semantics 27: The Syntactic Structure of Hungarian / F. Kiefer, K. É. Kiss (eds.)*. San Diego: Academic Press, 1994. Pp. 179-274.
210. Taube M. The usual suspects: Slavic, Yiddish, and the accusative existentials and possessives in Modern Hebrew // *Journal of Jewish Languages*. 2015. Vol. 3(1–2). Pp. 27–37.
211. Trompenaars Th., Kaluge T.A., Sarabi R., de Swart P. Cognitive animacy and its relation to linguistic animacy: evidence from Japanese and Persian // *Language Sciences*. 2021. Vol. 86. [Электронный ресурс] URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_3347556_1/component/file_3347557/content (дата обращения: 10.07.2023).
212. Tsunoda T. Remarks on transitivity // *Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 21. Pp. 385–396.
213. Van Valin R. *An introduction to syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.
214. Van Valin R., LaPolla R. J. *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 741 p.
215. Vanrell M. del M.B., Romeu J. A minimal cartography of Differential Object Marking in Spanish // *IBERIA: An International Journal of Theoretical Linguistics*. 2014. No 6. Pp. 75–104. [Электронный ресурс] URL:

- <https://revistascientificas.us.es/index.php/iberia/article/view/3007> (дата обращения: 02.07.2023).
216. Waltke B.K., O'Connor M.P. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1990. 784 p.
217. Wilson A.M. The particle **תא** in Hebrew // *Hebraica* 6. 1890. Pp. 139-150.
218. Wilson-Wright A.M. A Reevaluation of the Semitic Direct Object Markers // *Hebrew Studies*. 2016. Vol. 57. Pp. 7-15.
219. Winter Y. DP Structure and Flexible Semantics // *North East Linguistics Society*. 2000. Vol. 30. Pp. 709-731.
220. Wintner Sh. The affixal nature of the definite article in Hebrew // *Computational linguistics in the Netherlands 1997. Selected papers from the Eighth CLIN Meeting, Number 25 in Language and Computers: Studies in Practical linguistics* / Coppens, P.-A., van Halteren H., Teunissen L. (eds.). Amsterdam, 1998. Pp. 145-167.
221. Wintner Sh. Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *Journal of Linguistics*. 2000. Vol. 36(2). Pp. 319-363.
222. Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. Differential argument marking: Patterns of variation: An introduction // *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking [Studies in Diversity Linguistics]* / I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). Berlin: Language Science Press, 2018. Pp. 1-40.
223. Wright S.E., Givón T. The Pragmatics of Indefinite Reference: Quantified Text-Based Studies // *Studies in Language*. 1987. Vol. 11(1). Pp. 1-33.
224. Zhakevich P., Kantor B. Modern Hebrew // *The Semitic Languages* / J. Huehnergard, Pat-El N. (eds.). 2nd edn. London & New York: Routledge, 2019. Pp. 570-610.
225. שטרן נ. פועלי "את" בעברית הישראלית \\ בלשנות עברית חפ"שית. 17. 1979. עמ' 28-57.
Штерн Н. 'et' глаголы в израильском иврите // *Вычислительная лингвистика (на материале) иврита*. 1979. №17. С. 28-57.
226. אורנן יו. ביטויי עצם בספרות העברית החדשה. עבודת דוקטורט, האוניברסיטה העברית.
Орнан У. Именные группы в современной литературе на иврите. 1964 ירושלים

Докторская диссертация. Еврейский университет в Иерусалиме, 1964.

227. פלוטניק, ז., מלצר-אשר, א., & סילוני, ט. אנאקוזטיביות ומבנה השייכות הדאטיבית שפה 1-19 .2022 .16 ומוח, Плотник З., Мельцер-Ашер А., Силони Т.

Неаккузативность и посессивная дативная конструкция // Язык и мозг. 2022.

№ 16. С. 1-19. [Электронный ресурс] URL: http://www.language-brain.com/journal/docs/Plotnik_Meltzer-

[Asscher_Siloni_LanguageBrain16_Unaccusativity.pdf](http://www.language-brain.com/journal/docs/Plotnik_Meltzer-Asscher_Siloni_LanguageBrain16_Unaccusativity.pdf) (дата обращения:

10.07.2023).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Перечень таблиц

Таблица 1. Характеристики прото-ролей, согласно Д.Даути	27
Таблица 2. Параметры транзитивности в теории транзитивности	39
Таблица 3. Иерархия индивидуализации по Дж.Хану	41
Таблица 4. Распределение маркированных и немаркированных определенных ИГ в корпусе НОГ.....	117
Таблица 5. Распределение маркированных и немаркированных неопределенных ИГ в корпусе НОГ	125
Таблица 6. Частотность объектного маркирования указательных местоимений в корпусе НОГ	131
Таблица 7. Частотность объектного маркирования относительных местоимений в корпусе НОГ	134
Таблица 8. Частотность объектного маркирования местоимений в корпусе НОГ: сводные данные	139
Таблица 9. Корреляция параметра «определенность» и асимметричного объектного маркирования (согласно корпусу НОГ): сводные данные.....	141
Таблица 10. Частотность маркирования референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование (согласно корпусу НОТ): сводные данные	145
Таблица 11. Корреляция параметра «референциальный статус» и асимметричного объектного маркирования (согласно корпусу НОГ)	155
Таблица 12. Частотность объектного маркирования именных групп с квантификатором <i>kol</i> , имеющих конкретно-референтный статус в корпусе НОТ.....	161
Таблица 13. Частотность объектного маркирования конструкций с квантификатором <i>kol</i> и последующим относительным местоимением в корпусе НОТ	164
Таблица 14. Частотность объектного маркирования конструкций партитива в корпусе НОТ	165

Таблица 15. Частотность объектного маркирования конструкций партитива относительно параметра «референциальный статус» в корпусе НОТ	167
Таблица 16. Частотность объектного маркирования указательных местоимений: сводные данные	177
Таблица 17. Влияние определенности и референциальных характеристик на оформление референциальных выражений, демонстрирующих опциональное объектное маркирование: сводные данные	179
Таблица 18. Корреляция параметра «одушевленность референта» и объектного маркирования (согласно корпусам НОГ и НОТ) (p-value для каждого из корпусов < .00001): сводные данные	180
Таблица 19. Частотность объектного маркирования вопросительных местоимений в корпусе НОТ	182
Таблица 20. Частотность объектного маркирования относительных местоимений в корпусе НОТ	183
Таблица 21. Корреляция параметра «референциальный статус» и объектного маркирования относительных местоимений (согласно корпусу НОТ) (p-value < .00001)	189
Таблица 22. Корреляция параметров «референциальный статус», «одушевленность» и объектного маркирования относительных местоимений (согласно корпусу НОТ) (p-value < .00001).....	189
Таблица 23. Корреляция параметра «статус референта в дискурсе» и объектного маркирования кодирующего его референциального выражения (согласно корпусу НОГ) (p-value < .00001).....	192
Таблица 24. Частотность объектного маркирования относительно дискурсивного и референциального статусов именной группы в корпусе НОГ	195
Таблица 25. Корреляция степени доступности референтов, задействованных в предшествующем дискурсе, и объектного маркирования (согласно корпусу НОГ) (p = .44)	203

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Список условных сокращений

1, 2, 3	— 1-е, 2-е, 3-е лицо
A	— агенс
ACC	— аккумулятив
COP	— копула
CP	— множественное число общего рода
DAT	— датив
DEF	— определенность (оформление определенным артиклем)
F	— женский род
FUT	— будущее время
GEN	— генетив
IMP	— имперфектив
INDEF	— неопределенный артикль
INF	— инфинитив
M	— мужской род
O/P	— пациенс
OBJ	— объект
PART	— партитив
PERF	— перфектив
PL	— множественное число
POSS	— посессивный элемент
PRS	— настоящее время
PST	— прошедшее время
S	— субъект
SG	— единственное число
арт.-	— определенный артикль отсутствует
арт.+	— оформление определенным артиклем
ДОМ	— дифференцированное объектное маркирование
ИГ	— именная группа
неопр.+	— имеет неопределенный статус

опр.+	— имеет определенный статус
ПГ	— предложная группа
УказМ	— указательное местоимение